

2020

Issue 2

**VESTNIK YAROSLAVSKOGO GOSUDARSTVENNOGO
UNIVERSITETA IM. P. G. DEMIDOVA.
SERIYA GUMANITARNYE NAUKI**

ACADEMIC JOURNAL

Start date of publication – January 2007

Published four times a year

FOUNDER

P. G. Demidov Yaroslavl State University

EDITORIAL OFFICE

14 Sovetskaya str., Yaroslavl 150003, Russian Federation

Website: <http://j.uniyar.ac.ru/index.php/vyrgu>

E-mail: vestnik@uniyar.ac.ru

Phone.: +7-910-971-39-04 (Markova Elena Vladimirovna)

2020

№ 2

**ВЕСТНИК ЯРОСЛАВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА ИМ. П. Г. ДЕМИДОВА.
СЕРИЯ ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ**

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Издается с января 2007 года

Выходит 4 раза в год

УЧРЕДИТЕЛЬ

федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова»

РЕДАКЦИЯ

ул. Советская, 14, Ярославль, 150003, Российская Федерация

Веб-сайт: <http://j.uniyar.ac.ru/index.php/vyrgu>

E-mail: vestnik@uniyar.ac.ru

Тел.: +7-910-971-39-04 (Маркова Елена Владимировна)

Свидетельство о регистрации СМИ – ПИ № ФС77-69692 от «05» мая 2017 г. выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Подписной индекс в Объединенном каталоге «Пресса России» – 78782. Подписано в печать 21.06.2020. Формат 60 x 84 1/8. Объем 124 с. Тираж 32 экз. Заказ № . Свободная цена. Дата выхода в свет 30.06.2020. Издатель и его адрес: Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова; 150003, Россия, г. Ярославль, ул. Советская, 14. Типография и ее адрес: ООО «Филигрань»; 150049, Россия, г. Ярославль, ул. Свободы, 91.

16+

EDITOR-IN-CHEF

Anatoliy V. Karpov (Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia)

DEPUTIES EDITOR-IN-CHEF

Tatiana M. Gavristova (Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia)

THE EDITORIAL BOARD

Maksim V. Bavsun (Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Omsk, Russia)

Alexander I. Dontsov (Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia)

Anatoly L. Zhuravlev (Institute of Psychology, Moscow, Russia)

Yuriy P. Zinchenko (Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia)

Artem V. Ivanchin (Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia)

Olga Y. Ilyina (Tver State University, Tver, Russia)

Vladimir N. Kartashov (Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia)

Mergalias M. Kashapov (Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia)

Vladimir P. Konyakhin (Kuban state University, Krasnodar, Russia)

Natalia L. Krylova (African Institute, Moscow, Russia)

Alexander M. Kurennoj (Moscow State University, Moscow, Russia)

Sergei P. Mavrin (Constitutional Court of the Russian Federation, Moscow, Russia)

Andrey M. Lushnikov (Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia)

Marina V. Lushnikova (Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia)

Sergei P. Mavrin (Constitutional Court of the Russian Federation, Moscow, Russia)

Sergey B. Malykh (Psychological Institute of RAO, Moscow, Russia)

Viktoriya M. Marasanova (Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia)

Andrey A. Spiridonov (Russian Federation government, Moscow, Russia)

Nadegda N. Tarusina (Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia)

Lidia V. Tumanova (Tver State University, Tver, Russia)

Vladimir P. Fedyuk (Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia)

Pyotr P. Cherkasov (Institute of World History, RAS, Moscow, Russia)

Vladimir D. Shadrikov (Higher School of Economics, Moscow, Russia)

EDITORIAL BOARD SECRETARY

Elena V. Markova (Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia)

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

А. В. Карпов – (ЯрГУ, Ярославль, Россия)

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Т. М. Гавристова (ЯрГУ, Ярославль, Россия)

ЧЛЕНЫ РЕДКОЛЛЕГИИ

М. В. Бавсун (Омская Академия МВД России, Омск, Россия)

А. И. Донцов (МГУ, Москва, Россия)

А. Л. Журавлев (ИПРАН, Москва, Россия)

Ю. П. Зинченко (МГУ, Москва, Россия)

А. В. Иванчин (ЯрГУ, Ярославль, Россия)

О. Ю. Ильина (ТвГУ, Тверь, Россия)

В. Н. Карташов (ЯрГУ, Ярославль, Россия)

М. М. Кашапов (ЯрГУ, Ярославль, Россия)

В. П. Коняхин (КубГУ, Краснодар, Россия)

Н. Л. Крылова (Институт Африки РАН, Москва, Россия)

А. М. Куренной (МГУ, Москва, Россия)

С. П. Маврин (Конституционный суд РФ, Москва, Россия)

А. М. Лушников (ЯрГУ, Ярославль, Россия)

М. В. Лушникова (ЯрГУ, Ярославль, Россия)

С. П. Маврин (Конституционный Суд РФ, Москва, Россия)

С. Б. Малых (ПИ РАО, Москва, Россия)

В. М. Марасанова (ЯрГУ, Ярославль, Россия)

А. А. Спиридонов (Правительство РФ, Москва, Россия)

Н. Н. Тарусина (ЯрГУ, Ярославль, Россия)

Л. В. Туманова (ТвГУ, Тверь, Россия)

В. П. Федюк (ЯрГУ, Ярославль, Россия)

П. П. Черкасов (Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия)

В. Д. Шадриков (НИУ ВШЭ, Москва, Россия)

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

Е. В. Маркова (ЯрГУ, Ярославль, Россия)

HISTORY

Dementyeva V. V.

Imperium of Roman Interrex:
continued discussion..... 6

Frolov R. M.

Did the Proconsul Caesar enter the City of Rome
at the Beginning of 49 B. C.?.....18

Danilov E. S.

Divine personifications in Pausanias.....26

Uskov G. V.

Local government in the cities of Roman Africa
in the II AD: development trends32

Frolov D. L.

The meaning of a term «ἄρχων» in the Chronicle
of Morea and the Assizes of Romania.....38

Solovei M. A.

The material supply of the Donbass orphanages
from 1943 to 1945 (on statistical indicators.....42

Dashkovskaya O. D.

Mathematical modeling in Historical studies:
problems, features and opportunities
of method application.....48

LAW

Kartashov V. N.

Positive and negative aspects introduction
of digital technologies in law.....56

Tarusina N. N.

Marriage as a general legal construct:
are changes coming?.....60

Komarova O. Yu.

On the state of crime in Russia: General trends
and patterns66

Klimova A. S.

The essence and typology of defects
in legal regulation of relations.....72

PSYCHOLOGY

Karpov A. A.

Style features of the functional organization
of metacognitive sphere of personality
in management activity78

Vlasov N. A.

Ideas about the subject of medical psychology
in the works of russian scientists of the second
half of the twentieth century.....86

Narkevich A. V. , Kozlov V. V.

Research of socio-psychological properties
of the personality of persons engaged
in meditative practices94

Kolyshkina T. B., Markova T. B.

Subjective criteria for the evaluation of logos:
the psychology of branding 100

Perevozkina J. M., Spirin A. V.,

Fedorishin M. I.
Value-reflexive determinants of self-regulation
of cadets of the national guard of the Russian
Federation 106

Zuev K. B.

Bibliometric analysis of promising psychological
researches areas..... 114

Aleksandrov B. V.

Possibilities of logotherapy to form a positive
attitude to labor among convicts 120

ИСТОРИЯ

Дементьева В. В.

Империй римского интеррекса: продолжение дискуссии..... 6

Фролов Р. М.

Вступил ли проконсул Цезарь в город Рим в начале 49 г. до н. э.?18

Данилов Е. С.

Божественные персонификации в описании Павсания26

Усков Г. В.

Местное самоуправление в городах римской Африки во II в. н. э.: тенденции развития32

Фролов Д. Л.

Термин «ἄρχων» в «Морейской хронике» и «Ассизах Романии»38

Соловей М. А.

Материальное обеспечение детских домов Донбасса в 1943–1945 гг. (по данным статистики)42

Дашковская О. Д.

Математическое моделирование в исторических исследованиях: задачи, особенности и возможности применения метода48

ПРАВО

Карташов В. Н.

Позитивные и негативные аспекты внедрения цифровых технологий в юриспруденцию.....56

Тарусина Н. Н.

Брак как общеправовая конструкция: грядут ли перемены?.....60

Комарова О. Ю.

О состоянии преступности в России: общие тенденции и закономерности66

Климова А. С.

Сущность и типология дефектов правового регулирования общественных отношений.....72

ПСИХОЛОГИЯ

Карпов А. А.

Стилевые особенности функциональной организации метакогнитивной сферы личности в управленческой деятельности.....78

Власов Н. А.

Представления о предмете медицинской психологии в трудах отечественных ученых второй половины XX века.....86

Наркевич А. В., Козлов В. В.

Исследование социально-психологических свойств личности лиц, занимающихся медитативными практиками.....94

Кольшикина Т. Б., Маркова Е. В.

Субъективные критерии оценки логотипов: психология брендинга..... 100

Перевозкина Ю. М., Спириин А. В.,

Федоришин М. И.

Ценностно-рефлексивные детерминанты саморегуляции курсантов войск национальной гвардии Российской Федерации..... 106

Зуев К. Б.

Библиометрический анализ перспективных направлений психологических исследований 114

Александров Б. В.

Возможности логотерапии в формировании положительного отношения к труду осужденных 120

Imperium of Roman Interrex: continued discussion

V. V. Dementyeva¹

¹P. G. Demidov Yaroslavl State University, 14 Sovetskaya str., Yaroslavl 150003, Russian Federation

Research article
Full text in Russian

The article discusses the debatable question of whether Roman interrex was empowered with *imperium*, the problem that was updated in the historiography of the last decade in the works of Aleksandr Koptev and Maria Chiara Mazzotta. The author defends the point of view about interrex as a magistrate *cum imperio*. The arguments in favor of this position are: the application of the right of legislative initiative by the interrex, his judicial powers, the inclusion of interrex as the first person into the *senatusconsultum ultimum*, the position of the interrex as an eponym magistrate, a *magistatus curulis*, and a person endowed with exclusive *cum imperio* credentials – *lictors with fasces*.

Keywords: interregnum; interreges; imperium; Roman republic; senate; *senatusconsultum ultimum*; magistrates

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Dementyeva Vera V. | E-mail: vv_dementieva@mail.ru
Doctor of Sciences in History, Professor

Империй римского интеррекса: продолжение дискуссии

В. В. Дементьева¹

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, ул. Советская, 14, Ярославль, 150003, Российская Федерация

УДК 94(3)

Научная статья

В статье обсуждается актуализированный в историографии последнего десятилетия в работах А. В. Коптева и М. К. Мацотты дискуссионный вопрос о том, был ли римский интеррекс наделен империем. Автор отстаивает точку зрения об интеррексе как магистрате *cum imperio*. Аргументами в пользу такой позиции служат: применение интеррексом права законодательной инициативы, его судебные полномочия, включение интеррекса первым лицом в *senatusconsultum ultimum*, положение интеррекса как магистрата-эпонима, курульного магистрата, и лица, наделенного исключительными символами полномочий *cum imperio* – ликторами с фасками.

Ключевые слова: *interregnum*; *interreges*; *imperium*; Римская республика; сенат; *senatusconsultum ultimum*; магистраты

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Дементьева Вера Викторовна | E-mail: vv_dementieva@mail.ru
| Доктор исторических наук, профессор

Более 20 лет назад мною была опубликована монография о римском интеррегнуме [1]. В ней (в числе других проблем) обсуждался дискуссионный вопрос о том, являлся ли интеррекс магистратом с империем, и был дан положительный ответ [1, с. 84–90]. Вопрос этот поднимался в историографии с позапрошлого века; в XIX – начале XX вв. на позициях признания интеррекса магистратом с империем находились Й. Рубино [2, S. 93], Т. Моммзен [3, S. 637, 649; 4, S. 271], Л. Ланге [5, S. 289], Э. Херцг [6, S. 512; 7, S. 731], И. В. Нетушил [8, с. 167], в дальнейшем этой точки зрения придерживались К. Х. Фогель [9, S. 78], Х. Зибер [10, S. 77–78], У. фон Любтов [11, S. 157; 12, S. 183], Ф. Де Мартино [13, р. 216], Эр. Мейер [14, S. 161], А. Магделен [15, р. 313–339], К.-Й. Хелькескамп [16, S. 48] и другие авторы. Противоположную позицию занял в конце XIX в. А. Ниссен [17, S. 49–51]; позднее она нашла сторонников, в частности С. Стевли, отрицавшего магистратский характер власти интеррекса [18, р. 24–57]. В десятые годы XXI в. обсуждение этой про-

блемы было актуализировано и заострено, что заставило меня вернуться к рассмотрению аргументации сторон.

В статьях исследователя из Финляндии Александра Викторовича Коптева [19–22] утверждается, что интеррекс не был магистратом и не имел империя (и, следовательно, всех прав, характерных для высших магистратов с империем). В противовес такой точке зрения итальянская исследовательница Мария Кьяра Мацотта [23–24] признает наличие империя у междуцаря. Она считает, что если с установлением республиканской политической системы и вплоть до I в. н. э. интеррекс выполнял только функции председателя на консульских выборах, чтобы ликвидировать вакуум власти, то в последний век Республики у интеррекса появляются законодательные, правовые и военные задачи; в это время он играл роль настоящего «правительства». Именно второй подход к решению данного вопроса я и могу разделить. Уверенность в положительном ответе на вопрос о наличии империя

у интеррекссов подкрепляется определенным комплексом аргументов, накопленных в науке, которые и будут далее изложены, так же как и контраргументы оппонентов.

Центральный довод А. В. Коптева состоит в следующем: «Сами римляне, – пишет он, – не считали интеррекссов магистратами, как следует из слов Ливия (6.41.5–6): “будучи частными лицами мы (патриции) имеем ауспиции, которых эти (плебеи), не имеют и магистратами (et privatim auspicia habeamus, que isti ne in magistratibus quidem habent)!” Имеется в виду, что патриции проводят ауспиции во время интеррегнума, не занимая никакой должности» [21, с. 82; 22, р. 207; 20, с. 318¹]. Однако у Ливия сказано о ситуации, когда ауспиции переходили к patres и они, будучи действительно частными лицами, выбирали **первого интеррекса**. Речь идет совсем не о том, и даже близко не о том, что интеррекссы не занимают никакой магистратуры. Речь идет вообще не об интеррексах, а о patres, их выбирающих и не занимающих при этом никакой магистратуры. У Ливия говорится об ауспициях **перед выборами**, при проведении которых на любую исходно патрицианскую должность совершаются ауспиции, и после этого добавлено: «мы сами, без народного голосования, назначаем интеррекса по ауспициям, даже будучи частными лицами, мы совершаем ауспиции, которых эти (плебеи) не имеют и магистратами». Если восстановить в цитате из Ливия начало предложения и предыдущую фразу, то совершенно очевидно, что речь идет не об ауспициях интеррекса, а об ауспициях patres при определении ими первого интеррекса: «Penes quos igitur sunt auspicia more maiorum? Nempe penes patres; nam plebeius quidem magistratus nullus auspicato creatur; nobis adeo propria sunt auspicia, ut non solum quos populus creat patricos magistratus non aliter quam auspicato creet sed nos quoque ipsi sine suffragio populi auspicato interregem prodamus et priuatim auspicia habeamus, quae isti ne in magistratibus quidem habent» (Liv. VI. 41.5–6). Таким образом, один из главных аргументов Коптева против магистратского статуса интеррекса («сами римляне не считали интер-

рекссов магистратами»), как бы базирующийся на тексте Ливия, не состоятелен.

Опубликованная Жаном Бабелом тессера [25, р. 15, Taf. 2, № 16]² (текст ее был включен в Corpus Inscriptionum Latinarum – CIL I². 2. 2663с), относящаяся к 53 г. до н. э., наглядно свидетельствует о том, что в I в. до н. э. интеррекс определял датировку по «политическому календарю»: «C. Octavius sp(ectavit) id(ibus) Iun(is) Q. Met(ello) int(errege)», следовательно, выступал в роли магистрата-эпонима, а в Риме таким мог быть только высший магистрат с империем. Дионисий Галикарнасский и Тит Ливий (Dionys. II. 57. 2; Liv. I. 17. 5) не оставляют сомнений в том, что интеррекссы с царских времен в качестве официального сопровождения имели ликторов с фасками, а Асконий дополняет эту информацию тем, что после прекращения полномочий высших ординарных магистратов и до назначения интеррекса фаски находились в роце храма Либитины (Ascon. in Mil. 33С). Можно ли представить обладателя ликторов с фасками в эпоху Республики персоной, не имеющей империя? Очевидно, нет. Ливий (Liv. XLI. 9. 11) называл интеррекса при перечислении высших магистратов и утверждал, что он был правомочен совершать акты высшей гражданской власти: «Ad legem et edictum consulis senatus consultum adiectum est, ut dictator, consul, interrex, censor, praetor, qui nunc esset quive postea futurus esset, apud eorum quem qui manu mitteretur, in libertatem vindicaretur, ut ius iurandum daret, qui eum manu mitteret, civitatis mutande causa manu non mittere; in quo id non iuraret, eum manu mittendum non censuerunt». А. В. Коптев этот аргумент отбрасывает на том основании, что включение интеррекса в число магистратов, названных в данном сенатском постановлении, «по-видимому, принадлежало самому Ливию, что указывает на его восприятие этого института» (20, с. 322–323).

Логика оппонента, следовательно, такова: Ливий воспринимал институт междуцарствия

² Й. Ян [26, S. 14] называл ошибочно публикатора Эрнстом Бабелом (т. е. именем отца Жана Бабелона, однако Эрнст умер еще в 1924 г., за 4 года до этой публикации). У А. В. Коптева, не рассматривающего этот эпиграфический источник, немецкий историк Йоахим Ян, ученик Йохена Бляйкена и автор одной из самых фундаментальных работ по теме, превратился в Йоахима Хана [21, с. 83] и – при воспроизведении его фамилии в таком виде на кириллице – стал неузнаваемым.

¹ При цитировании статей А. В. Коптева здесь и далее орфография и пунктуация его публикаций, включая цитаты из произведений античных авторов, сохранены.

искаженно (т. е. преувеличил значение интеррекса, полагая, что он высший магистрат) и включал интеррексов – по своему усмотрению – при передаче государственных актов в их содержание. Но Ливий начал писать свой труд не более чем через 25 лет после последнего, надежно известного нам, республиканского интеррегнума (а если допустить реальность интеррегнума 43 г. до н. э., который историки нередко предполагают, то и 15 лет не прошло), когда знания о статусе интеррекса еще не могли быть утрачены. Конечно, можно игнорировать сведения Ливия, не заставшего во взрослом состоянии республиканский интеррегнум, но есть ведь еще и современник нескольких междуцарствий I в. до н. э. – Цицерон, который в числе магистратов, имеющих *ius agendi cum patribus et cum populo*, называет того, кого *patres* назначат, чтобы он выдвинул кандидатов в консулат (*eique quem patres produnt consulum rogandorum ergo*), т.е. интеррекса (Cic. *Leg.* III. IV. 10). Это право традиционно и абсолютно закономерно понимается в юридической романистике как содержащее полномочия магистрата вносить в сенат *relationes*, а в народное собрание – *rogationes*. Именно из *ius agendi cum patribus et cum populo* вытекало руководство магистратом выборами должностных лиц, а выборы консулов (проведение которых являлось конечной целью интеррегнума) – прерогатива не просто носителя империя, а занимавшего самую высокую должностную ступеньку из таковых носителей магистрата, ординарного или экстраординарного.

А. В. Коптев утверждает, что наличие *ius agendi cum patribus et cum populo* «у консула, претора, диктатора и его заместителя отнюдь не уравнивает с ними интеррекса и по всем прочим параметрам магистратур» [21, с. 83, прим. 19]. Конечно, «параметры» у перечисленных магистратур – у каждой свои и магистратуры не тождественны полностью по ним, но это не означает, что интеррекс, в отличие от тех, с которыми его Цицерон поставил в один ряд, не был носителем империя. Коптев исходно берет в качестве аксиомы утверждение: «ни интеррекс, ни диктатор не были магистратами римского народа» [21, с. 82], добавляя, что «в отношении интеррексов это продемонстрировал Уго Коли» [21, с. 82, прим. 12], хотя на указанных страницах (27, р. 54–59; 156–157)

как, впрочем, и на других, У. Коли, занимавшийся империем рекса, равным счетом ничего такого не доказал.

О наделении интеррекса властными полномочиями в сфере *militiae* свидетельствует Саллюстий (Sallust. *Hist.* I. 2. 22), излагая ситуацию междуцарствия 77 г. до н. э. Интеррегнум данного года был вызван к жизни обстановкой политической борьбы постсулланского времени: консул Квинт Лутаций Катулл, сторонник сулланских порядков, и его коллега по консулату Марк Эмилий Лепид вступили в вооруженное противостояние. Собрав в Этрурии войско, антисенатски настроенный Лепид угрожал Риму – тем временем административный год закончился, выборы новых консулов проведены не были, наступило междуцарствие, продолжительность его неясна. Саллюстий, передавая речь Луция Марция Филиппа в сенате, приводит слова о том, что в обстановке, когда Марк Лепид ведет войско на Рим, «*uti App. Claudius interrex cum Q. Catulo pro consule et ceteris, quibus imperium est, urbi praesidio sint operamque dent, ne quid res publica detrimenti capiat*» – пусть интеррекс Аппий Клавдий вместе с проконсулом Квинтом Катулом и другими лицами, наделенными империем, обороняют город и принимают меры, чтобы общее дело не понесло ущерба.

Оборот «*ceteris, quibus imperium est*» А. Ниссен предлагал понимать в значении «с другими, в отличие от него, имеющими империй», на основе чего и делал вывод, что интеррекс был *sine imperio* [17, S. 50–51]. Но по контексту понятно, что переводить нужно «с другими, как и он, имеющими империй», ибо никакого противопоставления интеррекса магистратам *cum imperio* у Саллюстия нет. Очевидно, что интеррексу вместе с проконсулом и другими лицами с империем предлагалось командовать войсками в период обороны Рима и у державшего речь Л. Марция была цель призвать сенаторов направить полководцев для руководства военными действиями по защите города; у него не было сомнений в правомочности этого для интеррекса. Не предлагал же, в самом деле, Марций усилить оборону города еще одним рядовым воином – интеррексом Аппием Клавдием!? Такую трактовку пассажа я предлагала более 20 лет назад, аналогичную трактовку (признание выполнения интеррексом задач

обороны Рима вместе с другими магистратами cum imperio) дает в последние годы М. Маццотта [23, р. 63]. А. В. Коптев, однако, принимает во внимание наблюдение Бриггса Тваймена, что Клавдий был консулом 79 г. до н. э., получил после консулата назначение в Македонию, но из-за болезни не поехал в провинцию и мог иметь империй как проконсул. А. В. Коптев делает вывод, что империем Клавдий был наделен не как интеррекс [22, р. 207]. Но если мы согласимся с античными авторами, что внутри города интеррекса сопровождали ликторы с фасками (А. В. Коптев признает наличие у интеррексов инсигний власти – и fasces, и sella curulis [21, с. 83; по ошибке в статье А. В. Коптева – fasci, та же ошибка и в 22, р. 205]), то должны, выстраивая логически непротиворечивую картину, признать, что империй интеррекс имел не проконсульский, т. е. не промагистрата, а высшего магистрата. Независимо от того, сохраняли свой проконсульский империй Клавдий, второй год не покидавший Рима по истечении консульских полномочий, в должности интеррекса он империем был наделен именно в этом своем статусе, со всеми вытекавшими из него полномочиями, в т. ч. правом осуществлять военное командование.

Асконий называет интеррекса 52 г. до н. э. М. Лепида курульным магистратом (Asc. in Mil. 33C: «Domus quoque M. Lepidi interregis – is enim magistratus curulis erat creatus...»). С. Стэвли, тем не менее, усомнился в том, что в приведенной цитате собственно должность интеррекса названа курульной [18, р. 196–197]. Он поддержал не подкрепленное источниками предположение Ф. Мюнцера (оспоренное, кстати, в свое время Й. Яном [26, S. 178–179]), что М. Эмилий Лепид мог быть курульным эдилом, и именно это имел в виду Асконий, когда говорил о нем как об интеррексе, называя курульным магистратом. Но ведь при наступлении интеррегнума ординарные магистраты слагали свои полномочия, а к январю 52 г., о котором идет речь, избраны были только трибуны и плебейские эдилы (как их помощники); выборы же низших магистратов, исходно относившихся к патрицианским, могли состояться только после выборов высших магистратов. Это заставляет меня считать, что в момент интеррегнума Лепид не мог исполнять низшую ординарную должность.

Цицерон в письме к Бруту 5 мая 43 г. до н. э. отмечал, что, пока будет хотя бы один патрицианский магистрат, ауспиции не могут возвратиться к отцам: «...dum unus erit patricius magistratus, auspicia ad patres redire non possunt» (Cic. Ep. ad Brut. I. 5. 4), то же подтверждает и Кассий Дион (Dio. Cass. XLVI. 45. 3): «ἐπειδὴ ἀδύνατον ἦν μεσοβασιλέα δι' ὀλίγου οὕτως ἐπ' αὐτὰς κατὰ τὰ πάτρια γενέσθαι, πολλῶν ἀνδρῶν τῶν τὰς εὐπάτριδας ἀρχὰς ἐχόντων ἀποδημούντων».

У А. В. Коптева, однако, на интеррегнум 52 г. до н. э. свой особенный взгляд, у него собственная реконструкция событий. Рассмотрим подробнее, в чем она состоит, и оценим аргументацию оппонента.

Весьма красноречиво говорящим о погруженности автора в предмет изучения является следующее суждение А. В. Коптева, от которого он, собственно, и отталкивается: «Единственным источником об интеррегнуме 52 г. являются комментарии Аскония к несохранившейся речи Цицерона в защиту Милона» [19, с. 141]. Позвольте, если эта речь Цицерона не сохранилась, что же тогда публикуют издатели всего мира под ее видом? Но, видимо, А. В. Коптеву читать ее не приходилось, во всяком случае – до 2012 года, судя по его утверждению. И разве об интеррегнуме 52 г. не сообщает прямо, кроме Аскония («единственного» для Коптева источника), Кассий Дион? Он дает вполне четкую информацию, используя греческий эквивалент понятия “interrex” – “ὁ μεσοβασιλεύς” (Cass. Dio. XL. 49. 4–5), характеризуя момент назначения его и принятие сенатского постановления о предоставлении интеррексу и другим лицам чрезвычайных полномочий (см. далее в тексте статьи цитату фрагмента). Кроме того, разве ряд античных авторов (Цицерон, Плутарх, Аппиан, Ливий) не помогают воссоздать происходившие события? В статье 2013 г. А. В. Коптев упоминает свидетельство Кассия Диона, но, тем не менее, настаивает на единственности комментариев Аскония как источника по данному междуцарствию: «Дион указывает на назначение интеррекса после убийства Клодия, однако фактически единственным нашим источником об интеррегнуме 52 г. являются комментарии Аскония к речам Цицерона, сделанные в середине I в. н. э.» [20, с. 313]. Слова свои о «несохранившейся речи» Цицерона в защи-

ту Милона, к которой Асконий дал комментарий, он старается сгладить так: «Опубликованная позднее речь отличается от той, которую Цицерон произнес, будучи осажаем толпами сторонников Клодия и в присутствии вооруженных солдат, на Форуме в апреле 52 г.» [20, с. 313]. Но это не меняет дела – Асконий комментировал именно опубликованную речь Цицерона.

А. В. Коптев, выражая сомнения в точности передаваемой Аскинием информации, излагает следующее: «Асконий писал, что в январе 52 г., когда произошло убийство Клодия, интеррегнум, хотя он был положен по закону, не смогли начать из-за противодействия трибунов, он был назначен в дополнительном месяце и проведен незадолго до начала марта... В то же время Асконий упоминает Марка Лепида, дом которого был сожжен после похорон Клодия, называя его интеррексом и магистратом... Это создает впечатление будто интеррегнум начался уже в январе и Марк Эмилий Лепид был первым интеррексом. Однако есть основания сомневаться в точности этого рассказа. Асконий называет Марка Лепида триумвиром, которым он стал лишь десятилетием позже. В 52 г. Марк Эмилий Лепид еще не занимал достойных магистратур, претором он стал только в 49, а консулом в 46 г. Поэтому исследователи высказывали сомнения в том, что он был интеррексом в 52 г. ... Ошибка Аскиния (или реконструкции его текста) еще и в том, что он совмещает первого интеррекса с решением сената учредить интеррегнум в конце января, забывая, что он не состоялся» [19, с. 141–143].

Те же утверждения переходят и в статью 2013 г.: «Интеррегнум был назначен в дополнительном месяце, вставлявшемся в конце февраля, и проведен незадолго до начала марта. Видимо, это был обычный интеррегнум, проведенный взамен того, что был заблокирован трибунами в январе. Асконий же ошибочно совмещает первого интеррекса Лепида с решением сената учредить интеррегнум в конце января, забывая, что он не состоялся» [20, с. 315].

Итак, тезис А. В. Коптева: в январе 52 г. интеррегнум не состоялся, а состоялся он только незадолго до начала марта. Посмотрим, что же содержится в имеющихся источниках.

Январь 52 г. действительно не начался с интеррегнума, хотя ситуация его требова-

ла; трибун Тит Мунаций Планк блокировал путем интерцессии доклад сенату о созыве *patres* для избрания интеррекса, его действиями руководил Гней Помпей: «*Pompeius gener Scipionis et T. Munatius tribunus plebis referri ad senatum de patriciis convocandis qui interregem proderent non essent passi, cum interregem prodere stata res esset*» (Asc. in Mil. 31C). А затем 18 января произошло убийство Клодия, после чего, по свидетельству Кассия Диона, Милон надеялся, что гнев сената распространится на нечестивые дела противников его, Милона. 19 января труп Клодия сожгли в Риме, в курии; курия сгорела; как подчеркивает Дион далее (Cass. Dio. XL.49.4-5), сенаторы собрались на Палатине вечером того же дня и решили, чтобы сенаторы-патриции выбрали интеррекса, который и был выбран, – слова Диона не оставляют в этом сомнений, поскольку сразу же был принят *senatusconsultum ultimum*, где интеррекс и был упомянут, а кроме него – Помпей и плебейские трибуны: «ἐπεὶ δὲ τοῦτο τε ἐγένετο καὶ τὴν ὄργην τῆς γερουσίας ἐς τὸ τῶν ἀντιστασιωτῶν μίσημα περιχωρήσειν ἤλπισεν (εὐθὺς γοῦν τῆς δαίλης ἐς τὸ παλάτιον δι' αὐτὸ τοῦτο συλλεγόντες τὸν τε μεσοβασιλέα προχειρισθῆναι, καὶ τῆς φυλακῆς τῆς πόλεως καὶ ἐκεῖνον καὶ τοὺς δημάρχους καὶ προσέτι καὶ τὸν Πομπήιον ἐπιμεληθῆναι ὥστε μηδὲν ἀπ' αὐτῆς ἀποτριβῆναι, ἐψηφίσαντο), προῆι τε ἐς τὸ μέσον καὶ τῆς ἀρχῆς ὁμοίως ἢ καὶ μᾶλλον ἀντεποιεῖτο».

Следовательно, в соответствии с Дионом, интеррегнум наступил 19 января, после убийства Клодия, а не был «назначен в дополнительном месяце и проведен незадолго до начала марта», как считает А. В. Коптев, тем более что и Асконий относит появление интеррекса «одного за другим» ко времени после убийства Клодия; источники не противоречат друг другу. И Асконий отнюдь не зря «совмещает первого интеррекса с решением сената учредить интеррегнум в конце января», и никакой забывчивости у Аскиния, которая видится А. В. Коптеву в том, что интеррегнум якобы тогда не состоялся, нет. Асконий хронологически относит интерцессию Тита Мунация Планка, направленную против избрания интеррекса, явно ко времени до убийства Клодия, о чем свидетельствует последовательность изложения им событий.

Сомнения А. В. Коптева по поводу занятия должности интеррекса М. Эмилием Лепидом, возникшее у него из-за того, что Марк Лепид к январю 52 г. не занимал высших магистратур, могли бы развеяться, если бы он внимательно прочитал соответствующий раздел книги Й. Яна, где тот подробно объясняет, почему нарушение правила, по которому интеррексами выбирались консуляры, могло произойти [26, S. 178]. Было очень сложно найти в той ситуации патриция-консуляра: ряд патрициев, которые получали консульство за период от сулланского времени, отмечал Й. Ян, были уже умершими – Сулла, Аппий Клавдий Пульхр, М. Эмилий Лепид (консул 78 г. до н. э.), Гн. Корнелий Лентул Клодиан и П. Корнелий Лентул Сура, а также предположительно Гн. Корнелий Долабелла (консул 81 г. до н. э.) и Л. Манлий Торкват (консул 65 г. до н. э.), Гн. Корнелий Лентул (консул 56 г. до н. э.) и Мамерк Эмилий Лепид Ливиан (консул 77 г.). Из остальных консулов патрициями были Г. и Л. Цезари в Галлии, Ап. Клавдий Пульхр (консул 54 г.) в Киликии и П. Корнелий Лентул Спинтер вне померия, где он находился в надежде на триумф. В качестве потенциальных интеррексов были поэтому только Маний Эмилий Лепид (консул 66 г.), Валерий Мессалла Нигер, ставший интеррексом в ходе этого интеррегнума 52 г. до н. э., и М. Валерий Мессала Руф, который только что имел консулат.

Выбор, как видим, был при назначении интеррекса невелик. Хотя, конечно, в историографии имеется линия, которой придерживался и Т. Моммзен (и Й. Ян ее отмечал), что интеррексом в 52 г. до н. э. был не будущий триумвир, а Маний Эмилий Лепид (консул 66 года). Разумеется, триумвиром Марк Эмилий Лепид (если это был он, а не Маний) будет позже, и именно это указание у Аскония можно считать позднейшим исправлением его текста. Но сам факт назначения первого интеррекса 19 января 52 г. до н. э. оспаривать оснований нет.

Свою позицию А. В. Коптев формулирует и по поводу *senatusconsultum ultimum* при интеррегнуме 52 г. до н. э.: «Этот сенатусконсулт (*senatusconsultum ultimum*) имел отношение к проконсулу Помпею, но никак не к трибунам и тем более интеррексу. Поэтому с нашей точки зрения, упоминание Асконием интеррекса Лепида является анахронизмом

для конца января, а на самом деле интеррегнум, приведший к избранию консулом Гнея Помпея скорее всего состоялся за несколько дней до начала марта» [19, с. 142–143]. Утверждение повторяется и в другой его работе [20, с. 316–317]. Комментируя слова Коптева, замечу следующее. Во-первых, Дион Кассий подтверждает принятие *senatusconsultum ultimum* в цитированном мною выше фрагменте его сочинения и подтверждает именно в качестве сенатусконсульта, обращенного к интеррексу, проконсулу Помпею и плебейским трибунам, – эту информацию нельзя отринуть просто на основе недоверия Асконию. Во-вторых, интеррексом, который провел консульские выборы (избрание Помпея), был отнюдь не Лепид, а, как хорошо известно, патриций Сервий Сульпиций Руф (*Plut. Pomp.* 54.5, *Asc. in Mil.* 36С.), консул 51 г., претор 65 г. Поэтому приведенная фраза Коптева про анахронизм Аскония в отношении январского интеррегнума Лепида, которому противопоставляется избрание незадолго до начала марта Помпея («а на самом деле...»), просто бессмысленна, хотя в ней сформулирована «точка зрения» автора. Из того, что интеррекс Сульпиций Руф провел выборы Помпея в интеркаларии, никак не вытекает неисторичность январской должности интеррекса Лепида.

В статье 2016 г. А. В. Коптев (22, р. 219) предлагает еще одну реконструкцию событий, которая не согласуется ни с его собственной первоначальной версией, ни с источниками. Он отрицает прямое свидетельство Аскония (33, 34С) о непрерывной смене одного интеррекса другим в 52 г. («*fiabant interea alii ex aliis interreges*») и аргументирует тезис о том, что интеррексов было только двое (Лепид и Сульпиций Руф), с временным промежутком между ними. А. В. Коптев ссылается на сообщение Аскония о сенатусконсульте по поводу избрания Помпея консулом без коллеги (*Asc.* 36С). А. В. Коптев полагает, что Сульпиция Руфа интеррексом сделал *senatusconsultum* и он не получил должность от предыдущего интеррекса.

Однако Асконий пишет о постановлении сената исключительно по поводу избрания Помпея единственным консулом. Античный комментатор ни слова не говорит о том, что этим постановлением был назначен сам интеррекс.

Интеррегнум 52 г. до н. э. длился с вечера 19 января по интеркаларии, т. е., видимо, по 23-е число мерседониуса, эмболосмического месяца, когда были проведены выборы. К. Бёрден-Стревенс отмечает, что Помпей вступил в консульскую должность «на 24-й день промежуточного месяца между февралем и мартом» [28, р. 132]. Разумеется, сенатусконсулт развязывал руки именно Помпею, – срок полномочий интеррекса истекал через пять дней, трибуны враждовали друг с другом. Поэтому закономерно, что Цицерон именно Помпея называет в качестве лица, которому вручались полномочия сенатским постановлением: («...Cn. Pompeium, iuris publici, moris maiorum, rei denique publicae peritissimum, cum senatus ei commiserit ut videret ne quid res publica detrimenti caperet...»). Коптев тем не менее делает иные выводы: «При такой множественности интеррекссов, однако, Асконий сообщает о сенатусконсулте, адресованном одному интеррексу вместе с трибунами и проконсулом... Этот сенатусконсулт, если он имел место именно в таком виде как *senatusconsultum ultimum*, скорее должен был иметь отношение к проконсулу Помпею, обладавшему империем и войсками, чем к трибунам и тем более интеррексу» [20, с. 316]. Замечу, что при всей множественности интеррекссов, сенатусконсулт мог включать только одного из них, находившегося в должности в момент принятия сенатом данного постановления, поскольку интеррекссы друг друга сменяли; ни бывшим, ни будущим интеррекссам нельзя было официально поручить защиту государства – они уже или еще не находились в должности.

«В таком случае трибуны и интеррекс, – продолжает далее А. В. Коптев, – могли быть упомянуты здесь лишь из уважения к личностям носителей этих титулов, и их упоминание скорее принадлежит самому Асконию, не знавшему, видимо, что *senatusconsultum ultimum* к трибунам и интеррексу отношения не имел» [20, с. 316]. Опять мы видим способ и логику аргументации нашего оппонента, замыкающего порочный круг доказательств: он смотрит на источник с позиций собственного постулата, гласящего, что интеррекс не магистрат, поэтому для А.В. Коптева сенатусконсулт не мог иметь отношения к интеррексу; следовательно, его должность упомянута лишь «из уважения»

к его личности, да и сделано было это Асконием, доверия которому у А. В. Коптева нет. «Не могли быть упомянуты...», считает Коптев, исходя из собственной аксиомы, а пример интеррегнума 77 г., показывает, что могли быть упомянуты в чрезвычайном сенатусконсулте разные действующие должностные лица, в том числе и интеррекс: интеррексу Аппию Клавдию Пульхру (вместе с другими лицами) сенат предоставил чрезвычайные полномочия по защите Рима, а именно был принят *senatusconsultum ultimum* (Sallust. *Hist.* I. 2. 22). Обычная формула такого сенатского постановления, когда его принимали при действовавших консулах: «*Senatus decrevit darent operam consules ne quid res publica detrimenti caperet*». О формулировке постановления сената, дававшего права высшим магистратам любыми возможными способами бороться с врагами государства в условиях чрезвычайного положения, Цицерон (Cic. *Mil.* XXVI. 70) говорил, что этой одной строкой консулы всегда были достаточно вооружены даже без предоставления им оружия – «*quo uno versiculo satis armati semper consules fuerunt etiam nullis armis datis*».

Очевидно, Саллюстий фиксирует именно формулу принятия *senatusconsultum ultimum*. Й. Ян отмечал, что интеррегнум, который до времени Суллы был исключительно институтом, ответственным за выборы новых ординарных высших магистратов, посредством принятия этого решения уподоблялся «нормальным магистратурам» [26, S.167]. На мой взгляд, данная ситуация показывает, что интеррекс, как и консулы, был высшим магистратом с империем, с той разницей, что они были ординарными магистратами, а он – экстраординарным; но как носитель империя он мог заменять ординарных магистратов во всех делах. Включение в текст *senatusconsultum ultimum* должности интеррекса как первой из перечисленных показывает, что в поздней Республике все права консулов признавались и за интеррексом.

Из письма Цицерона Гаю Требацию Тесте, написанного в январе 53 г. до н. э. (Cic. *Ep. ad fam.* VII. 11: «*Quis enim, tot interregnis, iure consultum desiderat? Ego omnibus unde petitur hoc consilii dederim, ut a singulis interregibus binas advocaciones postulent.*»), со всей очевидностью следует, что в период междуцарствия у интеррекса были судебные функции, хотя,

по замечанию Цицерона, заниматься такими правовыми вопросами, которые требовали длительного времени, он возможности не имел из-за кратковременности полномочий. Обладание судебными полномочиями свидетельствует о наличии у интеррекса империя. Точно так же, как и я, понимает данный фрагмент письма Цицерона К. М. Маццотта [23, р. 65] (независимо от меня), находя юридические функции у интеррекса и поясняя, что каждый ответчик в судебном процессе имел право запросить несколько дней для подготовки защиты, а процессом должен был руководить один и тот же судья, следовательно, при пятидневном сроке полномочий интеррекса это приводило бы к отсрочке судебного заседания на неопределенный срок.

А. В. Коптев не признает свидетельство Цицерона в качестве аргумента в пользу судебных полномочий интеррекса. На каком основании он это делает? Оказывается [20, с. 322], что «в 53 г. Цицерон шутил в письме Гаю Требатию Тесте...», а «интеррексы, хотя и в шутку, рассматриваются здесь как носители властных полномочий подобно магистратам». Там, где Цицерон, скорее, сетует, Коптев находит шутку. Но если даже Цицерон шутил, то, для того чтобы шутка Цицерона имела смысл, как пишет А. Д. Льюис [29, р. 224], следует признать, что в период интеррегнума истец может попытаться начать (или, возможно, продолжить) судебное разбирательство, которое ответчик может отложить. Иначе говоря, судебное разбирательство могло проводиться и именно под руководством интеррекса, который не мог бы таковое осуществлять, если бы не был магистратом с империем.

Для междуцарствия 82 г. до н. э. (Коптев ошибочно относил этот интеррегnum к 81 г. до н. э. [21, с. 84]) имеется наглядный пример реализации права законодательной инициативы, свойственного высшему магистрату с империем, – внесение интеррексом закона в комиции. Луций Валерий Флак, будучи интеррексом, сделал законодательное предложение о введении диктатуры для приведения в порядок государственного управления. Аппиан свидетельствует, что весь этот интеррегnum был инспирирован Суллой (App. B. C. I. 98. 459–460). Однако факт принуждения сената со стороны Суллы к избранию междуцаря не яв-

ляется показателем того, что при данном интеррегnumе у интеррекса были не свойственные в принципе его должности права. Ведь институт *interregnum* продолжал свою политическую жизнь: в течение II в. были междуцарствия в 175, 162, 152 и 109 гг. [1, с. 104].

Кроме того, еще Й. Ян обратил внимание на то, что римские колонии, основанные во II в. до н. э., переняли институт междуцарствия [26, S. 161]. В связи с этим считаю научно плодотворным компаративный анализ римского интеррекса и *itrerreges* италийских городов, который предпринимает Э. Бьянчини, показывающий, что институт интеррегnumа имел примером таковой в Риме [29, р. 57–78], а местные должности обычно во многом воспроизводили римские образцы.

Хотя основное внимание А. В. Коптева при аргументации его позиции сосредоточивается на интеррегnumе 52 г. до н. э., он привлекает и сведения о междуцарствии 53 г. до н. э., выражая недоверие к реальности самого факта интеррегnumа данного года, во всяком случае, к его длительности: «Дион Кассий (XL, 45, 1), который служит источником для интеррегnumа 53 г., говорит, что с января до июля продолжались беспорядки в Риме, не позволявшие провести выборы, а не интеррегnum» [19, с. 141]. Рассмотрим, насколько обоснованно такое недоверие.

Затянувшаяся избирательная кампания превратилась в массовую скупку голосов кандидатами и череду разбирательств по этому поводу. Кассий Дион (Cass. Dio. XL. 45. 1–2) сообщает, что только в седьмом месяце Кальвин и Мессала были провозглашены консулами, т. к. случились характерные для тех лет смуты из-за выборов магистратов: «ἐν γὰρ δὴ τοῖς αὐτοῖς τοῦτοις ἔτεσιν ἄλλα τε ἐν τῇ πόλει στασιώδη πολλὰ κὰν ταῖς ἀρχαιρεσίαις μάλιστα ἐγένετο, ὥστε μόλις ἐβδόμῳ μηνὶ τὸν τε Καλοῦϊνον καὶ τὸν Μεσσάλαν ὑπάτους ἀποδείχθηναί». Аппиан (App. B.C. II. 19) определяет период отсутствия ординарных магистратов в восемь месяцев: «μῆνας ὀκτὼ τὴν πόλιν ἀναρχὸν ἐκ τῆς τοιαύτης ἀσυνταξίας γενώεσθαι». Проведение выборов к тому же тормозилось и из-за желания Помпея получить единоличную власть (по примеру Суллы стать диктатором посредством интеррегnumа). Цицерон в конце октября 54 г. до н. э. понимал эту подоплеку; он писал Аттику о том, что дело

идет к междуцарствию и возникает много разговоров о диктатуре: «Sed accipe alia. res fluit ad interregnum et est non nullus odor dictaturae, sermo quidem multus...» (Cic. *Att.* IV. 18. 3). В декабре того же года неизбежность междуцарствия была для Цицерона очевидна, что отразилось в его письме к брату Квинту (Cic. *Q. fr.* III. 9. 3); а в январе 53 г. до н. э. в письме Гаю Требацию Тесте он уже фиксировал начинавший затягиваться интеррегnum (Cic. *Fam.* VII. 11.1), непосредственно при характеристике ситуации используя понятия «interregnum» и «interreges». Недоверие А. В. Коптева к реальности/продолжительности интеррегnumа 53 г. на том основании, что Кассий Дион в XL. 45. 1 пишет о беспорядках, а не об интеррегнуме, не заслуживает серьезного внимания, ибо, во-первых, далее (Cass. Dio. XL. 45. 2-3), как будет ниже процитировано, Дион пишет именно об интеррексах (во множественном числе, по-гречески, в дательном падеже – τοῖς μεσοβασιλεῦσι) и сообщает о них, непосредственно относя их ко времени беспорядков; во-вторых, наличие интеррегnumа уже в январе этого года констатирует современник событий Цицерон.

К первому января 53 г. до н. э. находились в должности только плебейские трибуны и плебейские эдилы (обычная ситуация интеррегnumа – нет ординарных высших магистратов и, соответственно, низших, которые изначально устанавливались как патрицианские). Выборы консулов состоялись лишь в июле или августе 53 г. до н. э. Характеристику времени перед избранием консулов 53 г. до н. э. – именно времени интеррегnumа – дал Кассий Дион (Cass. Dio. XL. 45. 2-3): «καὶ οὐδ' ἂν τότε ἤρέθησαν, εἰ μὴ Κύντιος τε Πομπήιος ὁ Ροῦφος ἐς τὸ δεσποτήριον ὑπὸ τῆς βουλῆς, καίτοι τοῦ τε Σύλλου θυγατρίδους ὦν καὶ δημαρχῶν, ἐνεβλήθη, καὶ τοῦτο καὶ τοῖς ἄλλοις τοῖς κακουργῆσαι τι ἐθέλησασιν ἐψηφίσθη, τῷ τε Πομπήϊῳ ἢ πρὸς αὐτοὺς βοήθεια ἐνεχειρίσθη. ἔστι μὴν γὰρ ὅτε καὶ οἱ ὄρνιθες τὰς ἀρχαιρεσίας ἐπέσχον, οὐ βουλόμενοι τοῖς μεσοβασιλεῦσι γενέσθαι. μάλιστα δὲ οἱ δημάρχοι, τὰ πράγματα τὰ ἐν τῇ πόλει διέποντες ὥστε καὶ τὰς πανηγύρεις καὶ ἀντὶ τῶν στρατηγῶν ποιεῖν, ἐκώλυον τὰς λοιπὰς ἀρχὰς αἰρεθῆναι». Он акцентирует, что Гней Домиций Кальвин и Марк Валерий Мессала Руф не были бы избраны, если бы Квинт Помпей Руф, внук Суллы (один из плебейских трибунов), не был брошен в тюрьму сенатом; то же

самое наказание было присуждено другим злонамеренным, желавшим сделать что-то дурное, пока Помпею не поручили с ними бороться. Далее античный автор показывает важный аспект данного интеррегnumа: иногда предсказания по полету птиц препятствовали выборам властей, не благоволя интеррексам. Это означает, что либо интеррексы проводили ауспиции, либо же птицегадания по их обращению совершали авгуры. Слова Кассия Диона о том, что предзнаменования «не благоволят» интеррексам, означают «лишают их возможности провести выборы», но сами ли интеррексы наблюдают предзнаменования, не вполне ясно, – думается, что, скорее, речь в этом кратком выражении идет о том, что они это делают сами. Если это так, то и не удивительно: высшие магистраты с империем сами проводили ауспиции. Птицегадания неоднократно оказываются неблагоприятными. Поэтому выборы консулов переносятся; возможно, конечно, что неблагоприятные ауспиции использовались как предлог к затягиванию избирательного процесса. Более же всего, – подчеркивает Дион, – препятствовали избранию оставшихся магистратов плебейские трибуны, управлявшие делами в городе, чтобы самим, вместо преторов, руководить проведением праздников.

Упомянутый во фрагменте Кассия Диона заточенный в тюрьму сенатом Квинт Помпей Руф был, видимо, в 53 г. до н. э. избран плебейским трибуном на следующий, 52 г. до н. э., и, будучи десигнатом, мешал состояться все еще не проведенным консульским выборам на 53 г. до н. э., организуя беспорядки, что вызвало названную реакцию сенаторов, наказавших его и других активных участников провокации. Й. Ян полагал даже, что с большой вероятностью сенат облек свое решение в форму *senatusconsultum ultimum*, в котором были названы в качестве получающих чрезвычайные полномочия действующий интеррекс, проконсул Помпей и плебейские трибуны [26, S. 175]. Гней Помпей, видя, по словам Плутарха, что должности не распределяются так, как он хочет, решил сначала не препятствовать смуте; а поддерживавший его плебейский трибун Гай Луцилий Гирр стал убеждать народ вручить Помпею диктаторские полномочия. (Plut. *Pomp.* 54. 2). В конце концов, Помпей, устыдившись, – продолжает Плутарх,

изложив противодействие Катона диктаторским намерениям Помпея, – принял меры к восстановлению порядка и консулы были избраны (Plut. *Ротр.* 54. 3: «τότε μὴν αἰδέσθεις ἐπεμελήθη, καὶ κατεστάθησαν ὑπάτοι Δομέτιος καὶ Μεσσάλας»). К. Бёрден-Стревенс обращает внимание на то, что Аппиан, Плутарх и Цицерон предполагали, что Помпей сознательно совершал политические маневры, чтобы стать диктатором; но его планы были сорваны Катонем и Бибулом. Кассий Дион утверждает, что Помпей добровольно отказался от этого и приложил все усилия, чтобы избрать консулов на 53 год потому, что все ненавидели диктатуру из-за воспоминаний о жестокости Суллы [28, р. 146–149]. К. Бёрден-Стревенс для более точного понимания ситуации привлекает нумизматический материал 50-х гг. до н. э., подчеркивающий идею торжества республиканских магистратур над тиранией, на основании которого делает выводы, что диктатура стала в период поздней Республики токсичной и отказ от нее Помпея свидетельствует о его политической хватке.

Й. Ян, анализируя интеррегнумы I в. до н. э., считал, что в это время институт междуцарствия в уходящей Республике был полностью приравнен к высшим ординарным магистратурам: интеррекс провозглашал диктатора, вносил законы, заботился о гражданском правосудии, ему давали поручение на основе *senatusconsultum ultimum*. Я, со своей стороны, полагаю, что это все было изначально заложено в полномочиях интеррекса, но в ранней и классической Республике не было необходимости в реализации на практике потенциальных, базировавшихся на империи его полномочий. Я соглашаюсь с К. М. Маццоттой в том, что в последний век Республики у интеррекса появляются законодательные, правовые и военные задачи, и в это время он играл роль настоящего «правительства». То были именно продиктованные новыми условиями задачи, а отнюдь не новые полномочия; выполнение их обеспе-

чивал политико-правовой механизм интеррегнума, сохранявший длительное время, включая позднереспубликанское, свои архаические основы.

Таким образом, факты включения интеррекса первым лицом в *senatusconsultum ultimum*, применение интеррексом права законодательной инициативы, судебные его правомочия, отмеченное в источниках положение интеррекса как курульного магистрата, магистрата-эпонима и лица, наделенного исключительными символами полномочий *cum imperio* – ликторами с фасками – все это в совокупности заставляет считать его носителем империя.

А. В. Коптев, отрицающий наличие империя у интеррекса, более того не признающий за ним вообще статус магистрата, находится в какой-то своей отдельной системе координат, где историческая картина рисуется на основе взаимопротиворечащих или не согласующихся друг с другом утверждений, а сообщения источников используются подчас некорректно. Если продолжить ряд, выстраиваемый А. В. Коптевым, Цицерон шутит, когда пишет об интеррексе как о магистрате, Ливий не знает и потому включает интеррекса в число магистратов при передаче текста сенатусконсульта, Асконий то ошибается из-за забывчивости, то искажает сенатское постановление из уважения к личности, действовавшей на сотню лет ранее написания его комментариев, и т. п., добавим, – а А. В. Коптев безудержно фантазирует, видимо, по-прежнему исходя из постмодернистского принципа: занятие по изучению прошлого есть операция по созданию вербального вымысла. Ну, а читателю остается сравнить аргументацию и методику работы одних исследователей, почти два столетия накапливающих знания о римском интеррегнуме, с другими, делающими с наскока такие «революционные» построения, и оценить выводы тех и других.

Ссылки

1. Дементьева В. В. Римское республиканское междуцарствие как политический институт. М., 1998. 136 с.
2. Rubino J. Untersuchungen über römische Verfassung und Geschichte. Cassel: J. C. Krieger's Verlags – Buchhandlung, 1839. 504 S.

3. Mommsen Th. *Römisches Staatsrecht*. Leipzig: Verlag von S. Hirzel, 1871. Bd. 1. 527 S.
 4. Mommsen Th. *Römische Forschungen*. Bd. 1–2. Berlin: Weidmannsche Buchhandlung, 1864–1879. Bd. 1. 410 S; Bd. 2. 556 S.
 5. Lange L. *Römische Alterthümer*. Berlin: Weidmannsche Buchhandlung, 1876. Bd. 1. 964 S.
 6. Herzog E. *Das Institut des Interregnums in System der römischen Staatsverfassung // Philologus. Zeitschrift für das Klassische Alterthum*. Göttingen, 1876. Bd. 34. S. 489–515.
 7. Herzog E. *Geschichte und System der Römischen Staatsverfassung*. Leipzig: Verlag von B.G. Teubner, 1884. Bd. 1. 1188 S.
 8. Негушил И. В. *Очерк римских государственных древностей. Государственное устройство Рима*. Харьков: Тип. А. Дарре, 1894. Вып. 1. 232 с.
 9. Vogel K. H. *Imperium und Fasces // Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte. R. A. Weimar*, 1950. Bd. 67. S. 62–111.
 10. Siber H. *Römisches Verfassungsrecht in geschichtlicher Entwicklung*. Lahr: M. Schauerburg, 1952. VIII+ 434 S.
 11. von Lübtow U. *Die lex curiata de imperio // Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte. R. A.* 1952. Bd. LXIX. S. 154–171.
 12. von Lübtow U. *Das Römische Volk. Sein Staat und sein Recht*. Frankfurt am Main: Klostermann, 1955. 716 S.
 13. De Martino F. *Storia della costituzione Romana*. Napoli: E. Jovene. 1958. XII+434 p.
 14. Meyer Er. *Römischer Staat und Staatsgedanke*. Zürich und Stuttgart: Artemis-Verlag, 1961. 566 S.
 15. Magdelain A. *Jus imperium auctoritas. Etudes de droit Romain*. Roma, 1990. 809 p.
 16. Hölkeskamp K.-J. *Libera res publica. Die politische Kultur des antiken Rom – Positionen und Perspektiven*. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2017. 400 S.
 17. Nissen A. *Beiträge zum römischen Staatsrecht*. Strassburg: Verlag von Carl J. Trübner, 1885. 245 S.
 18. Staveley E. S. *The Nature and Aims of the Patriciate // Historia*. Bd. 32. P. 24–57.
 19. Коптев А. В. *Интеррегnum и ауспиции: предварительные замечания // Мнемон*. 2012. Вып. 11. С. 137–170.
 20. Коптев А. В. *О продолжительности римского интеррегnuma // Мнемон*. 2013. Вып. 12. С. 299–324.
 21. Коптев А. В. *Интеррегnum и диктатура: происхождение немагистратских должностей в раннем Риме // Вестник Литературного института им. А. М. Горького*. 2014. № 3. С. 80–103.
 22. Koptev A. *The five-day Interregnum in the Roman // The Classical Quarterly*. 2016. Vol. 66. P. 205–221.
 23. Mazzotta M. Ch. *L'interregnum a Roma // Politica Antica*. 2013. № 1, January–December. P. 51–80. URL: https://www.academia.edu/8265352/LInterregnum_a_Roma (дата обращения: 22.01. 2020).
 24. Mazzotta M. Ch. *Interregnum e dittatura comitiorum habendorum causa il caso di Q. Fabio Massimo nel 217 a. // Aevum*. 2016. 58. P. 125–140. URL: https://www.academia.edu/29673672/interregnum_e_dittatura_comitiorum_habendorum_causa_il_caso_di_Q._Fabio_Massimo_nel_217_a._C..pdf (дата обращения: 22.01. 2020).
 25. Babelon J. *Les tèsseries consulaires ou 'tesserae nummulairae' du Cabinet des Médailles // Aréthuse*. 1928. Vol. 5. P. 15. Taf. 2. № 16.
 26. Jahn J. *Interregnum und Wahldiktatur*. Kallmünz: Verlag Michael Lassleben, 1970. 195 S.
 27. Coli U. *Regnum // Studia et Documenta Historiae et Iuris*. 1951. Vol. XVII. P. 1–168.
 28. Burden-Strevens Ch. *The Republican Dictatorship: an Imperial Perspective // Cassius Dio and the Late Republic*. Leiden: Brill Academic Publishers, 2019. P. 131–157.
 29. Lewis A. D. E. *Advocatio: a postponement in iure // Ex Iusta Causa Traditum: Essays in Honour of Eric H. Pool / ed. R. van der Bergh*. Pretoria, 2005. P. 215–228.
 30. Bianchi E. *L'Interregnum fuori di Roma: origine e funzioni dell'istituto nelle città italiche // Storia antica e antichità classiche Istituto Lombardo (Rend. Lettere)*. 2011. Vol. 145. P. 57–78.
-

Did the Proconsul Caesar enter the City of Rome at the Beginning of 49 B. C.?

R. M. Frolov¹

¹P. G. Demidov Yaroslavl State University, 14 Sovetskaya str., Yaroslavl 150003, Russian Federation

Research article
Full text in Russian

This paper argues that, in the first months of 49 B. C., the proconsul Caesar did not enter Rome but remained near the city (*ad urbem*). He delivered speeches in the senate and in a *contio*, both legally convened for him outside the city limits. Our ancient sources do not allow us to conclude that Caesar entered Rome in order to organize right on the spot the emptying of the *aerarium* at the temple of Saturn on the forum or that he spent some time in the *regia* (likewise located in *urbe*). Thereby Caesar demonstrated his respect for republican regulations (according to which, a promagistrate lost his power upon entering Rome and, among other things, was not entitled to convene the senate). However, while avoiding the formal breach of these rules, the proconsul still attempted to control and direct the political processes in the city of Rome.

Keywords: Roman republic; promagistrates; in *urbe*; *ad urbem*; *pomerium*; *sphere domi*

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Frolov Roman M. | E-mail: frolovrn@yandex.ru
Candidate of Sciences in History, Associate Professor

Funding: The research for this article was supported by the Alexander von Humboldt Foundation through the Humboldt Research Fellowship for Postdoctoral Researchers (*Humboldt-Forschungsstipendium für Postdoktoranden*).

Вступил ли проконсул Цезарь в город Рим в начале 49 г. до н. э.?

Р. М. Фролов¹

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, ул. Советская, 14, Ярославль, 150003, Российская Федерация

УДК 94(37).05
Научная статья

В статье аргументируется тезис о том, что в первые месяцы 49 г. до н. э. проконсул Цезарь не вошел в город Рим, а оставался в его предместьях (*ad urbem*). Он выступил в сенате и в *contio*, которые были созданы для него законным порядком за городской чертой. Сведения источников не позволяют утверждать, что Цезарь вошел в Рим, чтобы лично руководить изъятием средств из эрария при храме Сатурна на форуме, либо какое-то время находился в Регии, располагавшейся *in urbe*. Таким образом, Цезарь демонстрировал уважение к фундаментальным республиканским нормам (согласно которым промагистрат утрачивал власть при вступлении в Рим, а также, например, не мог сам созывать сенат). Избегая формального нарушения этих правил, проконсул тем не менее стремился контролировать и направлять политические процессы в городе Риме.

Ключевые слова: Римская республика; промагистраты; *in urbe*; *ad urbem*; *pomerium*; сфера *domi*

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Фролов Роман Михайлович | E-mail: frolovrn@yandex.ru
Кандидат исторических наук, доцент

Финансирование: Статья подготовлена в рамках проекта, поддержанного научно-исследовательской стипендией Фонда Александра фон Гумбольдта (*Humboldt-Forschungsstipendium für Postdoktoranden*).

В марте 49 г.¹ Помпею удалось ускользнуть от преследования Цезаря и покинуть Италию. После этого Цезарь вернулся к Риму. Оставаясь еще на положении проконсула, он не мог пересечь границу города, обычно в исследовательской литературе определяемую как *померий*². В Республике по-прежнему действовало, существенно влияло на по-

литическую ситуацию и, по-видимому, никем всерьез не оспаривалось правило, согласно которому промагистрат утрачивал власть (империй и вместе с ним провинцию/провинции), если входил в Рим³. Ниже я аргументирую тезис о том, что проконсул Цезарь так и не вошел в Город в 49 г. Этот момент важен для понимания того, как Цезарь мог обеспе-

¹ Все даты – до нашей эры.

² В недавней диссертации Д. Эммелиус [1] оспаривает релевантность понятия *pomerium* как обозначения конкретной границы, повлиявшей на функционирование политических институтов.

³ Ср., например, Cic. Att. 7.74: *itaque si hoc imperium mihi molestum erit, utar ea porta quam primam videro* (декабрь 50 г.). Поэтому отнесение К. Пеллингом [2, р. 332] этой нормы к числу «тонкостей» (*niceties*) вводит в заблуждение.

читать контроль над политическими процессами в самом Риме, несмотря на то что оставался промагистратом.

Привести к выводу о том, что Цезарь оказался *in urbe* (в городе) еще будучи проконсулом, могут сообщения о двух событиях 49 г. Первое из них – заседание сената 1 апреля (и в последующие дни: *Caes. BCiv.* 1.33), а также *contio*. Проконсул выступил и там, и там (*Dio Cass.* 41.15–16). Насколько мне известно, в историографии не высказывается серьезных сомнений по поводу того, что все эти собрания происходили *ad urbem* (под городом). Это однозначно показывает переписка Цицерона, в которой и он сам, и его корреспонденты говорят о прибытии Цезаря *ad urbem* для участия в заседании сената (*Att.* 9.15.6; 9.17.1; также см. *Fam.* 4.1.1)⁴. Присутствие самого проконсула Цицерона на этом собрании не было исключено именно потому, что локализация *ad urbem* не противоречила его намерениям оставаться за пределами Города, чтобы не потерять империй и права на триумф.

Дион Кассий тоже прямо говорит о том, что сенат собрался за чертой померия (ἔξω τοῦ πωμηρίου), причем официально он был созван плебейскими трибунами М. Антонием и Кв. Кассием Лонгином (*Dio Cass.* 41.15.2–4). Иными словами, даже несмотря на то, что источники Диона в данном случае по отношению к Цезарю настроены скептически и даже негативно [3, р. 57–61], из текста следует, что были соблюдены все правила [4, S. 46]⁵ и формально проконсула просто пригласили в сенат для отчета. Последовавшая за этим *contio* таким же образом была созвана за чертой померия (*Dio Cass.* 41.16.1: καὶ πρὸς τὸν δῆμον, καὶ αὐτὸν ἔξω τοῦ πωμηρίου συνελθόντα; также ср. *Sen. Ben.* 5.16.5: *castra in circo Flaminio posuit*). Лишь у Лукана се-

нат собирается на Палатине (то есть в черте города), трибуны не играют никакой роли, а сенаторов созывает сам Цезарь (3.103–109) [5, р. 78–80; 6, р. 91; 7, р. 93; 8, S. 98–99]. К этому свидетельству поэта вернемся ниже.

Второй инцидент вызывает больше затруднений. Речь идет о столкновении Цезаря с плебейским трибуном Л. Цецилием Метеллом (тоже, очевидно, в апреле 49 г.) [4, S. 46–57; 9; 10, р. 209–210; 11; 12, S. 212–214; 13]. Последний препятствовал проконсулу при помощи интерцессии, а кроме того, заблокировал доступ к *aerarium sanctius*⁶, средства из которого стремился получить Цезарь. Некоторые источники подразумевают, что проконсул лично угрожал Метеллу. Если это так, то Цезарь должен был бы войти в Город, поскольку эрарий располагался в черте померия, в храме Сатурна⁷. Сам Цезарь о пребывании *in urbe* не сообщает (*BCiv.* 1.32–33), но его версия (в которой угрозы в адрес Метелла по понятным причинам прямо не упоминаются) вряд ли может быть принята без подкрепления со стороны других источников.

Немедленно возникает вопрос: если Цезарь позаботился о созыве сената и *contio* за чертой города и в письме Цицерону в начале марта 49 г. сам говорил о намерении прибыть именно *ad urbem* (*Cic. Att.* 9.6a; аналогично *Att.* 9.6.1; 9.11a.1; 9.16.3; 9.17.1; *Fam.* 8.15.1; *Caes. BCiv.* 1.32.1: *ad urbem proficiscitur*), то почему он все-таки оказался *in urbe* из-за Метелла, тем самым формально лишив себя проконсульской власти, а также права на галльский триумф⁸? Когда было решено забрать деньги из казны, зачем понадобилось личное присутствие Цезаря, если и без него солдаты могли выполнить поставленную задачу, проигнорировав *sacrosanctitas* (неприкосновенность) трибуна, а статус проконсула (точнее, бывшего проконсула, потерявшего

⁴ Указания позднейших авторов менее определенны (*Vell. Pat.* 2.50.2: *in urbem revertit*; *Suet. Iul.* 34.2: *Romam iter convertit*; *Oros.* 6.15.5: *Romam venit*), хотя фразу Плиния Старшего можно при большом желании интерпретировать в том смысле, что лично Цезарь (а не его солдаты) оказался *in urbe* (*Plin. Nat.* 33.56: *introitu urbis*).

⁵ Неверно Пеллинг [2, р. 330], который пишет, что Цезарь «созвал сенат».

⁶ Об этой казне см. [14].

⁷ Этот тезис весьма распространен в историографии: [10, р. 209, н. 5; 13, S. 126; 15, S. 167; 16, S. 51–52, *Anm.* 34; 17, S. 183; 18, р. 430].

⁸ Уже это соображение позволяет отвергнуть поспешное суждение Пеллинга [2, р. 332] о том, что якобы «маловероятно» соблюдение формальности, согласно которой промагистрат не мог войти в город.

империй при вступлении в Город) никаких формальных преимуществ в противостоянии с плебейским трибуном не предоставлял? Кроме того, не выглядит ли странным предположение о том, что Цезарь не предвидел последствий «дискуссии» с Метеллом на виду у всех⁹, во время которой последнему было нетрудно публично уличить проконсула в нарушении прав трибунов? Разве не должен был Цезарь исходить из того, что придется силой захватывать казначейство и что, следовательно, его личное участие в этом мероприятии еще больше ударило бы по его популярности?

Все эти вопросы снимаются, если следовать рассказу Диона Кассия, который сообщает только, что солдаты, посланные забрать государственные средства, проигнорировали Метелла и взломали двери эрария (Dio Cass. 41.17.2; также ср. Flor. 2.13.21: *iussit effringi*). В логике повествования Диона появление самого Цезаря на месте событий действительно оказывается ненужным. Однако Ж.-Л. Феррари отвергает это свидетельство. Якобы Дион специально создает впечатление, что Цезарь не появился у эрария, а только послал туда солдат, поскольку греческий автор исходил из того, что как проконсул Цезарь не мог перейти померий [11, р. 288–289, п. 17]. Действительно, Дион очень хорошо знал об этом ограничении (см. выше). Однако неясно, на каком основании предполагается, что он должен был легитимировать Цезаря в том случае, если бы действительно обладал информацией, что проконсул все-таки оказался *in urbe* (или – в терминах Диона – внутри померия; ср. [4, S. 49]).

Свою интерпретацию Феррари подкрепляет, ссылаясь на переписку Цицерона и сочинения Плутарха. В письме к Аттику от 7 апреля 49 г. Цицерон отмечает: «Говорят, что тебя видели в Региии. И я, конечно, не осуждаю, так как и сам не избежал этого порицания» (*Att.* 10.3a.1: *visum te aiunt in regia, nec reprehendo, quippe cum ipse*

istam reprehensionem non fugerim). Фрагмент, как правило, понимают буквально: Аттик явился в Регию, где и находился Цезарь (великий понтифик, резиденцией которого являлось это сооружение). Региа располагалась *in urbe*, Цезарь, следовательно, оказался там же [11, р. 288–289, п. 17; 16, S. 51–52, Anm. 34; 19, S. 233; 20, р. 400, 403–404]. «Против» такого прочтения и в целом «против» предположения о том, что проконсул вступил в Рим, высказался Б. Войтек [4, S. 49, Anm. 163], однако свой вывод он не обосновал (не попытался объяснить фразу *visum te aiunt in regia*).

Прежде всего странным выглядит небольшая по размерам Региа, которая должна была быть использована для публичных встреч¹⁰. Далее, ничто не мешает понять текст Цицерона как признание в том, что его обвиняли в «приходе в Регию» в том же смысле, как и Аттика. Однако Цицерон сам оставался проконсулом и только ради личного разговора с Цезарем в Региии он вряд ли готов был утратить империй и право на триумф, на который по-прежнему надеялся. Поскольку Цицерон в действительности в Рим не вошел, *regia* может означать не только в его случае, но и в случае Аттика лишь факт переговоров с Цезарем, но не конкретное место этих переговоров (*contra* [19, S. 233]). Тогда *regia* является метафорой, которая, с одной стороны, позволяет понять, что речь однозначно идет именно о Цезаре (великом понтифике с резиденцией в Региии), а с другой стороны, попутно намекает на стремление последнего к царской власти (*regnum*). Наконец, если это прочтение не убеждает, можно задать такой вопрос по поводу буквального понимания: ради чего Цезарь должен был находиться именно в Региии (точно не ради встречи с Метеллом), если тем самым он, подчеркну еще раз, сам себя лишал власти проконсула? Никакого объяснения этому в историографии не предлагается.

⁹ Именно так представляет себе ситуацию Ж.-Л. Феррари [11, р. 288].

¹⁰ Я благодарю рецензента статьи, обратившего внимание на этот момент.

В пользу версии о метафорическом употреблении *regia* свидетельствует письмо от 25 февраля 49 г., в котором Цицерон обращается к Аттику с такими словами: «... когда даже вы, два таких мужа, (выйдете) к пятому мильному камню... Насколько более неудержимо будет он уверен в своем деле, когда вас и подобных вам увидит не только во множестве, но и поздравляющими его с выражением радости на лицах!» (*Att.* 8.9.2: ...*si quidem etiam vos duo tales ad quintum miliarium... quanto autem ferocius ille causae suae confidet, cum vos, cum vestri similis non modo frequentis sed laeto vultu gratulantis viderit!*). Конечно, это свидетельство не может служить строгим доказательством того, что в *Att.* 10.3a.1 Цицерон имеет в виду встречу Аттика с Цезарем не в Регии, а *ad urbem*. Однако оно вполне подтверждает, что Атик намеревался лично приветствовать Цезаря как победоносного проконсула, претендующего на триумф, еще в момент его приближения к городу, т. е. не в самом Риме, а в его предместьях (ср. *Cic. Att.* 9.7.2: *ne ... ad urbem ἀπάντησις mea animadvertatur*)¹¹. Таким образом, если Атик реализовал свое намерение (против этого допущения свидетельств нет), то никакой необходимости для него изъяслять Цезарю все то же самое в Регии не было. Выход к «пятому мильному камню», как и заседание сената *ad urbem*, формально полностью соответствовал бы обычной ситуации, когда проконсул, претендующий на триумф, прибывал в предместья Рима.

Еще одним косвенным подтверждением интерпретации *regia* в *Cic. Att.* 10.3a.1 как метафоры являются передаваемые Цицероном в другом письме слова Г. Куриона о том, что Цезарь стремится избежать дальнейшего падения своей популярности, поскольку и так уже навредил себе тем, как поступил с казначейством. Из-за этого проконсул даже не решился перед отъездом от Рима произнести речь перед народом на сходке, как изначально планировал (*Att.* 10.4.8).

¹¹ Также ср. [21, р. 466, п. 90; 22, р. 100–101, п. 240], где подчеркивается значение этих планов Аттика, но одновременно упоминается его встреча с Цезарем в Регии.

Эти опасения и неуверенность Цезаря вряд ли можно согласовать с версией, из которой следует, что до этого он вошел в Рим (утратив тем самым в глазах сограждан всякие претензии на законное обладание империей и на триумф) и даже некоторое время оставался в Регии, а затем как ни в чем ни бывало продолжил действовать как проконсул, хотя все же «постеснялся» выступить перед народом. Попутно замечу, что никаких намеков на «обмен любезностями» с Метеллом у дверей эрария и в этом письме нет. Говорится о желании Цезаря в порыве гнева убить трибуна (*voluisse Caesarem occidi Metellum*), но, во-первых, проконсул от этого все же воздержался, а во-вторых, это не подтверждает, что такое желание у него возникло, когда он лично лицезрел Метелла, охранявшего эрарий (рассе [11; р. 288–289, п. 17]). В письме от 2 мая Цицерон снова указывает на инцидент с трибуном и на захват эрария, но не на то, что Цезарь лишился империя и претензий на триумф, вступив в Город (*Att.* 10.8.6), хотя это должно было бы произойти как раз из-за Метелла.

Последовательное применение Цицероном выражения *ad urbem* при описании созыва сената 1 апреля 49 г. (см. выше), его беспокойство по поводу собственного положения, формально во многом идентичного положению Цезаря (проконсул, избегающий вступления в Рим ради сохранения империя и права на триумф), многочисленные указания на обсуждения прибытия Цицерона именно *ad urbem* (*Cic. Att.* 7.17.3; 7.18.3; 9.7.2; 9.18.1; 9.19.4; 10.4.11; *Fam.* 4.1.1; также ср. *Att.* 8.11b.3: *ab urbe*), на мой взгляд, исключают возможность того, что Цицерон ни разу не обратил бы внимание на нахождение Цезаря *in urbe*, если бы таковое действительно имело место¹².

На молчание Цицерона и других современников Цезаря по этому поводу обратил внимание Й. Ян, однако его объяснение сво-

¹² Примечательно также то, в каких выражениях Цицерону в одной фразе (*Att.* 9.15a) сообщают о вступлении Цезаря в Брундиций (*in oppidum introisse*) и о его намерении прибыть к Риму (*velle ante Kalendas esse ad urbem*).

дится к тому, что все стороны конфликта нарушали *mos maiorum*, поэтому вступление Цезаря в Рим просто не заметили («*wurde ... von niemandem empfunden*» [17, S. 183]). Этот аргумент нельзя принять, поскольку Цицерон, например, все же подробно высказывается по поводу прочих нарушений со стороны Цезаря¹³.

Свидетельства, из которых действительно однозначно следует, что Цезарь оказался *in urbe*, а не *ad urbem*, сводятся к рассказам Лукана и Плутарха о столкновении Цезаря с Метеллом. У Лукана этот инцидент становится выразительным поэтическим средством. Для достижения нужного эффекта писателю важно создать впечатление о том, что Цезарь лично угрожал Метеллу и чуть ли не намеревался убить его собственными руками. Конечно, можно сразу констатировать, что поэту не составило бы труда в своем повествовании «перенести» Цезаря поближе к эрарию и к Метеллу, если это было бы необходимо для раскрытия художественного замысла, характеров героев и т. д. Но все же одного этого соображения недостаточно, чтобы утверждать, что именно в данном случае Лукан определенно допустил искажение исторической действительности¹⁴. Однако есть дополнительные основания полагать, что это именно так. Необходимо учитывать явно выраженную тенденцию Лукана при изображении других действий проконсула Цезаря в начале 49 г.

Как отмечено выше, Дион прямо указывает на то, что в апреле 49 г. Цезарь сам не собирал сенат. Это вполне логично, поскольку, во-первых, созыв сената проконсулом был бы однозначно незаконным актом, каковых Цезарь в этот период подчеркнуто стремился избегать. Во-вторых, все это было не нужно, если имелись плебей-

ские трибуны, готовые собрать сенат в законном порядке. Кроме того, у Диона сенаторы собрались за чертой померия. Лукан же, переместив события из предместий Рима на Палатин¹⁵, не только приписал самому Цезарю официальный созыв сената, но даже специально подчеркнул (прибегнув к квазиюридической терминологии), что проконсул не имел на это полномочий (*nullo cogendi iure senatus*) [24, p. 116–117]. Кроме того, поэт и в этом эпизоде (3.108–109), и в ряде других характеризует Цезаря как *privatus*. Этот термин, с одной стороны, точно описывает формально-правовое положение промагистратов, а с другой – может использоваться для критики тех из них, кто вмешивался в политику в Риме, т. е. в сферу действия исключительно магистратов. Однако Лукан конструирует никогда не происходивший в реальности случай формального нарушения такого рода¹⁶.

Но если Лукан дезинформирует нас в том, что касается участия промагистрата Цезаря в заседании сената, то опрометчиво будет принять на веру его рассказ о личном обращении проконсула к Метеллу (следовательно, о том, что Цезарь вошел в Рим), поскольку из этого рассказа с необходимостью следует (хотя Луканом и не обсуждается) явное нарушение еще одного основополагающего принципа функционирования промагистратуры: Цезарь оказался *in urbe*, но посчитал, что империй формально не утратил. Таким образом, он допустил нарушение, которое по своим масштабам было бы сопоставимо с официальным созывом сената проконсулом.

¹⁵ При этом поэт допускает явный анахронизм, который влияет на суть интересующего нас вопроса, поскольку храм Аполлона в эпоху Республики находился на Марсовом поле, т. е. как раз там, где проконсул имел право находиться [см.: 4, S. 53, Anm. 181; 5, S. 78–79]. Возможно, сенат действительно собрался в храме Аполлона, но за чертой города.

¹⁶ Этот вывод (и лежащий в его основе тезис о том, что все промагистраты формально являлись *privati*) я надеюсь подробно обосновать в другой публикации. Употребление Луканом термина *privatus* по отношению к Цезарю (а также Помпею) объясняют обычно иначе [см., например: 25, p. 130–131; 26, S. 86–87, 134–135; 27, p. 16, 150].

¹³ Например, о его намерении организовать консульские комиции под председательством претора (Cic. *Att.* 9.9.3; 9.15.2). То, что Цицерон был особенно заинтересован в данном вопросе, поскольку как авгур мог сыграть здесь активную роль, для нас ничего не меняет.

¹⁴ Ср. [23] и конкретно по поводу данного эпизода [5, S. 52, 76].

На это можно возразить, что версия Лукана не может быть легко отброшена, так как она подкрепляется сообщениями Плутарха (ср. комментарий [2, р. 331–334]). Однако показания греческого автора не вызывают доверия именно потому, что по своему содержанию и пафосу мало отличаются от того, о чем пишет Лукан (ср. [4, S. 48–49]). Текст Плутарха не позволяет понять, зачем Цезарю понадобилось совершать приписываемые ему действия: он произносит речь будто бы непосредственно перед самим Метеллом, занимается поисками ключей от эрария, потом приказывает взломать двери казначейства (Plut. *Caes.* 35.3–4; также ср. *Pomp.* 62.1; *Mor.* 206C). Любые детали в составе этого набора (призванные подчеркнуть, что Цезарь проигнорировал *sacrosanctitas* Метелла, хотя вторжение в Италию обосновывал именно защитой трибунов) должны быть поставлены под сомнение и не могут быть приняты без дополнительного обоснования¹⁷.

Таким образом, сообщения Плутарха и Лукана вряд ли следует предпочесть сви-

¹⁷ У Аппиана, например, тоже говорится об угрозах в адрес Метелла, но его текст допускает, что эти угрозы могли быть переданы и на расстоянии (*BCiv.* 2.41). Ср. [28, р. 146]. Как справедливо заметил рецензент статьи, расстояние от эрария до черты города незначительно, поэтому легко представить, что трибун мог сам явиться к проконсулу. Но и в этой гипотетической ситуации Цезарь оставался бы *ad urbem*.

детельству Диона и указаниям в переписке Цицерона на нахождение Цезаря *ad urbem*. Кроме того, в данном случае легитимен, на мой взгляд, *argumentum ex silentio*: Цицерон и его корреспонденты много говорят о различных нарушениях со стороны Цезаря и о столкновении Цезаря и Метелла, но ни слова о том, что проконсул оказался *in urbe* ради личной «встречи» с трибуном, а также утратил империй и право на триумф. Следовательно, в данном случае ничто не препятствует принятию тезиса о технической точности слов самого Цезаря, который по поводу своего отъезда из Города писал не *ex urbe proficiscitur* (как сказано в *BCiv.* 1.6.7 о выходе консулов из Рима), а *ab urbe proficiscitur* (*BCiv.* 1.33.4)¹⁸. Последнее обозначает оставление Цезарем предместий Рима, а не самого Города, в который он так и не вошел. Возникает вопрос о том, как он планировал влиять и в какой степени действительности сумел повлиять на политические процессы в Риме, если по-прежнему считал себя связанным формальными ограничениями, предусмотренными республиканской традицией в отношении промагистратов?

¹⁸ То же самое (*discedens ab urbe*) дважды о проконсуле Помпее, который оставался в окрестностях Рима и в город не вступал (*Caes. BCiv.* 1.33.2; 34.3).

Ссылки

1. Emmelius D. Grenzen schreiben. Das Pomerium und die Konstitution von Stadtgrenzen im antiken Rom. Bielefeld, 2019. 331 S.
2. Pelling C. *Plutarch Caesar*. Oxford; New York, 2011. 519 p.
3. Berti N. *La guerra di Cesare contro Pompeo: commento storico a Cassio Dione. Libri XLI–XLII*. Milan, 1987. 170 p.
4. Woytek B. *Arma et nummi. Forschungen zur römischen Finanzgeschichte und Münzprägung der Jahre 49 bis 42 v. Chr.* Vienne, 2003. 631 S.
5. Hunink V. M. *Annaeus Lucanus. Bellum Civile, Book III. A Commentary*. Amsterdam, 1992. 305 p.
6. M. *Annaei Lucani Pharsalia* / C. M. Francken (ed). Vol. I. Leiden, 1896. 224 p.
7. Brisset J. *Les Idées Politiques de Lucain*. Paris, 1964. 236 p.

8. Bachofen A. Cäsars und Lucans Bellum Civile: ein Inhaltsvergleich. Zürich, 1972. 176 S.
9. Fabre P. Lentulus, César et l'aerarium // *Revue des Études Anciennes*. 1931. Т. 33. P. 26–32.
10. Gelzer M. Caesar. Politician and Statesman. Oxford, 1968. 359 p.
11. Ferrary J.-L. «A Roman Non-Entity»: Aurelius Cotta, tribun de la plèbe en 49 avant J.-C. // *L'Italie préromaine et la Rome républicaine*. Vol. I. Rome, 1976. P. 285–292.
12. Alföldi M. R. Caesar in 44 v. Chr. Bd. I. Bonn, 1985. 450 S.
13. Libero L., de. Der Raub des Staatsschatzes durch Caesar // *Klio*. 1998. Bd. 80. S. 111–133.
14. Дементьева В. В. Aerarium sanctius Римской республики // *Прошлое. Проекция. Презентация: Проблемы всемирной истории: сб. науч. тр. / В. В. Дементьева, М. Е. Ерин (ред.)*. Ярославль, 2012. С. 8–15.
15. Schmidt O. E. Der Briefwechsel des M. Tullius Cicero. Leipzig, 1893. 534 S.
16. Jehne M. Der Staat des Dictators Caesar. Köln; Wien, 1987. 496 S.
17. Jahn J. Interregnum und Wahldiktatur. Kallmünz, 1970. 195 S.
18. Rawson E. Caesar: Civil War and Dictatorship // *Cambridge Ancient History*. 2nd ed. Vol. 9 / J. A. Crook, A. Lintott, E. Rawson (eds.). Cambridge, 1992. P. 424–467.
19. Becker W. A. Handbuch der römischen Alterthümer. Т. 1. Leipzig, 1843. 722 S.
20. Shackleton Bailey D. R. Cicero, Letters to Atticus. Vol. 4. Cambridge, 1968. 479 p.
21. Welch K. E. T. Pomponius Atticus: A Banker in Politics? // *Historia*. 1996. Bd. 45. P. 450–471. Piscataway, NJ, 20
22. Schneider M. Cicero 'Haruspex': Political Prognostication and the Viscera of a Deceased Body Politic 04. 252 p.
23. Lintott A. W. Lucan and the History of the Civil War // *Classical Quarterly*. 1971. Vol. 21. P. 488–505.
24. Fantham E. Lucan and Republican Senate // *Interpretare Lucano / P. Esposito, L. Nicastri (eds.)*. Napoli, 1999. P. 109–125.
25. Fantham E. Lucan. De bello civili: book II. Cambridge, 1992. 244 p.
26. Helzle, M. Der Stil ist der Mensch: Redner und Reden im römischen Epos. Stuttgart; Leipzig, 1996. 349 S.
27. Asso P. A Commentary on Lucan 'De bello civili' IV. Berlin; New York, 2010. 333 S.
28. Carsana C. Commento storico al libro II delle Guerre Civili di Appiano. P. I. Pisa, 2007. 309 p.

Divine personifications in Pausanias

E. S. Danilov¹

¹P. G. Demidov Yaroslavl State University, 14 Sovetskaya str., Yaroslavl 150003, Russian Federation

Research article
Full text in Russian

Endowment of natural forces with human traits, personification of ideas and qualities, transfer of the properties of a living organism to inanimate things are common variants of deification in the ancient societies. They were to a large extent peculiar to the civilizations of the Mediterranean. The article presents the results of a source study aimed at identifying references to divine abstractions from the ancient writer Pausanias of Lydia (c. 110-180 A.D.). The numerous personifications in the text of the “Description of Hellas” are noted. An attempt to systematize them is made. Attention is drawn to seven conditional groups of prosopope, which have some similarities with the classification of the lowest gods compiled by Cicero. A geographic reference of the custom of worship of allegorical creatures is made. It is concluded that the most noticeable spread of the practice of cult worship of anthropomorphs in Attica compared with the other eight Greek regions mentioned by Pausanias.

Keywords: classical antiquity; religion; personification; deification; cult; Hellas; Cicero; Pausanias

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Danilov Evgeny S. | E-mail: e.danilov@uniyar.ac.ru
Candidate of Sciences in History, Associate Professor

Божественные персонификации в описании Павсания

Е. С. Данилов¹

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, ул. Советская, 14, Ярославль, 150003, Российская Федерация

УДК 94(37).07
Научная статья

Наделение сил природы человеческими чертами, олицетворение идей и качеств, перенесение свойств живого организма на неодушевлённые вещи и явления – распространённые варианты деификации в древних социумах. Они были в немалой степени характерны для цивилизаций Средиземноморья. В статье приводятся результаты источниковедческого анализа, направленного на выявление упоминаний о божественных абстракциях у античного писателя Павсания Лидийского (ок. 110–180 гг.). Отмечается многочисленность персонификаций, встречающихся в тексте «Описания Эллады». Делается попытка их систематизации. Обращается внимание на семь условных групп прозопопей, которые имеют некоторое сходство с классификацией низших богов, составленной Цицероном. Проведена географическая привязка обычая поклонения аллегорическим существам. Установлено наиболее заметное распространение практики культового почитания антропоморфов в Аттике по сравнению с остальными восьмью греческими регионами, описанными Павсанием.

Ключевые слова: античность; религия; персонификация; деификация; культ; Эллада; Цицерон; Павсаний

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Данилов Евгений Сергеевич | E-mail: e.danilov@uniyar.ac.ru
| Кандидат исторических наук, доцент

«Описание Эллады» Павсания (II в.) является многогранным сочинением, ценным источником по политической, военной, социальной и культурной жизни античной Греции. Как было не раз уже отмечено исследователями, географ особенно привлекали вопросы религии, древние культовые практики, сакральные памятники [1, с. XI; 2, с. 24]. Обратим внимание на «местечковые» верования – следы поклонения малым богам. Подробнее остановимся на отдельных примерах почитания прозопопей.

Коллективное сознание древних греков и римлян породило множество абстрактных божеств. В научной литературе бытует мнение, что персонифицированные аб-

стракции являлись результатом «игры языка и мысли» [3, р. 399]. Так, Гарольд Экстелл признавал тесную связь процессов деификации (обоожествления) и персонификации (приписывания человеческих свойств предметам, понятиям, явлениям), подчёркивая, что каждое качество является потенциальным богом и их круг ограничен только теми абстракциями, которые способен создать ум. Качества, редкие и важные для одного человека, для другого – всего лишь понятия. Поэтому при определении значимости «бога» мы должны полагаться на внешние свидетельства поклонения: храмы, жрецов, церемонии, алтари, молитвы, статуи, изображения [4, р. 7].

Сам по себе механизм обожествления абстракций отличен от деификации явлений природы или людей. Обожествление явлений природы вызвано прежде всего непониманием, страхом, защитным рефлексом и инстинктом самосохранения (Lucret. *Rer. Nat.* I. 151–154; V. 82–90, 1161–1240). В основе антропотеизма часто лежит благодарность тому или иному индивиду за его благодеяния (Plin. *N.H.* II. 18–19). Подобная благотворительность высшего порядка может быть отождествлена не просто с материальными тратами благодетеля на пользу общине, а с действиями, направленными на её спасение, сохранение, укрепление, с добровольно выказанными добродетелями¹. Таким путём получил бессмертие Геракл (Diod. *Sic.* I. 2. 4; Paus. VIII. 2. 5; Tert. *Ab nat.* II. 14). Можно ли считать, что античный антропоморфизм объединяет эти группы причин или его истоки более специфичны?

«Описание Эллады» Павсания, выбранное нами в качестве основного источника, относится, согласно наиболее распространенной точке зрения, к жанру периегезы². Путеводители являются естественным кладезем информации по греческой религии. Религиозные пассажи Павсания комментировались учёными в различных контекстах [6, р. 25; 7, р. 6, 7]. Загадкой остаются его умолчания о местах и памятниках, которых он не мог не видеть [8, с. 126–127; 9, р. 49, 54–56]. Через призму развития традиции паломничества в эпоху Антонинов рассматривает потенциальных читателей Павсания Айан Рутерфорд [10, р. 40]. Марио Торелли останавливается на значении труда древнегреческого писателя в деле формирования самосознания эллинов при римском господстве. Книга Павсания при таком взгляде становит-

ся учебником, напоминающим о религиозной, литературной и риторической славе классической Эллады [11, р. 56]. Ему в определенной степени вторит Карим Арафат, утверждающий, что внимание Павсания к религиозным вопросам отчасти является следствием интереса к гражданской идентичности и её проявлениям. Арафат не считает, что работа Павсания была создана для паломников. По крайней мере, не только для них [12, р. 10]. Ванесса Чемпион-Смит, останавливаясь на примере Афин, подчеркивает, что кажущаяся концентрация Павсания на культовых предметах не обязательно показывает собственный религиозный пыл автора, а скорее отражает фактическую пропорцию общественно важных объектов, оставшихся в городе после грабежей Суллы и Нерона [13, р. 30]³.

Обширный список из почти полусотни персонификаций легко найти у Павсания. Их всех можно объединить примерно в те же группы, на которые в своё время указал Цицерон. Знаменитый оратор подметил, что греки и римляне склонны в первую очередь обожествлять всё, что приносит пользу (*utilitas*). Богом именуется дело (*res*), имеющее высшее значение. Обоготворены также порочные вещи (*vitium*), поскольку они имеют влияние на природу. Придаются имена богов пагубным предметам (*perniciis*) и сущностям, производным от Сатурна (Крона). В качестве дополнительных оснований для обожествления можно рассматривать любое сверхъестественное вмешательство (*contagio*), участие в жизни людей, обычное человеческое представление (*cogitatio*), фантазию (Cic. *De nat. deor.* II. 60–61, III. 44, 47, 61, 63, 88, *Leg.* II. 19, 26, 28).

Первая условная группа, выделенная нами из *Periegesis* Павсания, имеет пограничное положение – это популярные боги, стоящие между олимпийцами и собственно божественными аллегориями. Их влияние не менее ощутимо, чем сила детей и внуков Крона. Это в первую очередь Гея, прародительница всего живого (I.2.6 etc.). Судьбоносная Тюхе, как и рим-

¹ Посредством героического культа греки чтили своих предков или тех людей, которые были первыми колонистами, основателями поселения, правителями, воинами. Керасиа Стратики предполагает, что в некоторых случаях героическая сущность являлась специально выдуманной персонификацией ценностей, олицетворением благородства и самопожертвования, что особенно характерно для тех героев, физическое существование которых невозможно проверить [5, р. 76].

² Периегеза – это литературный жанр, в рамках которого даётся прозаическое либо стихотворное описание сухопутного маршрута с указанием достопримечательностей. Описание путешествий по морю также оформилось в античный период в отдельный жанр – перипл. Большинство периегез и периплов не сохранилось.

³ О пребывании Суллы в балканских землях во время Первой Митридатовой войны см.: Plut. *Sull.* 12–26; App. *Mith.* 30–45, 49–51; Paus. I. 20. 4–7, IX. 6. 6, 7. 4–6, 30. 1, 33. 6, X. 21. 6. О культурных ценностях греческого происхождения, потерянных при Нероне: Tac. *Ann.* XV. 41. 2; Suet. *Nero.* 24. 1; Paus. V. 25. 8, 26. 3, IX. 27. 3, X. 7. 1, 19. 2.

ская богиня Фортуна, имеет ряд прозвищ: Добрая (V.15.6, IX.39.5), Акрея (II.7.5), Фереполис (IV.30.6). Это Ника (Аптерос – I.22.4, II.30.2, III.15.7, V.26.6). Это Плутос (I.28.6, I.38.5, II.18.3, II.35.10, II.36.7, III.19.4, V.20.3). Сюда же можно включить Ор, прислужниц Зевса. На ларце коринфского тирана Кипсела присутствовала Дика (V.18.2). Эйрену также почтили многочисленными статуями (I.8.2, I.18.3, VI.9.3, IX.16.2). Не хватает только, пожалуй, Эвномии.

Вторая группа – олицетворения явлений природы. Аркадцы в местечке Баф приносили жертвы перед статуями персонифицированных Молний, Бурь и Громов («καὶ θύουσιν ἄστραπαῖς αὐτόθι καὶ θυέλλαις τε καὶ βρονταῖς» – VIII. 29. 1). Гемера (I.3.1, III.18.12, V.22.2) и Никта (I.40.6, V.18.1, VII.5.3, X.38.6) ведут себя вполне как живые существа – влюбляются, страдают, растят потомство. Сын Никты, Гипнос, выступает как Эпидот (II. 10. 2), почитается вместе с музами (II. 31. 3), братом Танатасом (III. 18. 1) и супругой Пасифеей (IX. 35. 4). Дочь Гемеры, Таласса, судя по статуе в коринфском храме Посейдона, держала на руках юную Афродиту (II. 1. 7–9).

Третья группа – олицетворения политических ценностей. Изображения персонифицированных Демоса и Демократии встречались в Аттике и Лаконике (I.1.3, 3.3, 3.5; III.11.10). В Олимпии стоял алтарь Гомонойи (V.14.9).

Четвёртая группа – персонификации общепризнанных благ. Гигиея могла быть почтена вместе с Иасо (I.34.3). Возможно, близка к Тюхе – Кайрос (V.14.9). Жертвенник Элее (I.17.1) поставили афиняне. Павсаний замечает, что из всех эллинов только они воздают богине такую честь. Следы поклонения Праксидике как вершительнице справедливости зафиксированы в Лаконике и Беотии (III.22.2, IX.33.3).

В пятую группу входят олицетворения отрицательных качеств (Анедейя – I.28.5, Биа – II.4.6, Гибрис – I.28.5), болезненных чувств (Айдос – I.17.1, III.20.10, 11), бедствий (Ананке – II.4.6, Дейма – II.3.7, Кера – V.19.6)⁴.

⁴ С. П. Кондратьев интерпретирует Ананке как «Нужда» [14, с. 120]. Однако значение слова ἀνάγκη более широкое: необходимость, причина, рок, горе, пытка. Павсаний пишет о совместном храме двух божеств (καὶ Ἀνάγκης καὶ Βίας ἐστὶν ἱερόν), в который не было принято входить. Если Биа – это Насилие, тогда Ананке, вероятно, Призывание. Впрочем, вполне возможен и более тради-

Наглядными примерами этой категории могут служить воплощения Возмездия и Вражды. Пойна / Пэна была послана Аполлоном на Аргос в ответ на гибель своего сына Лина. Чудовище похищало детей, пока не было убито героем Коребом. По мнению античного географа, мраморное изображение Кореба и Пэны, установленное в Мегарах, относится к самым древним каменным изваяниям Эллады (I.43.7, 8.). Ужасный облик Эриды запечатлевали художники, о ней не забывали поэты (V.19.2, IX.31.4).

То, что Цицерон относил к порочным вещам, встречается и у Павсания. Статуи Гимероса и Потоса составляли в святилищах единую абстрактную композицию (I. 43. 6). Богиня опьянения Мете для большей выразительности пила из чаши (II.27.3, VI.24.8). Все они появляются как спутники Эрота.

Наконец, в седьмую группу могут быть выделены плоды человеческого воображения, материализованные в произведениях искусства. Они кажутся безобидными, нейтральными в моральном отношении, мало влияющими на жизнь смертных. Это конечно персонификации, но их божественность обусловлена лишь ролью спутника и слуги более могущественного существа. Агон появляется рядом с Аресом или Дионисом. Он держит в руках гири (V.20.3, 26.3). Сложно поверить, что его образ смог бы когда-либо преодолеть силу притяжения и стать самостоятельным. Вместе с тем для агональной греко-римской цивилизации появление обособленного олицетворения состязаний было ожидаемо. Горма и Фема упоминаются Павсанием для иллюстрации афинского благочестия (I.17.1). Он не считает почитание Рвеня и Доброй Молвы чем-то излишним. Благочестие (εὐσέβεια), какой бы сущности оно ни касалась, является ключом к счастью (τύχης χρηστῆς). Поэтому и появились статуи в честь богинь Пейто и Парегорон. Убеждение и Уговаривание (с большой буквы. – Е. Д.) считались спутницами Афродиты, но только первая, отождествляясь иногда и с Артемидой, обрела полусамостоятельный культ (I. 22. 3, 43. 6; II. 7. 7–8, 8. 1, 21. 1, V. 11. 8, IX. 35. 5).

ционный, платоновский, вариант, по которому Ананке – персонификация предопределённости, мать мойр, богинь судьбы (Plat. Res publ. 616c–617d).

Коль скоро мы имеем дело со своеобразной перизэгейзой⁵, стоит спросить, для какого уголка эллинского мира, согласно труду лидийца, наиболее характерно поклонение обожествленным абстракциям? Учёт количества упоминаний различных олицетворений показывает, что Павсаний был склонен чаще вспоминать о персонификациях при описании Аттики, менее же всего – в разделе о Мессении, что в первом случае объясняется самим автором. Афинянам, как пишет Павсаний, больше других свойствен религиозный пыл (I. 24. 3)⁶. Мессенцы были не менее религиозны, однако первая книга «Описания Эллады» чуть объёмнее, чем четвёртая, к тому же четвёртая книга содержит немало отступлений, уводящих от культуры в военно-политическую сферу: лишь 7 глав из 36 полностью посвящены достопримечательностям юго-запада Пелопоннеса. Судя по количеству упоминаний, самими популярными персонификациями были Эрот, если воспринимать его как олицетворение любовного влечения, Гея, как космогоническая ипостась Земли, Тюхе (Удача или Судьба), Ника (Победа) и Гигиея (Здоровье). Из всех видов ритуального почитания божественных персонификаций самым распространенным оказываются статуарные изображения.

То принципиальное, что разительным образом отличает список Павсания от перечислений других мифографов, – это интерес не просто к персонификациям, а к абстракциям, характерным для полисной Греции. Автор имел дело с материальными памятниками, отражающими сакральную повседневность Эллады от архаики до римского периода. Важным в данном контексте являются вышеозначенные третья и четвертая группы. Глубокое внимание к деталям отображается в группе № 7. Её состав говорит о непрекращающемся процессе деификации в сознании людей классической древности.

Гомер, открывая, по сути, мифографическую традицию, акцентирует внимание на тех персонификациях, которые исполняют волю Зевса и служат ему вестниками (Ирида, Осса, Фемиды). В этом плане наиболее информатив-

на «Илиада»⁷. «Одиссея» и гомеровские гимны представляют в основном старых богов: Гелия, Гею, Керу⁸. Ещё Ф. Ф. Зелинский отметил явный «анарифметизм» низших групп божеств во времена Гомера [18, с. 222]. Указанным текстам вторит Гесиод, который склонен к расширительному пониманию сонма богов. Показатель подобного отношения раскрывается в «Теогонии», где, в частности, появляются многочисленные отпрыски Нюкты и Эриды, являющиеся дисгармоничными созданиями (Hes. Theog. 211–232).

Парадоксографы Палефат и Гераклит, жившие в IV–III вв. до н. э., персонификациями не интересовались. Только в одном месте у Палефата фигурирует Танатос, с которым боролся Геракл ради возвращения Адмету Алкестиды (De incredilib. XL). Весьма немногословны при упоминании олицетворений Псевдо-Аполлотор и Диодор Сицилийский⁹. Более красноречивы Псевдо-Гигин и Первый Ватиканский мифограф¹⁰. Ранне-средневековый грамматик Фульгенций даёт аллегорическое толкование мифов, низвергая всех греко-римских богов до уровня языческих метафор и символов¹¹.

Многие персонификации, отрешенные от мифологического контекста, выпали, таким

⁷ Hom. Iliad.: Алкэ (V. 740), Атэ (XIX. 91 etc.), Гарпия (XVI. 150), Геба (IV. 2 etc.), Деймос (IV. 440 etc.), Иокэ (V. 740), Ирида (II. 786 etc.), Онир (II. 8 etc.), Оры (V. 749), Осса (II. 94), Фемиды (XV. 87 etc.), Фобос (XV. 119 etc.), Хариты (V. 338 etc.), Эос (VI. 175 etc.), Эреб (VIII. 368 etc.), Эрида (XX. 47 etc.). Самое большое число упоминаний (36) относится к Ириде. О ней см.: [17, с. 10–11].

⁸ Hom. Od.: Амфитрида (III. 91, V. 422), Геба (XI. 603), Гелий (I. 8 etc., 39 упоминаний), Гея (XI. 576), Осса (I. 279, XXIV. 413); Селена (IX. 144), Кера (XII. 157 etc., 14 упоминаний), Фемиды (II. 68), Хариты (VI. 18, VIII. 364), Эос (IX. 151), Эреб (X. 527); Hymn. XXX (Гея), XXXI (Гелий), XXXII (Селена).

⁹ Ps.-Apollod. Bibl.: Гея (I. 1. 1–5 etc., 9 упоминаний); Гибрис (I. 4. 1); Немезида (III. 10. 7); Эвмениды (III. 5. 9); Эос (I. 2. 2 etc., 8 упоминаний); Эрида (Erit. III. 2); Эринии (I. 1. 4, III. 7. 5, Erit. VI. 25). Diod. Bibl. hist.: Гея (IV. 7, V. 66, 71), Оры (V. 72–73), Хариты (V. 73), Эос (IV. 75).

¹⁰ Ps.-Hyg. Fab. Pr. 1, 3; Mith. Vat. I.: Аврора (I. 44. 2–3, 5–6; II. 37. 2–3, 81. 1); Борей (I. 27. 3; II. 15. 5–6, 81. 4, III. 1. 86); Виктория (II. 76.2); Геба (II. 82. 2, III. 1. 61); Гея (I. 11. 1 etc., 10 упоминаний); Дискордия (III. 5. 1); Зефир (II. 81. 4; III. 29. 5, 8); Копия (I. 58. 4); Луна (II. 11. 7; III. 27. 1–2); Немезида (II. 83. 5); Фидес (II. 89. 2); Фортуна (I. 58. 3–4); Фурии (I. 18. 5, 27. 5–6; II. 8. 1, 45. 5); Эвмениды (II. 8. 1).

¹¹ См., в частности, истолкование сущности Нептуна как водной стихии (Fulgent. Mith. I. 4).

⁵ О сочетании перизэгейтического (описание) и экзегетического (толкование) начал в опусе Павсания см.: [15, с. 15, 24, 61–64, 90–91, 122].

⁶ См. специальное исследование: [16].

образом, из общеэллинской системы божественной иерархии. Они оставались значимыми божествами только в локальных общинах, в определенный период. Труд Павсания показывает многообразие абстракций, удостоенных культового почитания. Современник Антонинов хотя и не ставил перед собой цели дать исчерпывающий обзор греко-римского пантеона, не заикливаясь на общеизвестных Харитах или Орах, но позволяет

задуматься о трёх немаловажных вещах. Каким образом те или иные олицетворения становились самостоятельными божествами? Как из эпиклезы, священного прозвища популярного бога, выростала отдельная персонификация? В каких случаях можно считать конкретную аллегория не просто поэтическим вымыслом, а результатом духовной практики, плодом истинной веры? Эти и другие вопросы нуждаются в дополнительном исследовании.

Ссылки

1. Маринович Л. П, Кошеленко Г. А. Павсаний: жизнь и творчество // Павсаний. Описание Эллады: в 2 т. Т. I / пер. С. П. Кондратьева. М., 1994. С. I-XXI.
2. Никитюк Е. В. Историко-антикварное сочинение Павсания в русле так называемого Греческого возрождения // Павсаний. Описание Эллады: в 2 т. Т. I / пер. С. П. Кондратьева. СПб., 1996. С. 20-40.
3. Dumézil G. La religion romaine archaïque, avec un appendice sur la religion des Étrusques. 2 édition revue et corrigée (1 éd. 1966). Paris, 1974. 700 p.
4. Axtell H. L. The deification of abstract ideas in Roman literature and inscriptions. Chicago, 1907. 98 p.
5. Stratiki K. The Greek heroes as a personification' of the past in the present // Personification in the Greek World: from Antiquity to Byzantium / eds.: E. Stafford, J. Herrin. Aldershot, 2005. P. 69-76.
6. Bowie E. Inspiration and Aspiration: Date, Genre, and Readership // Pausanias: Travel and Memory in Roman Greece / eds.: S. A. Alcock, J. E. Cherry, J. Elsner. New York, 2001. P. 21-32.
7. Elsner J. Structuring «Greece»: Pausanias's Periegesis as a Literary Construct // Pausanias: Travel and Memory in Roman Greece / eds.: S. A. Alcock, J. E. Cherry, J. Elsner. New York, 2001. P. 3-20.
8. Бузескул В. П. Краткое введение в историю Греции. Харьков, 1910. 264 с.
9. Akujärvi J. Researcher, Traveller, Narrator: Studies in Pausanias' Periegesis. Lund, 2005. 314 p.
10. Rutherford I. Tourism and the Sacred. Pausanias and the Traditions of Greek Pilgrimage // Pausanias: Travel and Memory in Roman Greece / eds.: S. A. Alcock, J. E. Cherry, J. Elsner. New York, 2001. P. 40-52.
11. Torelli M. Reflections on Context // Pausanias: Travel and Memory in Roman Greece / eds.: S. A. Alcock, J. E. Cherry, J. Elsner. New York, 2001. P. 53-56.
12. Arafat K. W. Pausanias' Greece: Ancient Artists and Roman Rulers. Cambridge, 1996. 246 p.
13. Champion-Smith V.A. Pausanias in Athens: An Archaeological Commentary on the Agora of Athens. London, 1998. 318 p.
14. Павсаний. Описание Эллады: в 2 т. Т. 1, кн. I-VI / пер. С. П. Кондратьева; под ред. Е. В. Никитюк. М., 2002. 492 с.
15. Выскубов С. П. «Описание Эллады» Павсания в контексте эпох и цивилизаций: проблемы рецепции: дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2018. 237 с.
16. Smith A. C. Polis and Personification in Classical Athenian Art. Leiden, Boston, 2011. 202 p.
17. Данилов Е. С. Восприятие радуги в античной культуре // Метаморфозы истории. 2018. № 11. С. 9-24.
18. Зелинский Ф. Ф. История античных религий. Т. 5, кн. 1: Религия Римской империи. СПб., 2018. 400 с.

Local government in the cities of Roman Africa in the II AD: development trends

G. V. Uskov¹

¹P. G. Demidov Yaroslavl State University, 14 Sovetskaya str., Yaroslavl 150003, Russian Federation

Research article
Full text in Russian

The article discusses the changes in the system of local government of the cities of the North African provinces in the 2nd century A.D. The author concludes that the role of local self-government in the North African cities was gradually decreasing in this period. This was manifested in strengthening of the authority of governors appointed by the emperors, in decrease of interest in occupation of city magistracies by wealthy citizens, and increased control over the estate of decurions. Many of the features characteristic of the 3rd century AD, originated in the reign of Antonines.

Keywords: Roman Empire; Antonine dynasty; North Africa; cities; local government

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Uskov Grigory V. | E-mail: ggu-03@mail.ru
| Postgraduate student

Funding: RFBR, Project No 19-39-90030.

Местное самоуправление в городах римской Африки во II в. н. э.: тенденции развития

Г. В. Усков¹

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, ул. Советская, 14, Ярославль, 150003, Российская Федерация

УДК 94(3)

Научная статья

В статье рассматриваются изменения, связанные с системой местного самоуправления городов североафриканских провинций Римской империи во II веке н. э. Автор приходит к выводу о постепенном снижении роли местного самоуправления в североафриканских городах изучаемого времени, что проявлялось в росте полномочий назначенных императорами наместников, ослаблении интереса к занятию городских магистратур со стороны финансово обеспеченных граждан, к повышению контроля над сословием декурионов. Показано, что многие из явлений, характерных для III века н. э., брали свое начало в период правления Антонинов.

Ключевые слова: Римская империя; принципат Антонинов; Северная Африка; города; самоуправление

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Усков Григорий Викторович | E-mail: ggu-03@mail.ru
| Аспирант

Финансирование: РФФИ, проект № 19-39-90030 «Межкультурный диалог в эпоху Античности (на примере североафриканских провинций Римской империи II в. н. э.)».

Вопрос о характере политической системы принципата, существовавшей в Римской империи в II–III вв. н. э., до сих пор является одним из наиболее важных, проблемных и дискуссионных в историографии античной истории. Большинство специалистов [1, с. 177] так или иначе признают принципат политическим режимом, сочетавшим в себе элементы монархии и республики. Предметом дискуссий, как правило, является вопрос о соотношении монархических и республиканских элементов в структуре управления римского государства. Нет никаких оснований понимать принципат как систему, функционировавшую в неизменном виде со времен Августа до окончания кризиса II века. На протяжении трех веков существования политическое устройство Римской империи изменялось в соответствии с требованиями времени. Следовательно, при изучении истории принципата важно проследить, когда именно автократические тенденции начинают преобладать над полисными порядками.

Одной из характерных черт античного полиса являлась система городского самоуправления, позволявшая членам гражданского коллектива принимать участие в делах своей общины. В данной статье исследовательской задачей является анализ основных тенденций развития системы городского самоуправления в североафриканских провинциях во II в. н. э.

После присоединения Мавретанского царства в середине I в. н. э. римская держава установила контроль над Северной Африкой. Подконтрольная римлянам территория делилась на три провинции – Проконсульскую Африку с административным центром в Карфагене, Цезарейскую Мавретанию с центром в Кесарии Мавретанской и Тингитанскую Мавретанию с центром в Тингисе.

Наиболее развитой в экономическом плане являлась Проконсульская Африка. В период поздней Империи здесь находились около 200 из примерно 500 римских городов во всех африканских владениях. Нередко словом «Аф-

рика» римляне называли лишь часть этой провинции к востоку от Нумидии (*Zeugitana regio et quae proprie vocetur Africa est* – Plin. *Nat. hist.* V. 3. 23. 4). В состав Проконсульской Африки к началу правления Антонинов входили прибрежная полоса Триполитании, область Малого Сирта, Бизаций, Зевгитана, Нумидия. К западу от Нумидии располагались Цезарейская и Тингитанская Мавретании, границей между которыми являлась река Молохаф. В экономическом плане более развитой являлась Цезарейская Мавретания, в ней находились такие значительные города как Кесария Мавретанская, Оппидум Новум, Типаса, Картенна, Сетиф. Тингитанская область рассматривалась римлянами как пограничная и более уязвимая для берберских вторжений. В провинции имелись развитые порты – Тингис, Сала, Русадир; из процветающих городов, не имевших выхода к морю, следует упомянуть Банасу и Волюбилис.

В II веке н. э. североафриканские города пережили период стабильности и подъема хозяйства. Сказывалось длительное отсутствие крупных военных конфликтов на территории Африки, влияние экономической политики Антонинов, развитие торговых связей с городами Средиземноморья. При Антонинах в регионе периодически происходили конфликты с берберскими племенами, возникавшие из-за политики переселения племен римской администрацией, споров по поводу земель, а также культурных противоречий. В то же время эти конфликты носили обычно локальный характер и либо подавлялись военной силой (как волнения мавретанцев при Адриане и Антонине Пие), либо сглаживались политикой уступок по отношению к берберам и предоставлением привилегий вождям племен (серия договоров с племенем бакватов).

В целом же с точки зрения безопасности для североафриканских городов период правления Антонинов можно характеризовать как благополучный. Не менее успешной была и ситуация в экономике. Положение городов улучшилось благодаря развитию торговли и успехам сельского хозяйства в Африке. При Антонинах основной формой использования земли стал сальтус – крупное императорское или частное хозяйство, в котором применялся труд рабов или арендаторов–колонов [2, с. 68].

Развитие торговли в Северной Африке во II веке н. э. хорошо иллюстрирует Зарайтан-

ский тариф (CIL VIII. 4508), датируемый 202 годом. В нем представлены пошлины, которыми облагались привозимые в город Зарай (располагавшийся на территории Нумидии) товары. Документ делится на четыре части. В *lex capitularis* указываются пошлины на рабов и скот, в *lex vestis* – на одежду, в *lex sociaria* говорится о различных сортах кож, и в *lex portus maxima* перечисляются вина, гарум, орехи, фиги и другие товары [3, р. 249]. Н. А. Машкин отмечал, что, хотя африканское производство (например, тканей) было ориентировано на местный рынок, товары из Африки могли доходить до Италии [4, с. 72]. Таким образом, в целом успешное правление Антонинов привело к процветанию североафриканских городов.

В историографии большинство специалистов придерживались точки зрения, признававшей сохранение в городах римской державы (и, в частности, в Африке) в эпоху Антонинов развитой системы местного самоуправления. Несмотря на существование автократической власти принцепса, в городах продолжали действовать старые порядки, опирающиеся на гражданский коллектив в качестве субъекта политики, избрание магистратов гражданами, полисную систему ценностей, принципы невмешательства центральной власти в дела гражданской общины. Еще М. И. Ростовцев отмечал, что до III века н. э. при управлении территориями римские власти полагались более на местное самоуправление, чем на развитую систему чиновничества. Позднее, по мнению М. И. Ростовцева, система была разрушена в результате гражданских войн и кризиса III века, после чего над городами и сельскими общинами провинций был установлен бюрократический контроль из центра [5, II, с. 220].

Французский исследователь Ш.-А. Жюльен называл Римскую империю федерацией городов, объединившихся вокруг самого крупного и могущественного из себе подобных. Подавляя всю общественную жизнь в самом Риме, – писал Жюльен, – императоры поддерживали ее в провинциях с целью ускорения процесса романизации [6, с. 193; 6, с. 207]. Н. А. Машкин отмечал, что сословие декурионов, на которое делалась ставка при организации местного самоуправления, начало приходить в упадок в III веке, не ранее. Таким образом говорить о полной потере муниципием в Северной Африке своей независимости во II веке н. э. нет оснований [4, с. 78].

А. Л. Смышляев обращал внимание на тот факт, что императоры и императорские наместники при посещении городов стремились решать дела публично и в присутствии городского совета, избранных магистратов и известных в городе граждан. Все это, по мнению специалиста по проблеме, свидетельствовало об уважении римских властей к местному самоуправлению, местным элитам и институтам [7, с. 35]. Важную роль сословия декурионов в управлении североафриканскими городами и их благоустройстве подчеркивали Ж. Куинн, Э. Уилсон, К. Бембай и С. Лефевр [8, р. 164; 2, с. 45; 9, р. 102].

В римской Северной Африке города выполняли множество функций. Административные центры могли служить опорными пунктами, имевшими стратегическое назначение. Города могли выступать в качестве пункта обмена, который обслуживал соседние племена берберов. Вступая в экономические отношения с соседними племенами, города способствовали их романизации. В наиболее привилегированном положении находились римские колонии и муниципии. Меньшими правами располагали латинские общины.

Местное самоуправление в африканских городах обычно было представлено советами *ordo decurionum* и избираемыми магистратами, среди которых наивысшее положение имели 2 дуумвира. Кроме дуумвиров, избирались квесторы и эдилы. Каждые 5 лет сроком на один год избирались 2 дуумвира квинквеннала, которые проводили ценз декурионов. Декурионы должны были обладать землей и финансовыми средствами, поскольку они были обязаны оплачивать расходы и вносить пожертвования в городскую казну. Стать декурионом теоретически мог и выходец из низов. Так, «песнь жнеца» из Мактара (CIL VIII. 11824), созданная, по всей вероятности, в начале III века, описывает жизнь и карьеру некоего Гая Мульцея Максима, начинавшего простым жнецом (*demessor pratis sua gramina falce retondens*), затем ставшего надсмотрщиком и возвысившегося до декуриона и дуумвира квинквеннала. Сам Максим в надписи назван «цензором», вероятно, речь шла о стремлении провинциальной элиты сравнивать себя с римскими магистратами.

При избрании на должность магистрат (или жрец коллегии) должен был внести так называемую *summa honoraria*. Как находил Н. А. Машкин, величина этой денежной суммы за занятие разных магистратур или жреческих

должностей была различной. Встречаются цифры от 20 тысяч до 600 тысяч сестерциев [4, с. 79]. Р. Уиттекер отмечал, что к концу II века размер *summa honoraria* на территории североафриканских провинций мог утроиться [10, р. 543]. Это может быть справедливо для Проконсульской Африки. Мы имеем не так много данных о Мавретании Цезарейской и Мавретании Тингитанской, существовавших в условиях постоянной угрозы вторжения со стороны местных племен. Возможно, в городах Мавретаний сумма была меньшей.

В то же время уже во II веке начинается медленное снижение роли местного самоуправления в Римской империи, что идеологически отразили труды Плиния Младшего и Диона Хризостома. Так, в четырех речах «О царской власти» Дион пытается совместить образ стоического мудреца с идеалом доброго монарха, заботящегося о государстве. Тирании им противопоставляется справедливое царствование, когда монарх смотрит на народ как отец и подкрепляет подобное отношение поступками (Dio. Chrys. Or. I. 21).

Распространение подобных взглядов во II в. н. э. хорошо иллюстрирует общее принятие римским миром неизбежности монархического строя при условии соблюдения монархом определенных норм и ценностей полисных времен, что хорошо понимали Нерва, Траян, Адриан, Антонин Пий и Марк Аврелий. Еще в эпоху Флавиев появилась чиновничья должность *corrector civitatum*. Занимающие ее контролировали хозяйственные дела муниципий [11, с. 31].

При Антонинах укрепляется бюрократический аппарат, императоры стремились лично контролировать деятельность наместников в провинциях. Это хорошо заметно уже в правление Траяна. Плиний Младший сообщал императору о проблемах со строительством водопровода и театра (Plin. Ep. X. 37–39), о допросе христиан (Plin. Ep. X. 96–97), об организации тюремной стражи (Plin. Ep. X. 19). И. В. Нетушил отмечал, что систематические реформы по укреплению бюрократического аппарата в Италии и в провинциях были проведены Адрианом. Большое значение имело создание императорского совета (*consilium principis*), работающего как бюрократический орган. Члены совета получали жалование как государственные служащие.

На наиболее видные прокураторские должности, которые до этого замещались вольноотпущенниками, стали назначаться всадники, что, как полагал И. В. Нетушил, означало присвоение исполнявшим данные должности лицам статуса государственных служащих [11, с. 31]. По мнению В. Экка, увеличение количества должностей и рост их значимости при Адриане могли быть связаны с поездками императора, во время которых им была осознана необходимость новых требований к управлению провинциями [12, р. 252].

Место в совете и магистратура начинают восприниматься декурионами как тягостная обязанность. Еще во времена Домициана в провинциях западной части империи была распространена практика *nominatio*, которая хорошо известна на примере испанской Малаки. При отсутствии достаточного количества кандидатов для участия в выборах председательствующий в комициях магистрат должен был самолично составить список участников (*qui comitia habere debebit proscrito ita u(t) d(e) p(lano) r(ecte) l(egi) p(ossint* – СІЛ. II. 01964). Каждый внесенный в список человек должен был предоставить еще по одному имени. Такая практика наглядно показывает, что уже к I в. н. э. находились люди из числа городской элиты, избегавшие городских магистратур.

К сожалению, мы не имеем примеров подобных законов для североафриканских городов. Однако можно полагать, что похожая практика была актуальна и для Африки, так как есть свидетельства о концентрации городских магистратур в руках нескольких богатых семей. Известно, что бывшие в 188 г. дуумвирами Кесарии Мавретанской Цецилий Констанс и Мессий Прокул принадлежали к семьям, которые ранее неоднократно занимали различные магистратуры [СІЛ VIII.21078]. Позднее, в 217 г., супруга дуумвира Мессия Кастула (вероятно, родственница Мессия Прокула) имела племянника по имени Мессий Сапидион Стратокл, который также стал дуумвиром [13, р. 721].

Советы декурионов, судя по источникам, начинают рассматриваться наместниками провинций как подвластные им. Согласно Ульпиану, еще заставшему времена Антонинов, наместник провинции должен был заботиться о том, чтобы декурионы, которые покинули свою общину, возвращались при участии наместника на отеческую землю и исполняли там соответствующие повинности (*Dig. L. II. I. 1*).

В обязанности наместникам вменялся надзор над городскими коллегиями; так, организация недозволенной коллегии приравнивалась к захвату общественного места или храма (*Dig. XLVIII. XXII. 2*). Статус декуриона и участие в местном самоуправлении постепенно перестают восприниматься как желаемые, от исполнения обязанностей и избрания магистратами начинают уклоняться. Доходило до перевода себя в положение колона, что не освобождало от несения повинностей (*Dig. L. V. I. 2*).

Такие вопросы, как строительство общественных зданий, дорог, постановка статуй все более начинают контролироваться императорскими наместниками. В условиях нехватки средств у городов императорская власть могла оказывать им финансовую помощь или напрямую помогать строительству в городе тех или иных объектов. Это ставило городские элиты в зависимое положение.

Известен случай, когда в город Салды (совр. Беджайя в Алжире) был направлен военный инженер для помощи в строительстве акведука [11, с. 539]. В 144 г. группа жителей Салы отправилась на имя наместника Уттедия Гонората прошение о постановке статуи в честь префекта М. Сульпиция Феликса, оказавшего городу несколько услуг (ІАМ-02-01. 00307) [14, р. 94]. С. Гзелль, Ж. Каркопино, Л. Арман, Ф. Жак, Р. Эль Усен, анализировавшие надпись, выражали точку зрения о том, что упомянутые в тексте граждане Салы не являлись декурионами. Противоположной позиции придерживались Л. Шателен (позднее поменявший взгляды), Р. Ребюффа, Ж. Буб [15, р. 2254]. Показателен сам факт того, что горожанам приходилось спрашивать разрешения по поводу постановки статуи у наместника провинции.

В условиях военной угрозы со стороны местных племен наместник должен был отвечать за безопасность провинции. При организации обороны он мог вмешиваться в деятельность городских властей. Особенно это было актуально для Тингитанской Мавретании. Наместник вел переговоры с вождями племен от лица императора. Известна серия договоров II в. н. э. с вождями племени бакватов, в которых представителем принцепса выступал прокуратор провинции (СІЛ VIII. 21826; ІАМ-02-02. 00349). Кроме того, наместник занимался вопросом разграничения земель между городами, берберским населением и императорскими сальтусами. В 137 г. прокуратор Цезарейской Мавретании Гай Петро-

ний Целер организовал расселение племени, выделив им земли для проживания (CIL. VIII. 137). В том же 137 г. Целер занимался разграничением земель между Регией и императорским поместьем [16, p. 198].

Таким образом, время принципата Антонинов можно рассматривать как начало переходного периода от античной *civitas* к автократии времен поздней Империи, от гражданина к подданному. Полисные традиции были еще сильны в средиземноморском мире. Соответственно, императорская власть не имела возможности обеспечивать прямой административный контроль и признавала наличие самоуправления в провинциях. Сословие декурионов формально считалось привилегированным. Вхождение в состав городского совета или занятие магистратуры понималось многими уроженцами североафриканских городов как достижение

и повышение социального статуса. В то же время во II веке для североафриканского региона были характерны тенденции, связанные с увеличением контроля над декурионами, – их начинают рассматривать как подчиненных императорским наместникам. Не получая платы из казны за исполнения своих функций, магистраты были обязаны нести финансовые затраты при вступлении в должность и при ее исполнении, что привело к тому, что городская элита начала избегать магистратур, которые воспринимались как повинность, а не почесть. Полисный образ мышления уходил в прошлое. Местное самоуправление в городах Северной Африки стало превращаться в церемониальные органы, основная власть начинает концентрироваться в руках у назначаемых императором наместников.

Ссылки

1. Махлаюк А. В. Полисно-республиканские структуры и традиции в эпоху принципата // *Античный полис: курс лекций*. М., 2010. С. 176–226.
2. Бембай К. Римская политика в Африке в I–III вв. н. э.: дис. ... канд. ист. наук. Белгород, 2017. 180 с.
3. MacKendrick P. *The North African Stones Speak*. Chapel Hill, 1980. 423 p.
4. Машкин Н. А. Из истории африканских городов во II–III вв. н. э. // *Вестник древней истории*. 1951. № 2. С. 70–83.
5. Ростовцев М. И. *Общество и хозяйство в Римской империи*: в 2 т. СПб, 2000. Т. I. 400 с.; Т. 2. 412 с.
6. Жюльен Ш.-А. *История Северной Африки*. Тунис, Алжир, Марокко. С древнейшего времени до арабского завоевания. М., 1961. 428 с.
7. Смышляев А. Л. *Civilis Dominatio: Римский наместник в провинциальном городе* // *Вестник древней истории*. 1997. № 3. С. 24–35.
8. Quinn J., Wilson A. *Capitolia* // *Journal of Roman Studies*. 2013. 103. P. 117–173.
9. Lefebvre S. *Critères de définition des hommages publics dans l'Occident romain* // *Bulletin de la Société Nationale des Antiquaires de France*. 1998, 2002. P. 100–111.
10. Whittaker R. *Cities* // *CAH*. Vol. XI. Cambridge, 2008. P. 539–543.
11. Нетушил И. В. *Очерк римских государственных древностей. Государственное устройство Римской империи в эпоху принципата*. Харьков, 2016. 404 с.
12. Eck W. *The growth of administrative posts* // *CAH*. Vol. XI. Cambridge, 2008. P. 238–265.
13. Leveau P. *Caesarea de Maurétanie* // *ANRW*. II.10.2. Berlin; New York, 1982. P. 683–728.
14. Chatelain L. *Le Maroc des Romains: étude sur les centres antiques de la Maurétanie occidentale*. Paris, 1944. 317 p.
15. Pujol L. P. *Marcus Sulpicius Felix (Sala), cittadino o militar?* // *L'Africa romana. Transformazione dei paesaggi del potere nell'Africa settentrionale fino alla fine del mondo antico*. Atti del XIX convegno di studio, Sassari, 16-19 dicembre 2010. Roma, 2012. Vol. III. P. 2247–2260.
16. Dalla Rossa A. *Les successeurs désignés du prince et leur patrimoine. À propos de la délimitation d'Er-Rahel en Maurétanie Césarienne (CIL VIII 21663)* // *Cahiers du Centre Gustave Glotz*. XXVIII. Paris, 2017. P. 197–212.

The meaning of a term «ἄρχων» in the Chronicle of Morea and the Assizes of Romania

D. L. Frolov¹

¹P. G. Demidov Yaroslavl State University, 14 Sovetskaya str., Yaroslavl 150003, Russian Federation

Research article
Full text in Russian

The article is devoted to the analysis of the substantive content of the term *archon* in “the Assizes of Romania” and “the Chronicle of Morea”. The author studies the pieces of texts that contain the mentioned word. It is concluded that in the sources of Frankish origin it is used as a designation for the Byzantine vassal of simple homage, which does not have knightly dignity. In the Byzantine version of the *Chronikon tou Moreos*, on the contrary, it has no ethnic and derogatory coloring.

Keywords: Frankokratia; Principality of Achaëa; Assizes of Romania; Chronicle of Morea

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Frolov Denis L. | E-mail: dlfrolov.hdf@gmail.com
Postgraduate student

Термин «ἄρχων» в «Морейской хронике» и «Ассизах Романии»

Д. Л. Фролов¹

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, ул. Советская, 14, Ярославль, 150003, Российская Федерация

УДК 94(495).04
Научная статья

Статья посвящена анализу содержательного наполнения термина «ἄρχων» в текстах «Ассиз Романии» и «Морейской хроники». Автор изучает постановления и сюжеты, связанные с использованием данного понятия. Делается вывод, что в источниках франкского происхождения оно употребляется в качестве обозначения ромейского вассала простого оммажа, не обладающего рыцарским достоинством, а в византийском варианте «Χρονικόν του Μορέως», напротив, не имеет этнической и уничижительной окраски.

Ключевые слова: франкократия; Ахейское княжество; Ассизы Романии; Морейская хроника

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Фролов Денис Леонидович | E-mail: dlfrolov.hdf@gmail.com
| Аспирант

Завоевание Константинополя крестоносцами в 1204 г. привело к основанию нескольких франкских государств на Балканах: Латинской империи, Фессалоникского королевства, Афинского герцогства и Ахейского княжества. Большая часть их населения была представлена ромеями различного происхождения – от париков и до архонтов. Последние, по мнению Д. Якоби, являлись своеобразными «двойниками» («counterparts») западных рыцарей [1, p. 899]. Несомненно, что во время IV крестового похода и сами европейские феодалы зачастую считали византийских аристократов своими греческими «собратями» [2, LXXII; 3, XVIII, XXI]. Во многом именно поэтому начало латинской власти ознаменовало собой изменение в положении местной знати: ее высокий социальный статус, ранее бывший сугубо неформальным, стал фиксироваться в официальных письменных актах [4, p. 155; 5, p. 244; 6, v. 2089–2095]. Впоследствии некоторые из этих постановлений послужили основой для создания «Ассиз Романии» – законодательного свода Мореи [7]. В том же государстве были составлены и две первые версии «Морейской хроники», содержащие достаточно обширную информацию о жизни ромейских «владык» в период франкократии [6; 8].

Примечательно, что в текстах всех перечисленных источников фиксируется использование слова «ἄρχων» или его западных эквивалентов.

Данный факт неоднократно отмечался специалистами, однако содержательное наполнение термина до сих пор оставалось практически вне поля зрения исследователей [9, p. 120; 10, p. 277, 281; 11; 12, p. 69]. Несомненно, что в Византии архонтами именовались представители местной знати, еще до прихода крестоносцев имевшие колоссальное влияние в провинции [5, p. 249], но какие лица подразумевались под «ἄρχοντες» авторами «Ассиз» и «Морейской хроники»?

В «конституции» Ахейского княжества интересующая нас лексическая единица встречается по одному разу в трех параграфах (LXXI – arecordo, CLXXVIII – arconda, CXCV – arcunda), посвященных несению военной службы, правилам наследования и земельного пожалования. Синонимично ей и словосочетание «feudatario griego», содержащееся в § CXXXVIII [7]. На основании анализа контекста употребления слова в данных фрагментах мы можем утверждать, что «архонтом» в своде именовался ромейский вассал простого оммажа (de plan homagio), имевший право обладать землей (terra) и вилланами (villani), а также обязанный ежегодной службой (лат. *servicium*) сюзерену и наследовавший надел в равных долях (egualmente) со своими братьями [7, LXXI, CXXXVIII]. Таким образом, изучаемый термин, в период XXII вв. определявший исключительно социальный статус человека, после латинского завоевания обретает и этниче-

скую окраску: на территории Мореи (и, вероятно, иных франкских государств) «ἄρχων» официально считался феодалом исключительно «греческого» происхождения.

Связь рассматриваемого понятия с византийским знатным лицом подчеркивалась латинянами и на неформальном уровне. Ряд подтверждений этому имеется в тексте французской версии «Морейской хроники». Здесь анализируемый нами термин используется автором 17 раз (во множественном числе – 16 раз). 8 раз мы находим прямое указание на принадлежность «ἄρχοντες» к ромеям (arcondes grex), 1 раз архонты упоминаются вместе с другими «знатными греками» («...vindrent li arcondes, et li gentils hommes grec...») и 4 раза словосочетание «arcondes grex de l'Escorta» трансформируется в «arcondes de l'Escorta». Кроме того, хронист не оставляет без внимания право местной аристократии на владение земельными участками и даже крепостями («Lors s'acorderent avec le prince en tel maniere que, pour ce que le chastel de Naples a .ij. fortresses, que li Latin tenissent et gardaissent l'une et li arconde grec l'autre»). Отметим, что во всех учтенных нами случаях изучаемая лексическая единица ни разу не употребляется для определения франкского феодала. Сами же византийцы (grec) упоминаются в источнике 157 раз, из которых 5 раз как «gentilz hommes grec» или «riche homme grec», но ни один из них не именуется в качестве «messire», даже несмотря на то, что это обращение используется в тексте 202 раза [8].

В результате можно утверждать, что смысловое наполнение исследуемого термина во французской хронике является практически идентичным таковому в «Ассизах». Вместе с тем необходимо констатировать, что в «Chronique» гораздо сильнее подчеркивается этническая принадлежность и нерыцарский статус архонтов. Весьма вероятно, что причинами этому могли послужить происхождение самого автора и его стремление продемонстрировать более высокое положение франкских феодалов, жанр произведения, дававший широкие возможности для субъективных оценок, а также недоверие существенной части крестоносцев к ромеям, проявившееся еще во время первого и второго походов в Святую землю [2, XCIX; 12, p. 7273; 13, p. 772].

Наибольшая частота употребления рассматриваемого понятия фиксируется в Копенгагенском и Парижском кодексах греческой версии «Морейской хроники» (около 110 раз). Учитывая происхождение лексической единицы, мы не считаем данное обстоятельство удивительным. Го-

раздо больший интерес представляет контекст ее употребления. В отличие от составителей «латинских» источников, автор «ромейского» произведения не придает термину «ἄρχων» специфической этнической окраски. Так, в тексте имеются рассказы об «архонтах франкского войска» (οἱ ἄρχοντες τοῦ φράγκικου φουσσάτου) [6, v. 754–757], архонтах-венецианцах (οἱ ἄρχοντες οἱ πρῶτοι τῆς Βενετίας) [6, v. 351–356] и даже архонтах-турках (οἱ ἄρχοντες τοῦ τοῦρκικου φουσσάτου) [6, v. 5236–5238]. Отметим, что подобное именование иноземцев не было чуждым византийским историкам и ранее. Словосочетание «архонт сарацинов» (ὁ ἄρχων τῶν Σαρακηνῶν) использовал, например, Никита Хониат [15, P. 776]. Соответственно, в данных случаях термин употреблялся пелопонесским хронистом в значении «глава, высокородный член иноземного войска, города или государства».

Несомненно, что автор греческой хроники называл архонтами и представителей ромейской знати. При этом данным словом им обозначались три ее категории:

1. Провинциальная, проживавшая в период франкского владычества на территории Пелопоннеса (οἱ ἄρχοντες... τῆς χώρας Ἀνδραβίδου, οἱ ἄρχοντες ὅλης τῆς Μεσαράας, οἱ ἄρχοντες τοῦ κάμπου τοῦ Μορέως и т.д.) [6, v. 1435, 1496–1500, 1610, 1643, 2066–2074;

2. Провинциальная, обитавшая за пределами латинских владений (напр.: οἱ ἄρχοντες Ρωμαῖοι οἱ πρῶτοι τῆς Ρωμανίας ἐκεῖσε εἰς τὴν Ἀνατολήν) [6, v. 1205–1212, 1239–1244;

3. Столичная, находившаяся в Константинополе до завоевания города крестоносцами (...τὰ ἀρχοντόπουλα ὅπου ἦσαν τῆς Πολέου...) [6, v. 554–559].

В третьем случае остается не совсем понятным, какую группу населения подразумевал составитель¹. Относительно же «ἄρχοντες» Мореи и ромейских государств ситуация представляется более ясной. Так, в тексте содержатся прямые указания на то, что к ним относились люди, обладавшие земельным держанием (ὅπου εἶχαν τὲς προνοίεσ, ὁποῦχασιν προνοίεσ) или имевшие возможность получить дополнительный надел в дар от господина (τοὺς ἄρχοντας ἐτίμησεν ὅλης τῆς βασιλείας· τοὺς μὲν γὰρ εὐεργέτησεν, ἀλλῶν χώρας ἐδῶκεν). [6, v. 1639–1648, 2066–2069, 1239–1244]. Кроме того, именно члены данной страты вступали в переговоры с завоевателями (Καὶ λέγουν τοῦ μισὶρ Ντζεφρέ, εἶπαν, παρακαλοῦν τον, νὰ ὀριση τὰ φουσσᾶτα του, νὰ πάψουσιν τὰ κούρησ,

¹ В качестве «τὰ ἀρχοντόπουλα» хронистом могли обозначаться как клиенты наиболее знатных аристократов, так и наследники «полноценных» архонтов.

νὰ προσκυνήσουν τὰ χορία, ἀφέντην τὸν ἔχουν²) или же выступали советниками по различным (в первую очередь военным) вопросам (“Ἦλθασιν γὰρ οἱ ἄρχοντες οἱ Ἀνδριανοπολίτες καὶ λέγουσιν τοῦ βασιλέως. «Ἀφέντη μας, δεσπότη, κράτησον τὰ φουσσᾶτα σου μηδὲν ἔβγουςιν ἔξω...») [6, v. 1115–1118, 2070–2073]³.

В итоге, на основании анализа указанных выше фрагментов, мы можем утверждать, что под термином «ἄρχων» автор византийской версии «Морейской хроники» понимал лицо, обладавшее значительным политическим и экономическим влиянием в провинции. Так же, как и в случае с иноземными «владыками», данное представление об архонтах было распространено в византийской традиции X–XII вв. [16, p. 137; 5, p. 244].

Весьма примечательно и использование понятия в составе формулы «ἄρχοντες, φίλοι κι (καὶ) ἀδελφοί», т. е. в качестве обращения к благородному лицу идентичного статуса, «брату»⁴.

² «И молвили (пред) мессиром Жоффруа, и умоляли его, чтобы приказал он своим армиям остановить разорение, и тогда принесут ему клятву селения, и будут считать его (своим) владыкой».

³ «Пришли тут адрианопольские архонты и сказали императору: «Владыка наш, деспот, прикажи войскам своим не покидать (сего) места...».

⁴ В тексте источника данное словосочетание встречается 8 раз.

Ссылки

1. Jacoby D. The Encounter of Two Societies: Western Conquerors and Byzantines in the Peloponnesus after the Fourth Crusade // *The American Historical Review*. 1973. Vol. 78, № 4. P. 873–906.
2. La Conquête de Constantinople, avec la Continuation de Henri de Valenciennes / Ed. et tr. par N. De Wailly. P., 1872. 511 p.
3. Robert de Clari Conquête de Constantinople / Ed. par P. Lauer. P., 1924. 130 p.
4. Magdalino P. The Empire of Manuel I Komnenos, 1143–1180. Cambridge, 1993. 557 p.
5. Angold M. Archons and Dynasts: Local aristocracies and the Cities of the Later Byzantine empire // *The Byzantine Aristocracy*. Oxford, 1984. P. 236–253.
6. The Chronicle of Morea / Ed. by J. Schmitt. L., 1904. 650 p.
7. Liber Consuetudinum Imperii Romaniae, in Venetorum et Francorum ditionem redacti, concinnatus in usum Principatus Achajae a Serenissima Republica Veneta // *Barbarorum leges antiquae / A cura di P. Canciani*. 1785. P. 495–534.
8. Chronique de Morée / Pub par. J. Longnon. P., 1911. URL: <http://txm.bfm-corporus.org/pdf/moree.pdf>.
9. Topping P. Feudal Institutions as revealed in the Assizes of Romania, the Law Code of Frankish Greece // *Studies on Latin Greece A.D. 1205–1715*. L., 1977. P. 1–192.
10. Lock P. The Franks in the Aegean. NY, 1995. 401 p.
11. Jacoby D. Les archontes grecs et la féodalité en Morée franque // *Travaux et mémoires*. 1967. T. 2. P. 421–481.
12. Crusaders as conquerors: the Chronicle of Morea / translated from the Greek, with notes and introduction, by H. E. Lurier. NY, 1964. 346 p.
13. Odonis de Diogilo De profectone Ludovici VII in Orientem // *S. Bernardi Clarevallensis Abbatis genus illustre assertum. Accedunt Odonis de Diogilo, Johannis Eremitae, Herberti Turricum Sardiniae Archiepiscopi*. P., 1660. P. 25–77.
14. Ἄννα Κομνηνὴ Ἀλεξιάς // *Patrologiae cursus completus. Series Graeca / ed. J. P. Migne*. P.s, 1864. T. CXXXI. P. 79–1210.
15. Νικήτας Χωνιάτης Ἱστορία // *Migne Patrologia Graeca*. P., 1865. T. 139. P. 309–1086.
16. Neville L. Authority in Byzantine Provincial Society, 950–1100. Cambridge, 2004. 224 p.

The material supply of the Donbass orphanages from 1943 to 1945 (on statistical indicators)

M. A. Solovei¹

¹Donetsk National University, 24 Universitetskaya str., Donetsk, 283001, DPR

Research article
Full text in Russian

In this article the author analyzes archival material, which concerns provisions supplies and material security for children's homes inmates during 1943-1945 years. Also author defines the ways of overcoming the problems with orphanages foodstuffs supplies.

Keywords: orphanages; material security; orphans; orphanages inmates

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Solovei Maria A. | E-mail: valkyr-mariya@yandex.ru
Candidate of Sciences in History, Associate Professor

Материальное обеспечение детских домов Донбасса в 1943–1945 гг. (по данным статистики)

М. А. Соловей¹

¹Донецкий национальный университет, ул. Университетская, 24, Донецк, 283001, ДНР

УДК 94:37.018.3(477.6)»1943/1945»

Научная статья

В статье на основе архивного материала проанализировано обеспечение воспитанников детских домов Донбасса продовольственными и промышленными товарами в период 1943–1945 гг., выявлены пути преодоления трудностей продовольственного обеспечения сирот.

Ключевые слова: детские дома; материальное обеспечение; сироты

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Соловей Мария Александровна | E-mail: valkyr-mariya@yandex.ru
Кандидат исторических наук, доцент

Долгие годы внимание историков в истории Великой Отечественной войны привлекали такие вопросы, как ход боевых действий, подвиги тружеников тыла, патриотическое движение советского народа, помощь тыла фронту и районам, освобожденным от оккупантов. Социальная сторона жизни советских граждан оставалась в тени. Между тем с политической трансформацией конца 1980-х гг. в науке и современном обществе значительно возрос интерес к проблемам социальной истории. Кроме того, в 1990-х – начале 2000-х гг. обострились и социальные проблемы, обусловленные беспризорностью, безнадзорностью и усилением подростковой преступности. Нахождение реальных путей преодоления этих явлений остается актуальным и в настоящее время.

Определяя степень изученности проблемы, следует отметить, что социальная политика государства в области охраны детства военного времени не являлась предметом специального исторического исследования. Отдельные сюжеты получили освещение в работах современных исследователей Г. М. Гольша [1], Е. Ф. Кринко [2], И. А. Ложкиной [3] и др. Однако эти авторы уделяют внимание более общим вопросам социальной политики в годы Великой Отечественной войны в разных регионах

СССР и рассматривают проблемы материального обеспечения детских домов вскользь. Таким образом, проблема остается недостаточно изученной и весьма актуальной.

Целью статьи является попытка на основе архивных данных проследить динамику изменения снабжения детских домов продовольствием и товарами первой необходимости в 1943–1945 гг.; выявить основные источники поставок и проанализировать мероприятия по повышению их результативности.

После освобождения Донбасса от фашистской оккупации перед местными органами власти встала задача восстановления сети детских домов. Этот процесс проходил организованно и довольно быстро, и к началу 1946 г. в регионе уже действовало 79 детских домов, в которых воспитывались 7860 детей [4]. Не менее важной проблемой стало укомплектование детдомов всем необходимым для нормальной жизни воспитанников. Детские дома испытывали потребность в регулярном снабжении продовольствием и топливом; нуждались в мебели, посуде, постельном белье, одежде, обуви, товарах хозяйственного назначения, учебниках, письменных принадлежностях и т. д.

Материальная база детских домов, действовавших в регионе до войны, оказалась почти полностью уничтоженной, а положение

ние детей, в них находившихся, было отчаянным. Вот, к примеру, как описано состояние Красноармейского детского дома при фашистах в справке райкома комсомола: «До оккупации детский дом был хорошо оборудован ... При нем было 6 коров, несколько свиней, трактор, 2 пары лошадей, грузовая машина. Детский дом имел свой ставок, сад, мастерские, кузню. Во время оккупации дети были эвакуированы. В дни оккупации то, что не смогли увезти (мебель и др.) было растащено. Немцы направляли в этот детдом круглых сирот, где выдавали им по 200 граммов хлеба в день. Дети находились в тяжелом состоянии, ходили собирали отбросы в мусорных ямах. Всего детей при немцах было 43 человека, большинство из них от недоедания были пухлые, а 8 человек – рахитики». В докладной записке заведующего Сталинским облОНО от 05.05.1944 г. подчеркивалось, что при немцах детдома почти не обеспечивались продуктами и лекарствами, поэтому дети умирали от голода, болезней и антисанитарных условий. К примеру, в Енакиевском детском доме погибли 185 детей, в Ивановпольском – 45, в Макеевском – 50 [5]. Так что местным органам власти пришлось полностью воссоздавать всю материальную базу детских домов Донбасса.

В этой работе Сталинский и Ворошиловградский облисполкомы рассчитывали прежде всего на бюджетное финансирование. Наркомат финансов Украины предусмотрел в бюджете на 1944 г. для нужд детдомов свыше 99 млн руб., что составляло почти 13,3 % всех ассигнований на народное образование республики. Больше было выделено только для развития школьной сети. В 1945 г. бюджетное финансирование детдомов увеличилось и было предусмотрено уже отдельно для каждой области. Так, для Сталинской области оно составило более 18 млн руб., для Ворошиловградской – свыше 10,5 млн руб. [6–8].

Кроме того, деньги поступали от различных фондов и от добровольных пожертвований. Например, комсомольцы Украины в 1943 г. создали денежный фонд помощи детям-сиротам, в который до конца 1945 г. поступило более 17 млн руб. [9].

Все детские дома Донбасса в 1943 г. были включены в систему планового обеспечения необходимыми товарами. Однако в годы вой-

ны с продовольственным снабжением детских учреждений возникало немало сложностей. Несмотря на то что всем районным торгующим организациям были разосланы приказы правительства и распоряжения облторготделов о своевременном снабжении детдомов продуктами питания, сроки поставок практически повсеместно не выдерживались. Сигналы, поступающие с мест, свидетельствовали, что детские учреждения получали продукты «с большими перебоями, не по нормам и нарядам, кроме того, в очень ограниченном количестве». Многие детские дома Сталинской области регулярно недополучали жиры, мясо, рыбу, яйца, молоко, кондитерские изделия. В Ворошиловградской области отмечались случаи задержки поставок продовольствия на полтора-два месяца, замена высококалорийных продуктов на низкокалорийные [10–11]. Это совершенно не обеспечивало даже минимальные потребности детей.

Для улучшения снабжения детдомов продовольствием республиканские и местные органы исполнительной власти приняли в 1944 г. ряд решений. Так, согласно распоряжению Наркомторга, фонды детских домов на продовольствие при выделении общих фондов по областям прописывались отдельно. Специальными указаниями облисполкомов горрайторготделам эти фонды надлежало отоваривать в первую очередь. Кроме того, местные исполкомы по возможности увеличивали продовольственные лимиты, отпущенные детдомам из Киева. Иногда эта «прибавка» достигала 20–25 % от первоначальных цифр.

Определенную роль в улучшении снабжения детдомов играли продовольственные подарки, получаемые из братских республик. Их направляли в освобожденные от оккупантов области из Средней Азии и восточных областей страны. Так, в ноябре из Киргизии в Сталинскую область пришло 9286 кг риса, 5641 кг урюка, 6640 кг джема, 3984 кг печенья, 8300 кг масла, 8500 кг колбасы. Это позволило организовать четырехразовое питание детей дошкольного возраста и усилить питание школьников-сирот, что очень поддержало силы полуголодных воспитанников. Продовольственную помощь кондитерскими изделиями оказали также трудящиеся Тувинской республики.

Продуктовые посылки в детдома приходили также от воинских частей. Например, части Красной Армии, находящиеся в Иране, прислали сиротам Сталинской области 3550 кг шоколада, 4500 кг печенья, 1825 кг сгущенного молока, 30 т риса и т. д. Воины 50-й стрелковой пехотной гвардейской краснознаменной им. ордена Суворова дивизии, которые освобождали Сталино от фашистов, направили в детдома области 260 продуктовых посылок [12].

Детским домам также передавали продовольствие, полученное в качестве репараций. 8 мая 1945 г. Совнаркомом УССР наркомату просвещения было передано 3 вагона репарационных продуктов питания. Нарком просвещения УССР П. Тычина приказал разделить их между детскими домами для улучшения рациона воспитанников. В сентябре 1945 г. в детдома было направлено еще 40,2 т репарационных продуктов, поступивших из Румынии.

Поскольку местные органы власти не имели средств и возможностей быстро нормализовать ситуацию со снабжением детских учреждений, общественные организации проявили инициативу и объявили об оказании помощи сиротам. Первыми собирать продукты для детских домов начали комсомольцы. В Ворошиловградской области райкомы комсомола приступили к сбору продовольствия с марта 1943 г. К концу года ими было передано в детские дома 30 т овощей, 250 кг меда, 275 кг мяса, 485 кг муки, 2000 яиц [13–14].

В Сталинской области организованность и массовость отдельным низовым инициативам была придана постановлением обкома ЛКСМУ от 16.11.43 г. «Об участии комсомольских организаций в определении детей-сирот». После этого все райкомы комсомола взяли за правило передавать в детдома продовольственную помощь. В целом по Украине комсомольцы к 5.03.1944 г. собрали 323 т продуктов и передали их детдомам [15–16].

К решению проблем материального снабжения детдомов местные власти решили привлечь трудовые коллективы – была возобновлена довоенная практика шефства, которая предусматривала прикрепление колхозов к определенным детским домам.

Нередко инициатива оказания шефской помощи исходила от самих коллективов. Например, в марте 1945 г. бойцы одного из воин-

ских соединений направили продуктовые посылки на имя секретаря Сталинского обкома ВКП(б) с просьбой передать их в какой-нибудь детский дом и сообщить адрес этого сиротского заведения, «ибо комсомольцы и молодежь соединения желают взять шефство над этим детдомом». Решением секретаря обкома они стали шефами Петровского детдома общего типа [17–18].

Для того чтобы в будущем сироты могли рассчитывать не только на «милость» государственных поставок, подарки и шефскую помощь, решено было организовать при детских домах подсобные хозяйства. Предполагалось, что за счет их продукции воспитанники смогут частично покрывать потребности в овощах, фруктах, мясе и молоке. Поэтому решения о создании продовольственной базы при детских домах Ворошиловградский и Сталинский обкомы партии приняли уже в 1943 г.: «Исходя из условий и возможностей каждого детского дома организовать выведение кролей, откорм свиней создания птицеферм <...> Добиться выделения земельного надела за каждым детдомом (от 0,5 до 3 га)». К началу посевной кампании 1944 г. детские дома Донбасса уже располагали 986 га земли, содержали 51 корову, 29 лошадей, 155 голов птицы и т. д. [19–20]. В сравнении с ситуацией в целом по Украине это достаточно неплохие показатели.

Впоследствии процесс создания продовольственной базы детдомов региона продолжился. Подсобные хозяйства обещали стать дополнительным источником продовольствия для воспитанников детских домов, но не ранее чем через год. И действительно, в 1945 г. некоторые детдома региона получили неплохую добавку к продовольственной корзине, сумев не только полностью обеспечить свои потребности в отдельных видах овощей, но и продать часть выращенного своим работникам [21–22].

Однако решение об обязательном создании продовольственной базы при детдомах было выполнено далеко не всеми местными органами, поэтому к вопросу выделения земельных участков пришлось возвращаться еще неоднократно.

В годы войны большие проблемы возникли и в снабжении детдомов промышленными товарами. Во всех новооткрытых сиротских учреждениях ощущалась острая нехватка ме-

бели. Из-за отсутствия нужного количества кроватей все воспитанники спали по двое на одной кровати; из-за нехватки стульев в столовой питались в четыре смены. Всего по Сталинской области детдомам не хватало 2000 коек, 1325 столов для столовых, 2650 столов для рабочих комнат, 5300 стульев, 2650 тумбочек.

Похожей была ситуация и в Ворошиловградской области, где облисполком оценивал материально-бытовое состояние отдельных детских домов как крайне неудовлетворительное. На первых порах помощь детдомам оказали комсомольцы: они начали собирать мебель и посуду у населения. Кроме того, комсомольцы собственными силами ремонтировали и изготавливали мебель для сирот [23–25].

Постельные комплекты в сиротских учреждениях Донбасса в первые месяцы после оккупации были большой редкостью. В мае 1944 г. детским домам Сталинской области было нужно около 9 тысяч простыней, наволочек, пододеяльников и полотенец, 4440 матрасов и одеял. Из-за отсутствия постельных принадлежностей и белья из двенадцати специальных детских домов области только пять смогли принять детей к июню 1944 г., да и они были недоукомплектованы до полного контингента. Год спустя ситуация продолжала оставаться тяжелой, поскольку контингент воспитанников увеличивался быстрее, чем удавалось решать проблемы с поставками.

Не лучше обстояли дела с выдачей детям одежды и обуви. Фонды мягкого инвентаря, распределявшиеся централизованно, были мизерные. Например, в Ворошиловградской области в 1943 г. на всех воспитанников детдомов (более 2200 человек) было выделено всего 100 пар обуви и 600 штук осенних пальто [26–27]. В докладной записке заведующего Сталинского облоно, поданной в отдел школ обкома партии, констатировалось, что многие воспитанники совсем не имели сапог, пальто, валенок, зимних шапок, джемперов, поэтому они были лишены возможности посещать школу осенью и зимой. Руководство некоторых детских домов Сталинской области даже пошло на устройство временных школ или классов в своих помещениях, чтобы дети смогли продолжать обучение. Кроме того, на детскую одежду перешивали трофейное обмундирование [28–29].

Впоследствии стали регулярно проводить месячники сбора вещей для воспитанников детдомов. Одежду и обувь для детдомовцев закупали также на добровольные пожертвования трудовых коллективов и отдельных граждан. Так, кавалер ордена Отечественной войны майор Лопушный из своих собственных сбережений выделил для сирот Донбасса 10 тысяч рублей. На эти деньги он заказал в Кемеровской области 150 детских костюмов, 100 пар обуви и 100 пальто, которые подарил Сталинскому детскому дому № 1 [30–32]. В 1944 г. начались централизованные поставки промтоваров в детские дома, однако снять остроту проблемы до конца войны так и не удалось.

Окончание войны породило большие ожидания перемен к лучшему. Усилия местных органов и всенародная помощь, поступающая в детские дома региона, позволили к середине 1945 г. наладить нормальное и стабильное продовольственное снабжение сиротских учреждений. В январе 1946 г. были даже увеличены нормы обеспечения продуктами воспитанников детдомов. Отныне каждому детдомовцу в месяц полагалось 2 кг крупы или макарон, 15 кг картофеля и овощей, 750 г сахара. Суточное потребление хлеба составило 500 г. Чтобы исключить сбои в поставках, было принято решение выдавать детским учреждениям наряды на продовольственные товары за 10 дней до начала месяца, независимо от получения фондов в целом по области. Кроме того, в торговых предприятиях было предусмотрено создать специальные запасы картофеля и овощей для обеспечения детских учреждений до нового урожая [33].

Таким образом, за очень короткие сроки (два года!) стране удалось наладить удовлетворительное обеспечение детских домов продовольствием и товарами первой необходимости. Это стало результатом совместных усилий центральных и местных органов власти, промышленных предприятий, колхозов, общественных организаций и частных лиц. Причем нередко инициатива оказания помощи сиротским учреждениям шла «снизу»: с соответствующими предложениями выступали трудовые коллективы, комсомол. При этом практиковались как разовые акции, так и постоянное шефство над детскими домами. Немалую роль

в обеспечении воспитанников детдомов продовольствием сыграли также подсобные хозяйства, созданные при большинстве сиротских учреждений, в которых работали и воспитанники, и учителя, и хозяйственный персонал.

Ссылки

1. Голиш Г. М. У вирі війни. Становище неповнолітніх громадян України в 1941–1945 рр: [монографія]. Черкаси: Черкас. ЦНТІ, 2005. 323 с.
2. Кринко Е. Ф. Детство военных лет (1941–1945 гг.): проблемы и перспективы изучения // Вестник Адыгейского государственного университета: сетевое электронное научное издание. 2006. № 4. URL: http://www.vestnik.adygnet.ru/files/2006.4/363/krinko2006_4.pdf.
3. Ложкина И. А. Социальная защита детей-сирот в годы Великой Отечественной войны: на материале детских домов и интернатов Удмуртской АССР: дис. ... канд. ист. наук. Ижевск, 2010. 240 с.
4. Соловей М. О., Лихачова Л. Б. Дитячі будинки Донбасу у 1943–1965 роках. Донецьк: Ноулідж, 2010. 280 с.
5. Госархив Донецкой Народной Республики (далее – ГАДНР). Ф. 424. Оп. 3. Д. 58. Л. 22; Ф. 326. Оп. 2. Д. 445. Л. 46.
6. Центральный государственный архив высших органов власти и управления Украины (далее – ЦГАВО). Ф. Р-2. Оп. 7. Д. 1522. Л. 5.
7. Госархив Луганской Народной Республики (далее – ГАЛНР). Ф. Р-1067. Оп. 4. Д. 52. Л. 34.
8. ГАДНР. Ф. Р-2852. Оп. 2. Д. 676. Л. 2 (оборот).
9. Центральный государственный архив общественных объединений Украины (далее – ЦГАОО). Ф.1. Оп.23. Д.875. Л.16.
10. ГАЛНР. Ф. Р-1067. Оп. 4. Д. 445. Л. 10.
11. ГАДНР. Ф. 326. Оп. 2. Д. 445. Л. 90.
12. ГАДНР. Ф. 326. Оп. 2. Д. 91. Л. 11–12; Д. 445. Л. 48 (оборот); Оп. 4. Д. 513. Л. 19–20.
13. ЦГАВО. Ф. Р-2. Оп. 7. Д. 2774. Л. 2, 3, 5.
14. ГАЛНР. Ф. П-311. Оп. 1. Д. 72. Л. 56.
15. ЦГАВО. Ф. 1. Оп. 23. Д. 875. Л. 16.
16. ГАДНР. Ф. 326. Оп. 2. Д. 445. Л. 26, 46.
17. ГАЛНР. Ф. Р-1779. Оп. 2. Д. 49. Л. 68.
18. ГАДНР. Ф. 326. Оп. 2. Д. 445. Л. 75–76; Д. 1071. Л. 18.
19. ЦГАВО. Ф. 7. Оп. 3. Д. 1189. Л. 27; Ф. 2. Оп. 7. Д. 1547. Л. 42.
20. ГАЛНР. Ф. П-179. Оп. 3. Д. 136. Л. 18.
21. ГАДНР. Ф. Р-2852. Оп. 1. Д. 659. Л. 2 (оборот); Д. 968. Л. 53.
22. ГАЛНР. Ф. П-311. Оп. 1. Д. 72. Л. 72.
23. ГАДНР. Ф. 326. Оп. 4. Д. 513. Л. 14, 44, 60–61.
24. ГАЛНР. Ф. Р-1067. Оп. 4. Д. 445. Л. 9; Ф. 311. Оп. 1. Д. 119. Л. 38 (оборот).
25. ЦГАВО. Ф. 1. Оп. 23. Д. 875. Л. 15.
26. ГАДНР. Ф. 326. Оп. 2. Д. 445. Л. 81–82; Оп. 4. Д. 513. Л. 15.
27. ГАЛНР. Ф. Р-1067. Оп. 4. Д. 463. Л. 82.
28. ГАДНР. Ф. 326. Оп. 2. Д. 91. Л. 11 (оборот); Д. 445. Л. 47–48.
29. ЦГАВО. Ф. 7. Оп. 3. Д. 1189. Л. 28.
30. ЦГАВО. Ф. 7. Оп. 3. Д. 1189. Л. 8–9.
31. ГАЛНР. Ф. 311. Оп. 1. Д. 72. Л. 79.
32. ГАДНР. Ф. 326. Оп. 2. Д. 445. Л. 46 (оборот); Д. 1071. Л. 28; Оп. 4. Д. 513. Л. 19.
33. ГАЛНР. Ф. Р-1779. Оп. 2. Д. 112. Л. 28–29.

Mathematical modeling in Historical studies: problems, features and opportunities of method application

O. D. Dashkovskaya¹

¹P. G. Demidov Yaroslavl State University, 14 Sovetskaya str., Yaroslavl 150003, Russian Federation

Research article
Full text in Russian

The article analyses such a multidisciplinary research method as modeling of the historical processes and phenomena. Based on the available publications, the problems, typologization of models and their features are identified. The possibilities for the application of fractal geometry for modeling of the socio-political, demographic, and historical phenomena and processes were also considered. A characteristic of cliodynamics as a new discussion area in mathematical modeling is given. It is revealed that due to the development of computer technologies the application programs appeared that allow for three-dimensional modeling. It is concluded that the mathematical modeling is a perspective method that can be used not only for the analysis of socio-economic history, but also in historical and cultural studies.

Keywords: quantitative history; mathematical modeling; methods; synergetics; fractal; cliodynamics; reconstruction

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Dashkovskaya Olga D. | E-mail: dashod@mail.ru
Candidate of Sciences in History, Associate Professor

Математическое моделирование в исторических исследованиях: задачи, особенности и возможности применения метода

О. Д. Дашковская¹

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, ул. Советская, 14, Ярославль, 150003, Российская Федерация

УДК 930.24+ 303.09
Научная статья

В статье анализируется такой междисциплинарный метод исследования, как моделирование исторических процессов и явлений. На основе имеющихся публикаций выявлены задачи метода, типологизация моделей и их особенности. Также были рассмотрены возможности применения фрактальной геометрии для моделирования социально-политических, демографических и исторических явлений и процессов. Дается характеристика клиодинамики – нового дискуссионного направления в математическом моделировании. Выявлено, что благодаря развитию компьютерных технологий появились прикладные программы, позволяющие осуществлять трехмерное моделирование. Делается вывод, что математическое моделирование является перспективным методом, который может использоваться не только для анализа социально-экономической истории, но и в историко-культурных исследованиях.

Ключевые слова: квантитативная история; математическое моделирование; методы; синергетика; фрактал; клиодинамика; реконструкция

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Дашковская Ольга Дмитриевна | E-mail: dashod@mail.ru
Кандидат исторических наук, доцент

В настоящее время развитие исторической науки характеризуется активной математизацией и информатизацией. Расширение источниковой базы, выявление целого ряда статистических источников потребовали их обработки с помощью количественных методов, что способствовало появлению различных междисциплинарных направлений.

В 1960-х гг. начало складываться научное направление, связанное с применением математических методов в истории. Оно имело несколько различных названий: квантитативная история (от quantitative – количественный),

клиометрика (или клиометрия). Термин «клиометрика» впервые появился в печати в декабре 1960 г. на страницах журнала «Journal of Economic History» и первоначально означал одно из основных направлений исследований по экономической истории, основанное на применении математико-статистических методов и моделей. Иными словами, это «историческая экономика», «экономика истории». В отечественной науке вместо термина клиометрия использовалось понятие «количественная история». Пионером в данной области стал исследователь экономической истории Рос-

© Дашковская О. Д., 2020

Статья открытого доступа под лицензией CC BY-NC-ND (<http://creativecommons.org/licenses/by-nc-nd/3.0/>)

сии XIX – начала XX столетий И. Д. Ковальченко. Под его редакцией было создано первое учебное пособие для студентов, в котором раскрывались методические основы использования количественных методов в исторических исследованиях [1].

Активное развитие информационных технологий привело к тому, что на основе квантитативной истории было создано еще одно междисциплинарное направление – историческая информатика. В России методическим центром подобных исследований является кафедра исторической информатики МГУ им. М. В. Ломоносова (заведующий Л. И. Бородкин), созданная на основе преобразования одноименной межкафедральной лаборатории.

Одной из сфер научных интересов названных междисциплинарных направлений является математическое моделирование исторических явлений и процессов, которое способствует их более глубокому пониманию, раскрытию качественной сущности.

На протяжении своей жизни человек постоянно сталкивается с моделированием: в школьные годы он использует различные макеты (например, глобус), в студенчестве проводит лабораторные эксперименты. Моделирование стало не только удобным, но и в некоторых случаях необходимым научным приемом. Среди основных причин применения моделирования можно выделить следующие: сложность или дороговизну реального исследования (например, в биологии, в экологии); недопустимость экспериментов по причинам рисков или длительного времени ожидания результатов (например, аварийные ситуации при полетах, астрофизические явления).

В естественных и технических науках использование данного метода не вызывает сомнений. В социологии, политологии и экономике моделирование применяется для прогнозирования разных вариантов социальной политики, экономических реформ.

Вопросы моделирования исторических объектов, явлений и процессов являются достаточно дискуссионными. Исторический

процесс объективен и закономерен, ход истории изменить нельзя, эксперимент в данной области не возможен. Однако уже около 60 лет зарубежные и отечественные историки используют моделирование исторических процессов как один из прогрессивных методов исследования.

Моделирование – метод построения моделей объектов, процессов или явлений с целью их подробного исследования. Под моделью (от лат. *modulus* – образец) имеется в виду объект, схожий с оригиналом, являющийся упрощением последнего и используемый в целях познания. Вполне очевидно, что при изучении массовых процессов с участием множества людей историка будут интересовать не особенности каждого человека, а наиболее существенные, значимые различия. Математическое моделирование в истории решает различные задачи.

По мнению, И. Д. Ковальченко первой и главной задачей моделирования представляется «построение таких моделей, которые позволяют выявить коренную суть изучаемых явлений и процессов в целом, т. е. рассмотреть их как определенные системы» [2, с. 361]. Воссоздаются отсутствующие данные об объекте или процессе в какой-то промежуток времени.

Второй задачей моделирования является прогнозирование дальнейшего хода развития общественных систем. Так, в 1985 году во Всесоюзном научно-исследовательском институте системных исследований АН СССР был подготовлен к печати доклад «На пороге третьего тысячелетия (Глобальные проблемы и долгосрочное развитие СССР)», где были представлены результаты системного компьютерного моделирования мирового развития с 1980-х гг. до начала XXI века. Результаты исследования оказались неожиданными: период «1990–2000» становился кризисным для СССР, что неизбежно усиливало центробежные тенденции среди стран социалистического лагеря [3, с. 16]. Разработчики предложили варианты выхода из данной ситуации, но доклад так и не был опубликован, началась «перестройка», а потом и распад СССР.

Кроме того, математическое моделирование позволяет проводить изучение альтернатив исторического развития, что подробнее будет охарактеризовано далее.

По способу представления модели могут быть предметными и знаковыми. Предметные модели воссоздают физические характеристики объекта-оригинала. Примером служит метод антропологической реконструкции облика на краниологической основе, то есть восстановление лица человека по внешним данным черепа, по его рельефу и структуре. Этой методикой, разработанной советским антропологом Михаилом Герасимовым, до сих пор пользуются ученые различных стран.

М. Герасимову удалось создать более 200 скульптурных портретов-реконструкций различных исторических личностей, в том числе Ярослава Мудрого, Андрея Боголюбского и Ивана Грозного.

Предметными моделями являются копии орудий труда древних людей, макеты их жилищ и кораблей. В 1947 году норвежский исследователь Тур Хейердал, чтобы доказать гипотезу о возможности переселения южноамериканских индейцев на острова Полинезии, совершил плавание на гигантском плоту «Кон-Тики». «Кон-Тики» был изготовлен на основании старинных испанских описаний плотов инков из бальсовых бревен – очень легкой древесины, которая и могла стать основой для индейских плотов.

Знаковые модели являются абстрактными и воспроизводят объект-оригинал в виде формул, таблиц, графических схем, сценариев альтернативных событий, в том числе в форме исторического повествования. Последнее представляет собой описательную модель. Например, придуманный литературный герой из художественного произведения реалистичного жанра, которое было создано в изучаемую эпоху, может стать для исследователя образцом описания мотивов поведения типичного представителя какой-либо социальной общности в определённой исторической обстановке [4, с. 117], что допустимо, так как часто литературные герои представ-

ляют собирательный образ, имеющий реальных прототипов.

Существуют различные подходы к классификации исторических моделей. Но так или иначе во всех типологиях присутствуют наиболее популярные у историков имитационные модели. В имитационных моделях осуществляется воспроизведение самого изучаемого процесса в смысле его функционирования во времени, причем моделируются элементарные явления, которые составляют процесс, сохраняется их последовательность протекания во времени и логическая структура [5, с. 28].

Первая сфера применения имитационного моделирования – реконструкция исторической действительности. Образцом является исследование, проведенное группой математиков и историков под руководством академика Н. Н. Моисеева. В качестве объекта моделирования было выбрано греческое рабовладельческое общество периода Пелопоннесской войны (431–404 гг. до н. э.). С помощью компьютерного моделирования было показано неравномерное влияние войны на экономическое положение древнегреческих полисов. В ходе работы были уточнены размеры участков земли у представителей различных слоев населения, цены на некоторые товары, численность войска, военные расходы, состояние государственной казны [6].

Вторая область использования имитационного моделирования – построение контрфактических моделей. С этим направлением связано появление такого направления, как альтернативная история. Наиболее известным примером профессионального применения данного метода является работа американского учёного Роберта Фогеля «Железные дороги и экономический рост» (1964 г.), ставшего лауреатом Нобелевской премии по экономике [7]. Автор моделирует развитие Америки XIX века при отсутствии железных дорог. Он пытается оспорить утверждение, что главным стимулом развития всех остальных отраслей хозяйства и вообще развития

капитализма было строительство железных дорог.

Образцом альтернативного моделирования, осуществленного отечественными историками, стали исследования Л. И. Бородкина по изучению вариантов путей аграрного развития СССР в конце 1920-х – начале 1930-х годов. Работы были начаты историком еще в конце 1980-х гг. и получили законченное оформление в монографии «Моделирование исторических процессов: от реконструкции реальности к анализу альтернатив» (2016 г.). Целью Л. И. Бородкина было получение «ретропрогноза» о том, как развивалась бы социальная дифференциация в советской деревне, если бы политика нэпа не была прервана коллективизацией. Расчеты показали, что опасения большевиков по поводу неизбежного развития в деревне «мелкобуржуазного капитализма» были сильно преувеличены. При «долгом нэпе» доля богатых крестьян росла бы незначительно, зато бедных хозяйств стало бы меньше за счет роста середняков. При таком сценарии за 1924–1940 гг. посевы выросли бы на 70 %, а поголовье скота – на 50 %. Как показывает имитационная модель, продолжение политики нэпа «не привело бы ни к взрывному росту аграрной экономики, как утверждают одни, ни к хозяйственному хаосу и социальным катаклизмам в деревне, как считают другие» [5, с. 97–98]. Получается, что «Великий перелом» прервал начавшийся еще в годы Гражданской войны процесс массового осереднячивания деревни.

В последние годы историков привлекают концепции синергетики – учения о самоорганизации, об универсальной закономерности эволюции сложных систем. Синергетика исходит из того, что процессы не всегда развиваются линейно, системы могут непредсказуемо вести себя в периоды их неустойчивого развития, а малые случайные флуктуации могут оказать сильные воздействия на траекторию процесса.

Синергетика основывается на том, что в самых различных предметах и явлениях окружающей действительности встречается самоподобие. Например, самоподобие мож-

но рассмотреть в снежинках, в строении гор, облаков, при развитии экономических систем. Указанные объекты и другие, подобные им по своей структуре, называются фрактальными. Под словом «фрактал» чаще всего принято подразумевать особый тип геометрической фигуры. Это графическое изображение структуры, которая в более крупном масштабе подобна сама себе, то есть даже малая часть фрактала содержит информацию о фрактале в целом. Обладание свойствами самоподобия означает, что отдельные фрагменты структуры предметов, явлений и процессов строго повторяются через определенные пространственные промежутки.

С помощью фрактальной геометрии ученые создают математические модели социально-политических, демографических и исторических явлений и процессов. В 2009 году на базе Тамбовского государственного университета имени Г. Р. Державина был образован «Центр фрактального моделирования социальных и политических процессов», который и стал методической базой для существовавших разрозненных проектов [8]. Так, сотрудниками центра была разработана модель, которая описывает процессы модернизации городской социальной среды и сознания горожан в пореформенной России («Менталофрактал»). Историки и программисты осуществили компьютерное моделирование демографического поведения аграрного населения Центральной России второй половины XIX – начала XX вв. (программа «Демофрактал»). Для исследования эволюции крупных гетерогенных государственных образований, а именно для построения сценариев разделения полномочий между властными органами центра и периферии, была создана компьютерная разработка «Империя». Наиболее масштабным проектом центра стала программа «Модернофрактал 5.1», предназначенная для проведения компьютерных экспериментов с математической моделью, которая описывает переход социально-политических систем из одного состояния в другое.

Главная ценность фракталов как инструментов исследования заключается в том,

что фрактальные модели способны обнаруживать и моделировать нелинейные эффекты, возникающие в социальных системах. По мнению сотрудников «Центра фрактального моделирования социальных и политических процессов», «построение фрактальных моделей и компьютерные эксперименты с ними не предоставляет в распоряжение историка собственно эмпирических фактов, однако претендуют на роль продуктивного источника гипотетических утверждений, которые можно и проверять, и развивать, и уточнять, и использовать в дальнейших изысканиях» [9, с. 82].

Еще одним новым направлением в моделировании исторических процессов стала клиодинамика, которая не получила общего признания и является дискуссионной. Термин предложен американским ученым советского происхождения П. В. Турчиным [10]. Его единомышленниками и соавторами являются российские историки А. В. Коротаев и С. А. Нефёдов. Сторонники применения данного метода используют математические модели для изучения динамических процессов в истории: сокращения или увеличения численности населения, роста или упадка экономики, укрепления или развала государств. Для этого исследователи анализируют четыре основных переменных: численность населения, социальную структуру, государственную мощь и политическую нестабильность.

Для количественной оценки каждой переменной существуют различные способы. Например, одним из факторов оценки социальной структуры является здоровье населения, а его, в свою очередь, можно измерить при помощи различных показателей (средняя продолжительность жизни).

Опираясь на доступные источники и исследовательскую литературу, сторонники применения метода клиодинамики накладывают полученные статистические данные на временную ось и ищут возможные совпадения и созависимости изучаемых показателей. Так, социополитическая нестабильность сказывается на демографии (приводит к росту смертности, эмиграции), а также под-

рывает продуктивную инфраструктуру общества. При этом падает численность населения, элиты гибнут в гражданских войнах или скатываются вниз по социальной лестнице. В какой-то момент общество находит новое равновесие, и цикл повторяется сначала. Так получаются «вековые циклы» в численности населения и социополитической нестабильности [11, с. 178]. С точки зрения математики эти циклы не имеют точной периодичности, так как возникают из-за внутренних причин и могут быть нарушены внешними силами. На основании «вековых циклов» строятся и прогнозы в клиодинамике. Так, по мнению П. В. Турчина, в 2020 году США ожидает волна беспорядков, схожая по масштабам с 1970 г.

Итак, клиодинамика основана на циклических концепциях развития. Подобные «волновые» теории выдвигались и ранее (Л. Фробениусом, П. Сорокиным, Н. Д. Кондратьевым). В работах П. В. Турчина и его сторонников они получили математическое обоснование.

Наконец, важнейшей тенденцией развития математического моделирования стало совершенствование программного обеспечения. Первые пакеты компьютерных программ для моделирования социальных явлений и процессов появились в середине 1980-х гг., хотя и ранее обработка данных происходила на электронно-вычислительных машинах. В конце 1990-х – начале 2000 гг. историки использовали такие специализированные программы, как «PowerSim» и «Vensim». Существующие в настоящее время компьютерные приложения настолько совершенны, что позволяют осуществлять трехмерное (3D) компьютерное моделирование. Чтобы сделать моделирование рельефа местности и точные строительные конструкции, зарубежные и отечественные исследователи используют САД-системы (системы автоматизированного проектирования) – такие трёхмерные редакторы, как «ArhiCAD», «AutoCAD», «Autodesk 3ds Max». Виртуальные модели позволяют проверить прочность конструкций архитектурных сооружений, выяснить предназначение отдельных элементов зданий. Так, создание виртуальной модели Колизея позволило

идентифицировать назначение отдельных деталей стены как креплений, поддерживающих тент.

Компьютерное моделирование широко используются виртуальной палеоантропологией. Например, Британский музей в 2004 г. осуществил проект по созданию трехмерной модели древнеегипетской мумии священника Неспереннуба, который был захоронен в Фивах примерно 2800 лет назад. Благодаря этому стало возможным проводить многоаспектный компьютерный анализ частей мумии, слоев ткани, различных сопутствующих предметов (например, фрагментов стекла, амулетов) без повреждений исследуемого объекта [12, с. 54].

Российские историки применяли технологии интерактивного трехмерного моделирования для воссоздания утраченных памятников истории и архитектуры: Тамбовской крепости, историко-культурного наследия Енисейска, памятников античного Боспора [13]. Большую методическую роль в исторической реконструкции сыграла кафедра исторической информатики МГУ им. М. В. Ломоносова и Л. И. Бородин, популяризовавший данное направление.

Технологии 3D-моделирования в археологических исследованиях в России получили распространение благодаря деятельности группы археолого-географических информационных систем (АГИС) при отделе охранных раскопок, возглавляемой Д. С. Коробовым. Так, в результате анализа системы расселения алан в эпоху раннего Средневековья в Кисловодской котловине были изучены 590 археологических объектов, разработана база данных АГИС и построен ряд трёхмерных моделей рельефа и ряда строений. Разработки Д. С. Коробова в области 3D-моделирования стали одной из тем раздела учебного пособия «Основы геоинформатики в археологии» [14].

Рассмотрим алгоритм действий ученых по реконструкции исторических объектов средствами трёхмерного компьютерного моделирования на примере создания модели городища Эмдер (Ханты-Мансийский

округ). Эта крепость из лиственницы существовала с конца XI–XII вв. по вторую половину XV–XVI вв. Разработчики выделили ряд этапов проектирования трехмерной модели городища Эмдер [15, с. 16–17].

Сбор и обработка информации, необходимой для создания первоначальных чертежей и моделирования 3D-объектов.

Создание в конструкторской программе «ArchiCAD 2D» чертежей отдельных элементов городка, схемы размещения построек, рвов и башен крепости.

Построение трехмерной модели объекта и прилегающих территорий. Для этого применялась профессиональная программная система для создания и редактирования трёхмерной графики и анимации «Autodesk 3ds Max».

Выбор материалов и текстурирование (создание эффекта рельефной поверхности) смоделированных 3D-объектов.

Освещение и визуализация ландшафта и 3D-объектов. Визуализация также выполнялась в программе «Autodesk 3ds Max».

В результате были получены не только фотореалистичные изображения, но и панорамный видеоролик городища Эмдер.

Созданные трехмерные реконструкции архитектурных комплексов могут использоваться как полноценный исторический источник с высоким уровнем достоверности. Также применение компьютерного 3D-моделирование виртуальной реальности содействует популяризации историко-культурного наследия.

Таким образом, математическое моделирование явлений и процессов является одним из самых перспективных методов, используемых историками. Сейчас моделирование применяется не только для анализа социально-экономической истории, но и в историко-культурных исследованиях. Безусловно, любая модель всегда будет беднее оригинала, а многие исследовательские подходы расходятся с имеющимся у историка методическим инструментарием. В то же время решение спорных теоретико-методологических вопросов, более тесное сотрудничество историков

с математиками и программистами приведет к более широкому использованию такого ин- новационного инструмента познания исторической действительности, как моделирование.

Ссылки

1. Количественные методы в исторических исследованиях: учебное пособие / под ред. И. Д. Ковальченко. М.: Высшая школа, 1984. 384 с.
2. Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования. М.: Наука, 1987. 438 с.
3. Геловани В. А., Бритков В. Б., Дубовский С. В. Глобальное моделирование процессов развития СССР/России: 1985–2010 гг. (Прогноз, который мог изменить ход истории) // Математическое моделирование исторических процессов: тезисы докладов II Международной конференции. М.: Ин-т прикладной математики им. М. В. Келдыша, 2007. 72 с.
4. Бочаров А. В. Основные научные методы в историческом исследовании: учебное пособие. Томск: Томский гос. ун-т, 2006. 188 с.
5. Бородкин Л. И. Моделирование исторических процессов: от реконструкции реальности к анализу альтернатив. СПб.: Алетейя, 2016. 303 с.
6. Опыт имитационного моделирования историко-социального процесса / А. С. Гусейнова, В. И. Кузицин, Ю. Н. Павловский, В. А. Устинов // Вопросы истории. 1976. № 11. С. 91–108.
7. Fogel R. W. Railroads and American Economic Growth: Essays in Econometric History. Baltimore: Johns Hopkins Press, 1964. 296 p.
8. Жуков Д. С., Канищев В. В., Лямин С. К. Фрактальное моделирование историко-демографических процессов. М.; Тамбов: Изд-во ТГУ, 2011. 194 с.
9. Жуков Д. С., Канищев В. В., Лямин С. К. Исторические приложения фрактального моделирования // Историческая информатика, информационные технологии и математические методы в исторических исследованиях и образовании. 2013. № 1(3). С. 71–82.
10. Турчин П. В. Историческая динамика. На пути к теоретической истории. М., 2007. 365 с.
11. Турчин П. В. Клиодинамика: новая теоретическая и математическая история // Метод. 2011. № 2. С. 173–186.
12. Бородкин Л. И., Жеребятьев Д. И. Технологии 3D-моделирования в исторических исследованиях от визуализации к аналитике // Историческая информатика. 2012. № 2. С. 49–63.
13. Виртуальная реконструкция историко-культурного наследия в форматах научного исследования и образовательного процесса: сб. науч. ст. Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2012. 196 с.
14. Коробов Д. С. Основы геоинформатики в археологии: учебное пособие. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2011. 220 с.
15. Бублова Н. П., Епанян В. Методика трёхмерного компьютерного моделирования при реконструкции исторических объектов // Регионы. Города. Ракурсы и параллели. Теоретические доклады IV Всероссийской творческой лаборатории. Омск, 2016. С. 14–19.

Positive and negative aspects introduction of digital technologies in law

V. N. Kartashov¹

¹P. G. Demidov Yaroslavl State University, 14 Sovetskaya str., Yaroslavl 150003, Russian Federation

Research article
Full text in Russian

The article deals with certain problems of the state and law that are positively or negatively affected by modern digital technologies. Intensive digitalization affects legal science and practice, all forms of the educational process, which requires changes in the tactics and strategy of theoretical research, scientifically-based recommendations to practicing lawyers, and modernization of work programs in each discipline.

Keywords: state sovereignty; state bodies; digitalization; law; digital law; legal system; information; Internet; virtual space; digital technologies

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Kartashov Vladimir N. | E-mail: kartazov@uniar.ac.ru
Doctor of Legal Sciences, Professor

Позитивные и негативные аспекты внедрения цифровых технологий в юриспруденцию

В. Н. Карташов¹

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, ул. Советская, 14, Ярославль, 150003, Российская Федерация

УДК 347.77

Научная статья

В статье рассматриваются отдельные проблемы государства и права, на которые позитивно либо негативно воздействуют современные цифровые технологии. Интенсивная цифровизация влияет на юридическую науку и практику, все формы образовательного процесса, что требует изменений в тактике и стратегии теоретических исследований, научно-обоснованных рекомендаций практикующим юристам, модернизации рабочих программ по каждой дисциплине.

Ключевые слова: суверенитет государства; органы государства; цифровизация; право; цифровое право; правовая система; информация; Интернет; виртуальное пространство; цифровые технологии

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Карташов Владимир Николаевич | E-mail: kartazov@uniar.ac.ru
Доктор юридических наук, профессор

Цифровизация затронула сущность государства, его формы, государственный аппарат, внутренние и внешние функции. Классическое определение государства заключается в следующем. Это *суверенная политико-территориальная организация особой публичной власти, внешне выраженная в специальном аппарате управления и принуждения.*

В связи с цифровизацией государства и отдельных его организаций и учреждений возникли определённые позитивные и негативные результаты, на которые необходимо обратить внимание юристов (учёных и практиков), студентов. Так, к числу положительных результатов следует указать на создание и развитие государственных электронных сервисов «Правосудие – для судов общей юрисдикции, «Мой Арбитр» – для арбитражных судов, системы избирательных технологий (электронные бюллетени, «Мобильный избиратель», ГАС «Выборы» и др.).

Указанные сервисы, интегрированные с порталом «Госуслуги», повысили оперативность использования электронных документов и материалов (заявлений, ходатайств, жалоб, сроков рассмотрения дел и пр.) в конкретной юридической практике.

Однако при изучении государства в условиях информационной среды и формирования с помо-

щью Интернета и других цифровых технологий виртуального пространства («киберпространства») государственный суверенитет (верховенство государственной власти внутри страны и её независимость на международной арене) становится существенно ограниченным, весьма аморфным свойством государства. По мнению А. В. Туликова, «киберпространство» не ограничено территорией только одного государства, оно существует наряду с «территорией земли, водным и воздушным пространством, определяющими суверенные границы государства» [1, с. 241]. Нейтральность и экстерриториальность Интернета в публичном праве «представляют настоящую «угрозу» государственному суверенитету, а социальные сети – патерналистически-вертикальной организации государства. Повсеместное распространение fake new – результат того, что новые технологии (Twitter, Facebook) «убрали» редактора и цензора как посредника между тем, кто говорит, и публикой – создаёт угрозу демократии...» [2, с. 16].

В ходе цифровизации изменяются сущность права, его источники и формы. Если традиционно к формально-юридическим источникам права относились нормативные правовые акты, нормативно-правовые договоры и пр., то для современных студентов, преподавателей и практикующих юристов источником права являются

информационно-справочные системы «Гарант», «Кодекс», «КонсультантПлюс» и другие. Многие формально-юридические источники размещаются в Интернете. Несмотря на то что эти комплексы не относятся к официальным формам опубликования права, мне думается, что это дело ближайшего будущего. Да и право не всегда верно определяется через его тесную связь с государством и принудительную силу государства [2, с. 15; 3, с. 115].

В цифровой среде и виртуальном пространстве многие учёные-юристы «забыли», что право формируется не только компетентными государственными учреждениями, но и органами местного самоуправления, общественными организациями и объединениями, корпорациями и различными фирмами. В связи с этим право обеспечивается как государственным принуждением, так и мерами, характерными для негосударственных субъектов правотворческой практики. На это ещё в начале XX века обращал внимание Е. Эрлих [4, с. 28–48, 61–62].

Возникает весьма существенная проблема, которая связана с механизмом регулирования виртуальных отношений на национальном и международном уровнях. Расширяются сферы регулирования этих отношений и связей за счёт изменения в понимании природы права, когда в его юридическое содержание включаются не только государственные и негосударственные нормы права и иные нормативно-правовые предписания компетентных правотворческих органов, но и так называемое «мягкое право» (например, Принципы УНИДРУА, модельные и типовые «законы» и «кодексы», которые применяются в силу «разумности», «полезности» и «целесообразности»). К этим регуляторам добавляются технические стандарты, ГОСТы, экономические, политические, этические и другие социальные нормы и регламенты [5; 6].

Отдельные авторы пишут об «электронном праве», «цифровом праве», «кибернетическом праве», «интернет-праве». Тем самым сужается объект исследования цифровых технологий, поскольку по существу здесь речь идёт о правовой системе, которая состоит из следующих составных компонентов:

а) *объективного права*, взятого в единстве содержания и форм его выражения;

б) *юридической практики*, осуществляемой в рамках правовых отношений;

в) *правосознания* (совокупности юридических идей, взглядов, представлений), которое находит выражение в праве, юридических практиках, правоотношениях и правовых культурах [7, с. 37–43].

В связи с этим возникают существенные теоретические, дидактические и практические погрешности. Поэтому цифровизация должна охватывать не только право (нормы и принципы права, легальные дефиниции и пр. нормативно-правовые предписания, «собранные» в отдельные институты и отрасли), но и различные юридические практики (правотворческую, правоприменительную), типы правовых культур (индивидуальную и профессиональную) и разновидности правосознания (психологию и идеологию).

В отечественной и зарубежной литературе неоднозначно рассматриваются место и роль «цифровых субъектов» права (правоотношений) [2; 3; 5; 8]. Моя позиция по данному вопросу такова. Нужно различать три типа «электронных субъектов» - роботов [6], а именно:

- *роботы*, включающие систему управления и интерфейсы систем управления (например, обмен с помощью голоса, зрения и т. п.); они условно подразделяются на промышленные и обслуживающие роботы в соответствии с их предназначением;

- *разумные роботы*, т. е. роботы с элементами искусственного интеллекта¹, выполняющие работу путём считывания данных из окружающей среды, взаимодействия с внешними источниками и адаптацией своего поведения (например, промышленные роботы, имеющие датчик изображения, чтобы захватить и положить объект на место, или мобильный робот с устройством предотвращения столкновения);

- *роботы-суперинтеллекты* (далее – РСИ) – это роботы, способные самостоятельно выполнять творческие функции без участия интеллекта человека, уметь делать выводы с учётом предыдущего опыта и принимать решения полностью в автономном режиме.

Только РСИ может иметь статус коллективного субъекта права. Именно эти роботы, наряду с их инвесторами, исследователями, разработчиками, производителями, собственниками, владельцами, пользователями и третьими лицами, несут солидарную юридическую ответственность в случае правонарушений или превышения пределов разумной рискованной деятельности.

¹ Искусственный интеллект многие отечественные и зарубежные авторы рассматривают в качестве самостоятельной разновидности робота. На мой взгляд, искусственный интеллект – это интеллектуальные способности (свойства, характеристики) отдельных типов роботов. У одних эти «способности» могут быть очень высокими, у других – весьма низкими (о разных точках зрения по поводу понятия «искусственный интеллект» см. [9, с. 82–87])

В рамках российского гражданского законодательства (ст. 128 ГК РФ), по мнению А. А. Головиной, роботы можно рассматривать в качестве объектов права (правоотношений), как «вещи», в отношении которых могут совершаться различные сделки, а именно: дарение, купля-продажа, мена, наследование. Причём многие виды роботов автор причисляет к «источникам повышенной опасности» [8, с. 22–28].

В соответствии же с п. 1 ст. 1079 ГК РФ «юридические лица и граждане, деятельность которых связана с повышенной опасностью для окружающих (использование транспортных средств, механизмов, электрической энергии высокого напряжения, атомной энергии, взрывчатых веществ, сильнодействующих ядов и т. п.; осуществление строительной и иной связанной с нею деятельности и др.), обязаны возместить вред, причинённый источником повышенной опасности, если не докажут, что вред возник вследствие непреодолимой силы или умысла потерпевшего. Владелец источника повышенной опасности может быть освобождён судом от ответственности полностью или частично также по основаниям, предусмотренным пунктами 2 и 3 статьи 1083 настоящего Кодекса».

Здесь возникают определённые противоречия с п. 3 ст. 14 Закона Российской Федерации от 07.02.1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей», где записано, что «вред, причинённый вследствие недостатков товара, подлежит возмещению продавцом или изготовителем товара по выбору потерпевшего» [10]. Разрешать подобные коллизии, по мнению А. А. Головиной, дол-

жен суд. А как же быть, если «источником повышенной опасности» выступает РСИ? В данном случае возникает новая конструкция (модель) правоотношения, когда его объект одновременно является субъектом. Я бы не стал с кондачка решать этот сложнейший вопрос до конца, но в качестве гипотезы предложил уже упомянутый вывод: РСИ несёт солидарную ответственность вместе с инвесторами, разработчиками и пр. заинтересованными лицами.

В заключение хотелось бы обратить внимание на один существенный вопрос. Исследователи цифровизации, мне кажется, «подзабыли», что этот процесс затронул и всех частных лиц (население), которые должны грамотно осуществлять сбор и представлять цифровые документы, в том числе электронные доказательства в суде и других органах, пользоваться сведениями в «Электронных трудовых книжках», электронными сервисами Пенсионного фонда, официальными сайтами налоговых и других государственных учреждений и органов местного самоуправления. И во всех случаях очень важно, чтобы поступающая и получаемая информация соответствовала следующим требованиям: отражала реальную (материальную и духовную) действительность; обладала полнотой, точностью, достоверностью и доступностью для адресатов; четкостью и определённой фактической и юридической «данности». Поэтому достижение истины в любом юридическом деле является универсальной закономерностью праведности и справедливости его разрешения.

Ссылки

1. Туликов А. В. Зарубежная правовая мысль в условиях развития цифровых технологий // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2016. № 3. С. 235–243.
2. Талапина Э. В. Право и цифровизация: новые вызовы и перспективы // Журнал российского права. 2018. № 2. С. 5–17.
3. Солдаткина О. Л. Особенности цифровой среды и субъекты // Государство и право. 2019. № 12. С. 113–123.
4. Ehrlich E. Grundlegung der Soziologie des Rechts. Munchen; Leipzig. 1913. 228 p.
5. Хабриева Т. Я. Право перед вызовами цифровой реальности // Журнал российского права. 2019. № 9. С. 5–16.
6. Карташов В. Н., Глазыриина М. А., Климова А. С. Основы этического и правового регулирования искусственного интеллекта и разумного робота // Вестник Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. Серия Гуманитарные науки. 2019. № 1 (47). С. 37–41.
7. Карташов В. Н. Теория правовой системы общества: учебник для бакалавриата и магистратуры. М., 2018. 360 с.
8. Юридическая концепция роботизации: монография / отв. ред. Ю. А. Тихомиров, С. Б. Нанба. М., 2019. 240 с.
9. Лаптев В. А. Понятие искусственного интеллекта и юридическая ответственность за его работу // Право. Журнал высшей школы экономики. 2019. № 2. С. 79–102.
10. Российская газета. 1996. 16 янв., № 8.

Marriage as a general legal construct: are changes coming?

N. N. Tarusina¹

¹P. G. Demidov Yaroslavl State University, 14 Sovetskaya str., Yaroslavl 150003, Russian Federation

Research article
Full text in Russian

The article considers on related to the optimization of the institution of Russian marriage: the interaction of the principles of equality and justice, the preservation of traditional family values and taking into account modern social challenges; fixation in family law of significant signs of the marital union, its definition; fixation the essential features of the family as the basis of marriage; protecting the interests of the weak side of an unregistered marriage; gender neutralization of a number of marriage laws.

Keywords: marriage; family; definition; traditional values; equality; de facto union

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Tarusina Nadezhda N. | E-mail: nant@univ.uniyar.ac.ru
Candidate of Legal Sciences, Professor

Брак как общеправовая конструкция: грядут ли перемены?

Н. Н. Тарусина¹

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, ул. Советская, 14, Ярославль, 150003, Российская Федерация

УДК 34.03

Научная статья

В статье рассматриваются вопросы, связанные с оптимизацией института российского брака: взаимодействие принципов равенства и справедливости, сохранение традиционных семейных ценностей и учета современных общественных вызовов; фиксация в семейном законодательстве значимых признаков супружеского союза, его дефиниция; закрепление существенных признаков семьи как основа брака; охрана интересов слабой стороны незарегистрированного супружества; гендерная нейтрализация; ряд брачно-правовых норм.

Ключевые слова: брак; семья; дефиниция; традиционные ценности; равенство; фактическое супружество

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Тарусина Надежда Николаевна | E-mail: nant@univ.uniyar.ac.ru
| Кандидат юридических наук, профессор

Брак – таинство, договор, учреждение особого рода, ключевая основа семьи, институт, юридический факт, правовая конструкция. В каждом из указанных его воплощений находятся неисследованные области сущего, концентрируются юридические, религиозные, демографические и другие акценты брачного бытия и брачной формы.

В последнее десятилетие брачно-правовая проблематика имеет явную тенденцию к обострению: обсуждается явление брака в контексте традиционных семейных ценностей, актуализируется потребность в дефинировании брака, а также в уточнении содержания ряда его существенных признаков, ставится вопрос о дальнейшей гендерной нейтрализации супружества, выстраива-

ются перспективы конструкции совместной собственности, усиливается внимание к медиативной составляющей бракоразводного процесса.

Вполне очевидно, что конструкция брака – не частное явление и не только проблема науки семейного права и отрасли семейного законодательства: она относится к значимым понятиям юриспруденции в целом; ее связь с конструкцией и явлением семьи, одной из основ которой супружество является, ее роль для цивилистических институтов собственности и наследования, для института уголовно-процессуального доказывания, для содержательного наполнения конструкций трудовой сферы («лица с семейными обязанностями», «ограничения по служ-

бе»), для налогового и антикоррупционного законодательства, для госслужбы и т. д. и т.п. – все свидетельствует об общеправовом статусе рассматриваемой конструкции.

В последнее время актуализировались также ее этические и религиозные контексты – в связи с обсуждением проблемы фактических браков, суррогатного материнства для супругов, значения религиозного обряда заключения брака, допущения полигамии и однополого супружества. Последний аспект приобрел и политическое звучание: постепенный нажим международных (европейских) структур, включая Европейский суд по правам человека, вызывает у большинства российских законодателей явную потребность жесткого и прямого контрответа¹. В рамках обсуждения поправок в Конституцию РФ подобная потребность также себя проявила. В частности, сформулированы предложения о закреплении традиционного представления о брачном союзе в преамбуле или в одной из глав Основного закона.

Данное обстоятельство, возможно, явится наконец предпосылкой для законодательного дефинирования брака в Семейном кодексе РФ, на необходимость которого мы неоднократно указывали. Как известно, упрямое и необъяснимое противодействие этому десятилетиями наблюдалось и продолжает пока наблюдаться в цивилистической доктрине. В итоге на практике мы столкнулись с проблемами оспаривания ключевых, традиционных признаков супружества и прежде всего условия о его гетеросексуальности – судебного оспаривания в Конституционном Суде РФ, фактического оспаривания с помощью заключения браков на территории госу-

дарств с законодательством, допускающим однополые союзы, а также путем смены пола в браке, доктринального оспаривания со стороны либерально настроенных представителей юридического научного сообщества и общественно-политического – со стороны соответствующих лоббирующих групп [1].

Квалификация данного подхода как необъяснимого обусловлена также и тем, что в законодательстве ряда государств ближнего зарубежья нормативно-правовые определения брака даются и они весьма сходны с теми, что предлагаются в российской цивилистике [2]. Среди существенных его характеристик – основанность супружества на соглашении (договоре), юридическая оформленность, разнополость, семейная общность.

Последняя характеристика представляет собою не меньшую «загадку» для российского закона, чем брак, ибо конструкция семьи также не дефинирована. Суждения о ее юридических качествах весьма разнородны – от констатации общеизвестности понятия до его нескольких воплощений в зависимости от потребностей той или иной отрасли права, то есть для семейного закона – одно, наследственного – другое, жилищного – третье, социально-обеспечительного – четвертое и т. д. [3, с. 335] При этом встречаются также версии дефиниции семьи даже в региональном законодательстве... [4, с. 2–6]. Следует заметить, что, как и в случае с браком, наши соседи имеют законодательное закрепление понятия семьи². Среди ее признаков – семейно-правовая связь субъектов, в том числе брак, совместное проживание и ведение общего домохозяйства, взаимная поддержка, специальный комплекс прав и обязанностей. Раздельное проживание членов семьи не исключено, однако по сугубо уважительным причинам.

Если сопоставить последнее положение с нормативом ст. 31 о свободе выбора супругами места жительства, с одной стороны,

² Соответственно ст. 12, п. 1 ст. 59 Кодекса о браке и семье Республики Беларусь, ст. 1 Кодекса о браке (супружестве) Республики Казахстан, ст. 21 и ст. 3 Семейного кодекса Украины.

и диспозицией ст. 27 Семейного кодекса РФ о признании брачного союза недействительным как фиктивного, то есть заключенного без цели создания семьи, с другой стороны, то неизбежен вывод об ограничении указанной свободы выбора уважительностью причин раздельного проживания и обязательностью общесемейного бюджета. Иначе правоприменитель лишен возможности отличить действительное от недействительного. Следовательно, брачные свободы также, как и иные, должны являть собою «осознанные необходимости».

Что касается аргументов о многозначной сущности брака и семьи, то они правомерны только при рассмотрении данных конструкций и обозначаемых ими явлений с точки зрения различных отраслей науки об обществе – философии, социологии, психологии, демографии, теологии и др. Однако даже и в этом случае определенная общность неизбежно просматривается – положения о союзности/согласительности отношений, их гетеросексуальности, целеполагании. Многозначность же внутри юриспруденции эфемерна, нередко строится на ошибочной основе. Так, например, в доктрине подчеркивается разность подходов к членству в семье. Между тем уже внутри семейного законодательства наблюдается неточность терминологии: глава 15 Семейного кодекса РФ на первый взгляд посвящена алиментным обязательствам «других членов семьи», однако в действительности речь идет, как правило, не о последних, а родственниках, свойственниках, фактических воспитателях, часть из которых были членами семьи в прошлом, а часть ими не были вообще³, то есть, по сути, о специальной группе субъектов семейных правоотношений алиментного типа. Таким образом, неточность, небрежность в использовании терминологии порождает ошибочные версии о субъектном составе (а с ним – и сущности) семейного союза.

³ Кроме фактических воспитателей и фактических воспитанников, которые, по умолчанию, должны были определенное время состоять в семейной общности.

Наблюдается тенденция гендерной нейтрализации тех положений Семейного кодекса РФ, которые направлены на охрану интересов женщины в противовес интересам мужчины. Так, известное ограничение мужа в иницировании расторжении брака, предусмотренное нормой ст. 17 Семейного кодекса РФ, конечно же, нуждается если не в снятии, то, по крайней мере, в допущении исключения в ситуации доказанного отцовства другого мужчины. Подобное допущение предусмотрено, например, в белорусском законодательстве⁴. В этом же дискуссионном поле находится и положение об абсолютности презумпции в браке: в законодательстве ряда стран ближнего зарубежья допускается, наряду с обычным судебным оспариванием данной презумпции, административная процедура исключения из нее случаев, когда мать ребенка, совместно с его биологическим отцом, представляет в органы ЗАГС заявление о родительстве последнего⁵. Норма ст. 89 Семейного кодекса РФ предусматривает право жены/бывшей жены на алименты от мужа/бывшего мужа в период беременности и в течение трех лет после рождения ребенка. При этом не учитываются случаи оставления ребенка с отцом, пусть и крайне редкие. В этой связи Пленум Верховного Суда РФ в постановлении от 26.12.2017 № 56 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел о взыскании алиментов» рекомендовал гендерно нейтрализовать данную норму с помощью применения аналогии права – о началах равенства прав мужчины и женщины в браке и родительстве (ч. 2 п. 45).

Не устаем повторять тезис о необходимости обеспечить охрану и защиту интересов слабой стороны в фактическом браке. Как известно, законопроект сенатора А. В. Белякова о приравнивании имущественных право-

⁴ Ст. 35 Кодекса о браке и семье Республики Беларусь.

⁵ Ч. 6 ст. 51 Кодекса о браке и семье Республики Беларусь, ст. 47 Кодекса о браке (супружестве) и семье Республики Казахстан, п. 3 ст. 122 Семейного кодекса Украины.

вых последствий фактического супружества к браку, при условии совместного проживания с общим домохозяйством не менее пяти лет, а при рождении общего ребенка – двух лет, был отклонен. Это гуманно и справедливо. Однако вызывает протест «традиционалистов» по нескольким причинам: данное решение усилит предпочтения граждан фактическому союзу, в последнем в той или иной степени размываются традиционные ценности. К таковым, по мысли авторов, относятся: уважение национальных и религиозных традиций, идея нерасторжимости союза, взаимность обязательств, воспитание детей в рамках устойчивой традиционной семьи [5]. Споры нет, это, конечно, значимые соображения. Однако соображения о справедливости не менее, если не более, значимы.

Поскольку признание факта незарегистрированного супружества должно осуществляться в судебном порядке, возможность злоупотребления правом может быть минимизирована. Что касается отрицательного воздействия правила о защите имущественных интересов фактических супругов на судьбы и демографические показатели «законных браков», то оно не вполне очевидно: напротив, если участники будут знать о равенстве возможностей, то прагматичный смысл ухода от «узаконения» отношений в значительной мере исчезает. Кроме того, квалификация фактических брачных отношений в качестве разновидности отношений гражданского оборота безнравственна. А именно это следует из полного юридического безразличия законодателя к судьбе фактических супругов.

В правоотношениях супружеской собственности наблюдается противоречивая тенденция. С одной стороны, универсальность конструкции брачного договора позволяет противопоставить гражданско-правовую технологию построения отношений собственности в браке традиционной семейно-правовой, причем до такой степени, что в иных случаях можно это квалифицировать как отступление от начал

семейного законодательства. И это вполне спокойно воспринимается последователями гражданско-правового контекста/природы имущественных семейных правоотношений. С другой стороны, они сетуют на сложности применения именно чисто цивилистических положений. Так, например, высказывается сомнение в целесообразности действия теории трансформации личного добрачного имущества в период супружества из-за сложностей доказывания [6, с. 9]. Между тем подобный аргумент процессуалистам не убедителен: доказывание, по определению, – процесс весьма непростой. Новым словом для российского закона является конструкция совместного завещания супругов. Полагаем, что в перспективе в практике не возникнет препятствий для включения данной конструкции в содержание брачного договора: ранее, как известно, завещание не могло быть элементом последнего, так как представляло собой вариант исключительно односторонней сделки.

В связи с изменением гражданско-процессуального законодательства о медиативных соглашениях [7, с.47] возможна определенная корректировка бракоразводной процедуры, поскольку введена фигура судебного примирителя. Следует, однако, заметить, что его задачи в бракоразводном процессе, осложненном обязанностью суда одновременно разрешить смежные споры (ст. 24 Семейного кодекса РФ) – о месте проживания ребенка, его алиментировании, разделе общесупружеского имущества, взыскании алиментов на супруга (а из соображений целесообразности – определить и порядок общения с ребенком), весьма трудноисполнима и еще более – затратна. Если в семейное законодательство не будет внесена поправка об обязательности процедуры медиации по указанным категориям споров и ее безвозмездном для сторон характере (а это отнюдь не дешевое «удовольствие»), то медиация в данной сфере так и останется скорее фикцией, нежели осмысленной с точки зрения пользы действительностью.

Таким образом, институт брака, в комплексе его лично-правовых и имущественно-правовых элементов, ожидают изменения, потребность в которых вызревала постепенно под грузом политических, прагматиче-

ских и формально-юридических соображений. Их содержание не «взорвет» Семейный кодекс РФ, а существенно улучшит его юридическое здоровье.

Ссылки

1. Тарусина Н. Н. Семейное законодательство – парадоксов друг // Социально-юридическая тетрадь. 2019. № 9. С. 96–109.
2. Тарусина Н. Н. Брак по российскому семейному праву. М.: Проспект, 2010. 224 с.
3. Гражданское право / под ред. А. П. Сергеева. М.: Проспект, 2016. Т. 3. 736 с.
4. Шершень Т. В. В Год семьи о понятии семьи в современном российском праве // Семейное и жилищное право. 2008. № 5. С. 2–6.
5. Якушев П. А. Фактические сожительства мужчин и женщин: проблемы институционализации в контексте традиционных ценностей // Государство и право. 2019. № 12. С. 104–112.
6. Михеева Л. Ю. Концепции развития семейного законодательства у нас в стране нет // Закон. 2017. № 2. С. 6–20.
7. Правовые итоги 2019 // Закон. 2020. № 1. С. 22–51.

On the state of crime in Russia: General trends and patterns

O. Yu. Komarova¹

¹P. G. Demidov Yaroslavl State University, 14 Sovetskaya str., Yaroslavl 150003, Russian Federation

Research article
Full text in Russian

The article presents the results of a criminological study of basic statistical indicators of social danger of crime in 2008, 2013 and 2018: it provides a digital characteristic of the level, structure, and dynamics, and establishes statistical relationships and ratios of the studied indicators. A number of General trends and patterns that characterize the state of crime in the reporting period are identified. The work has theoretical and applied significance for the prevention and prevention of crimes.

Keywords: crime; absolute and relative values; volume of crime; specific weight; volume of identified persons who committed crimes; statistical aggregate; growth rates; APPG-the same period last year

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Komarova Olga Yu. | E-mail: kolga584@gmail.com
Candidate of Sciences in Sociology, Associate Professor

О состоянии преступности в России: общие тенденции и закономерности

О. Ю. Комарова¹

¹ Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, ул. Советская, 14, Ярославль, 150003, Российская Федерация

УДК343.28/29
Научная статья

В статье представлены результаты криминологического исследования базовых статистических показателей социальной опасности преступности за 2008, 2013 и 2018 гг.: дается численная характеристика уровня, структуры и динамики, устанавливаются статистические связи и соотношения исследуемых индикаторов. Выявляется ряд общих тенденций и закономерностей, характеризующих состояние преступности в анализируемом периоде. Работа имеет теоретико-прикладное значение для профилактики и предупреждения преступлений.

Ключевые слова: преступность; абсолютные и относительные величины; объем преступности; удельный вес; число выявленных лиц, совершивших преступления; статистическая совокупность; темпы роста; аналогичный период прошлого года (АППГ)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Комарова Ольга Юрьевна | E-mail: kolga584@gmail.com
| Кандидат социологических наук, доцент

Сложность и многомерность феномена преступности предполагают многообразие подходов в его исследовании: антропологический, гносеологический, онтологический, аксиологический, социокультурный, социологический (включая статистический), инновационный и др. подходы.

Не умаляя всей очевидной важности и значимости каждого, обратимся к изучению преступности в статистическом аспекте. Этот выбор продиктован наличием целого комплекса свойств, определяющих преступность, с одной стороны, как социально-обусловленное, исторически изменчивое, уголовно-правовое явление, с другой стороны, как массовое, системное явление, состоящее из совокупности преступлений и лиц, их совершивших, характеризующихся количественными и качественными показателями [1, с. 107].

Потребность в получении более полной и объемной модели преступности предполагает многомерную характеристику отражаемой действительности, где многомерность представляется более емким понятием относительно понятий многогранности, многоуровневости и системности [2, с. 43]. В действующей систе-

ме статистических показателей преступности в России насчитывается свыше 4000 таких статистических параметров [3, с. 406].

С учетом дихотомичности термина «состояние преступности» работа не претендует на исчерпывающий комплексный анализ искомого явления [4, с. 109–110].

Соответственно, в качестве индикаторов состояния исследуемого объекта возьмем за основу официальные статистические данные о зарегистрированной преступности на территории РФ за 2008, 2013 и 2018 гг. прошедшего десятилетия, позволяющие установить / подтвердить общие тенденции и закономерности преступности за указанный период:

- количество зарегистрированных заявлений (сообщений) и иной информации о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях, включая темпы роста (+/- %): 21 499 523 – за 2008 г. (4,7 % к АППГ), 28 387 122 – за 2013 г. (7 % к АППГ), не представлены данные за 2018 г.;

- количество зарегистрированных преступлений – объем преступности, включая темпы роста (+/- %): 3 209 682 – за 2008 г. (-10,4 %

к АППГ); 2 206 249 – за 2013 г. (- 4,2 % к АППГ) и 1 991 532 – за 2018 г. (-3,3 % к АППГ);

- число выявленных лиц, совершивших преступления (тыс. чел.), включая темпы роста (+/- %): 1 256 199 – за 2008 г. (- 4,7 % к АППГ); 1 012 563 – за 2013 г. (0,2 % к АППГ) и 931 107 – за 2018 г. (- 3,7 % к АППГ);

- удельный вес ранее совершавших преступления в общем числе выявленных лиц (в %): 30 – за 2008 г., 49,6 – за 2013 г. и 56,4 – за 2018 г.;

- уровень преступности – коэффициент преступности (число зарегистрированных преступлений в расчете на 100 000 человек населения): 2260,5 – за 2008 г., 1539,6 – за 2013 г. и 1355,9 – за 2018 г.;

- всего зарегистрировано преступлений тяжких и особо тяжких, включая темпы роста (+/- %): 851 392 – за 2008 г. (-11,4 % к АППГ), 537 664 – за 2013 г. (- 5,6% к АППГ) и 448 174 – за 2018 г. (2,5 % к АППГ);

- удельный вес тяжких и особо тяжких преступлений к общему количеству зарегистрированных преступлений (%): 26, 5 – за 2008 г., 24, 4 – за 2013 г. и 22, 5 – за 2018 г. [5];

- число осужденных лиц по приговорам судов, вступившим в законную силу (тыс. чел.): 925 166 – за 2008 г., 735 340 – за 2013 г. и 658 291 – за 2018 г.;

- абсолютное числовое значение и процентное соотношение (удельный вес, %) ранее судимых лиц, имеющих неснятую и непогашенную судимость, из числа осужденных лиц по приговорам судов, вступившим в законную силу: 260 711 – за 2008 г. (28,2), 250 245 – за 2013 г. (34) и 239 339 – за 2018 г. (36,4);

- число осужденных к лишению свободы по приговорам судов, вступившим в законную силу (тыс. чел.), их удельный вес (%), в общем числе осужденных лиц по приговорам судов, вступившим в законную силу: 312 204 (33,9 %) – за 2008 г., 209 795 (28, %) – за 2013 г. и 190 393 (29,2 %) – за 2018 г. [6].

- число лиц, потерпевших от преступных посягательств, включая погибших и получивших тяжкий вред здоровью: 2302,9 – за 2008 г., 1566,9 – за 2013 г. и 1335,2 – за 2018 г. [7].

- всего не раскрыто преступлений из числа преступлений, дела и материалы о которых находились в производстве, включая темпы роста (+/- %): 1 479 467 – за 2008 г. (-20,6 % к АППГ), 950 325 – за 2013 г. (-6,3 % к АППГ) и 860 408 – за 2018 г. (- 3 % к АППГ) [5].

Бесспорно, указанные сведения обладают существенным и, к сожалению, неустранимым недостатком, связанным с латентностью преступности. По общим оценкам экспертов, не-

зарегистрированная преступность превышает учтенную часть преступности, как минимум, в 3–5 раз. В связи с этим вынуждены признать, что любые суждения о состоянии и тенденциях преступности имеют относительный характер. Вместе с тем невозможно игнорировать официальные статистические данные МВД России, Генеральной Прокуратуры РФ, Минюста России и других уполномоченных субъектов, поскольку эти сведения и образуют эмпирическую базу статистического исследования.

Наличие устойчивых многоуровневых связей, а также взаимосвязей подструктур преступности: всей совокупности преступлений и лиц, их совершивших, в том числе отдельных видов, групп преступлений и целого ряда других ее сегментов – позволяет установить криминологически важные параметры, характеризующие состояние преступности.

Исследуя динамику абсолютного числового значения (объема) преступности за указанные периоды, необходимо отметить, что общее количество зарегистрированных преступлений сократилось в 1,6 раз. Эта тенденция полностью подтверждается относительными величинами, характеризующими уровень преступности в расчете на 100000 человек населения (коэффициент преступности).

Результаты исследования состояния преступности по выявленным лицам, совершившим преступления, в абсолютном числовом значении подтверждают сложившуюся тенденцию сокращения распространенности преступности, причем в данном случае в 1,3 раза.

Динамика снижения уровня преступности подтверждается расчетами коэффициента криминальной активности (число лиц, совершивших преступления, на 100000 человек населения) [8, с. 166]: 880 – за 2008 г., 706,7 – за 2013 г. и 633,9 – за 2018 г.

Вместе с тем необходимо обратить внимание на весьма неблагоприятную статистическую картину в части соотношения числа зарегистрированных заявлений (сообщений) и иной информации о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях к числу зарегистрированных преступлений, которое составило 14,9 % за 2008 г. и 7,7 % за 2013 г.. Это является свидетельством недостаточности правового реагирования на криминальные ситуации [9, с. 28]. Чем больше фиксируется указанных сообщений, тем меньше регистрируется преступлений. Речь идет о снижении доли зарегистрированных преступлений в общем массиве поступивших обращений, заявлений о правонарушениях. Так, например, за 2016 г. общее

число зарегистрированных преступлений составило 2 160063, а количество поступивших заявлений (сообщений) и иной информации о преступлениях, об административных правонарушениях – 30 000800. Таким образом, доля зарегистрированных преступлений в указанном соотношении составляет 13,9 %. Данные за последующие периоды вплоть до 2018 г. подтверждают это наблюдение. Отсутствие официальных сведений о зарегистрированных сообщениях за 2018 г. скорее укрепляет предположение о тенденции к развитию сложившейся негативной ситуации.

Следующим параметром, характеризующим социальную опасность преступности, является число тяжких и особо тяжких преступлений. За указанный период их величина в абсолютном числовом выражении сократилась в два раза. В то же время удельный вес преступлений этих категорий снизился всего на 4 %.

Кроме того, социальная опасность преступности определяется с учетом вероятности (риска) быть избалованным в совершении преступления и понести за это наказание. Учитывая латентизацию и недостаточную раскрываемость преступлений, целесообразно осуществлять расчет следующих показателей [8, с. 96]:

- вероятность быть выявленным в качестве лица, совершившего преступление (отношение числа лиц, выявленных за совершение преступлений, к количеству зарегистрированных преступлений, выраженное в процентах): 39 – за 2008 г., 45 – за 2013 г. и 46 – за 2018 г.;

- вероятность быть осужденным за совершение преступления (отношение числа лиц, осужденных за совершение преступления, к количеству зарегистрированных преступлений, выраженное в процентах): 28 – за 2008 г., 33 – за 2013 г. и 33 – за 2018 г.;

- вероятность быть осужденным к лишению свободы (отношение числа лиц, осужденных к лишению свободы, к количеству зарегистрированных преступлений, выраженное в процентах): 9 – за 2008 г., 9 – за 2013 г. и 9 – за 2018 г.

В результате проведенных расчетов очевиден вывод о незначительной вероятности быть избалованным в преступлении и еще менее значительной – быть осужденным. Ухудшает ситуацию устойчивая тенденция увеличения удельного веса лиц, ранее совершавших преступления, – 56,4 % в общем числе выявленных лиц, что свидетельствует о невысокой эффективности деятельности правоохранительных органов.

Не менее значимым в оценке состояния преступности является коэффициент (индекс)

виктимизации [3, с. 369] (число виктимизированных преступлений жертв – лиц, ставших потерпевшими от преступлений, в расчете на 100000 человек населения): 1613,2 – за 2008 г., 1093 – за 2013 г. и 909 – за 2018 г. Несмотря на очевидное снижение показателя, указывающее скорее на проблему латентизации жертв, вынуждены оценить полученные результаты как очередное подтверждение неблагополучия в сложившейся криминальной ситуации в стране.

Вместе с тем исследование будет неполным, если пренебречь обзором социальной направленности преступности. Речь идет об удельном весе преступлений и лиц, их совершивших, который позволяет определить внутреннее строение преступности [10, с. 391–430]. В связи с этим были произведены расчеты процентного соотношения статистической совокупности групп преступлений и лиц, их совершивших, по главам и разделам Особенной части УК РФ к общему объему преступности.

В связи с ограниченным объемом статьи мы вынуждены локализовать цифровые параметры состояния преступности путем обзора отдельных базовых показателей, характеризующих общие тенденции преступности за отчетный период. Поскольку «даже неполные данные, проанализированные за ряд лет, позволяют выявить тенденции преступности» [11, с. 47]. Полученные результаты статистического анализа содержатся в таблицах 1 и 2.

В материалах таблиц 1–2 фиксируется в абсолютных числовых значениях и значениях удельного веса устойчивое доминирование преступлений с корыстной мотивационной направленностью – преступлений в сфере экономики, что по-прежнему составляет тренд российской преступности даже при сокращении в 1,8 раз абсолютного числового значения этих преступлений с четко выраженным понижением данного показателя в отчетный период, равно как и доли в общем объеме преступности. Разность между минимальным и максимальным значениями удельного веса преступлений в сфере экономики составила 7,3 %. Установленная закономерность в полной мере свойственна аналогичным характеристикам и по числу выявленных лиц, совершивших указанные преступления. Абсолютное числовое значение лиц, совершивших эти преступления, сократилось в 1,7 раз. Это повторяет сложившуюся тенденцию: разность между минимальным и максимальным значениями удельного веса лиц, совершивших преступления в сфере экономики, составила 11,9 %.

Зарегистрированная преступность на территории РФ

Преступления, согласно строению особенной части УК РФ (по разделам)	Показатели	Год		
		2008	2013	2018
Всего зарегистрировано преступлений	Абс. число	3209682	2206249	1991532
	Уд. вес, %	100	100	100
Преступления против личности	Абс. число	495730	392759	283595
	Уд. вес, %	15,3	17,5	14,1
Преступления в сфере экономики	Абс. число	2097391	1340506	1158102
	Уд. вес, %	65,3	60,7	58
Преступления против общественной безопасности и общественного порядка	Абс. число	385274	334422	365317
	Уд. вес, %	11,9	15	18,3
Преступления против государственной власти	Абс. число	220873	135999	181840
	Уд. вес, %	6,8	6	9,2
Преступления против военной службы	Абс. число	10493	2550	2583
	Уд. вес, %	0,3	0,1	0,1
Преступления против мира и общественной безопасности человечества	Абс. число	1	3	95
	Уд. вес, %	0,0003	0,0001	0,004

Таблица 2

Зарегистрированная преступность по лицам на территории РФ

Преступления, согласно строению особенной части УК РФ (по разделам)	Показатели	Год		
		2008	2013	2018
Всего выявлено лиц, совершивших преступления	Абс. число	1256199	1012563	931107
	Уд. вес, %	100	100	100
Выявлено лиц, совершивших преступления против личности	Абс. число	337517	301122	230963
	Уд. вес, %	26,6	29,6	23,9
Выявлено лиц, совершивших преступления в сфере экономики	Абс. число	684809	480297	401426
	Уд. вес, %	54,9	47,4	43
Выявлено лиц, совершивших преступления против общественной безопасности и общественного порядка	Абс. число	202893	193884	229097
	Уд. вес, %	16,1	19	24,3
Выявлено лиц, совершивших преступления против государственной власти	Абс. число	103691	78765	103930
	Уд. вес, %	8,2	6,4	11,1
Выявлено лиц, совершивших преступления против военной службы	Абс. число	65971	2312	2150
	Уд. вес, %	0,5	0,2	0,2
Выявлено лиц, совершивших преступления против мира и общественной безопасности человечества	Абс. число	0	0	11
	Уд. вес, %	0	0	0,001

Сформировавшаяся тенденция уменьшения абсолютного числа и удельного веса зарегистрированных преступлений имеет продолжение в статистической совокупности преступлений против личности, занимающих второе место по указанным параметрам, и преступлений против военной службы, занимающих пятую позицию по этим же основаниям, включая статистическую совокупность и по числу выявленных лиц, совершивших эти преступления, причем с четырехкратным сокращением абсолютного значения числа зарегистрированных преступлений против военной службы и тридцатикратным сокращением выявленных лиц, их совершивших.

Незначительные колебания отмечаются в динамике абсолютных числовых значений количества зарегистрированных преступлений против общественной безопасности и общественного порядка и лиц, их совершивших (третье место по удельному весу), а также преступлений против государственной власти и лиц, их совершивших (четвертое место по удельному весу).

Противоположная направленность отмечается в статистических совокупностях преступлений против мира и общественной безопасности человечества и числа лиц, их совершивших. Несмотря на занимаемую седьмую – заключительную – позицию по удельному весу

в общем объеме зарегистрированных преступлений, в этом сегменте отмечается максимальное – девятикратное – увеличение числа зарегистрированных преступлений и одиннадцатикратное увеличение числа лиц, их совершивших.

Сопоставление динамики структурных изменений статистических групп преступлений и лиц, их совершивших, по разделам Особенной части УК РФ показало (в приближенном значении), что диапазон изменения удельного веса зачастую не совпадает с частотой изменения (интенсивностью) абсолютного числа зарегистрированных преступлений и лиц, их совершивших, за указанный период времени. Тем самым подтверждается в очередной раз сложность и многомерность феномена преступности и необходимость дальнейшего исследования.

Таким образом, в результате проведенного исследования отдельных статистических параметров преступности следует отметить, что преступность как любое социальное явление подвластно колебаниям, волнообразным изменениям за определенный период времени. В нашем случае выбраны 2008, 2013 и 2018 гг., в течение которых установлена ранее наметившаяся тенденция к снижению уровня преступности в абсолютных и относительных величинах.

В то же время проявились определенные качественные изменения в состоянии преступности, воплотившиеся в весьма противоречи-

вых тенденциях и закономерностях. Прежде всего они связаны с латентизацией преступности: чем больше фиксируется сообщений, заявлений о правонарушениях, происшествиях, тем меньше регистрируется преступлений. Сюда же можно отнести снижение коэффициента виктимизации жертв. Обостряет ситуацию тренд на постоянное увеличение удельного веса лиц, ранее совершавших преступления, – 56,4% в общем числе выявленных лиц.

В плане мотивации сохраняют доминирующие позиции преступления корыстной направленности – преступления в сфере экономики и прежде всего преступления против собственности.

На фоне невысокого уровня раскрываемости преступлений с учетом незначительной вероятности стать изобличенным в преступлении, стать осужденным, преступность в очередной раз практически обречена на самодетерминацию. Это подтверждает тем самым негативную тенденцию, связанную с кризисной ситуацией реагирования на преступность.

В качестве P.S. Обобщение статистических данных, характеризующих состояние преступности по итогам 2019 г. [12], свидетельствует об укреплении сложившихся опасных криминальных направлений. Все вышесказанное помогает определить очередные задачи в изучении проблем преступности и связанных с ней процессов и явлений, которым будут посвящены новые исследования.

Ссылки

1. Старков О. В. Криминология. Теория и практика: учебник для вузов. М.: Юрайт, 2014. 641 с.
2. Штейнберг В. Э. Теория и практика дидактической многомерной технологии. М.: Народное образование, 2015. 350 с.
3. Энциклопедия статистических терминов: в 8 т. Т. 5: Демографическая и социальная статистика. М.: Росстат, 2011. 482 с.
4. Лунеев В. В. Криминология: учебник для бакалавров. М.: Юрайт, 2013. 686 с.
5. Состояние преступности в России в 2008, 2013, 2018 гг. (Архивные данные). Статистика и аналитика. ГИАЦ МВД России. URL: // <http://mvd.ru/> (дата обращения: 24.02.2020).
6. Основные статистические показатели состояния судимости в России за 2008–2018 гг. Судебный департамент при Верховном Суде РФ. URL: // <http://cdep.ru/> (дата обращения: 01.03.2020).
7. Число лиц, потерпевших от преступных посягательств в 2008, 2013, 2018 гг. Россия в цифрах 2008–2018: стат. сб. URL: // <http://gks.ru/> (дата обращения: 03.03.2020).
8. Кондратюк Л. В., Овчинский В. С. Криминологическое измерение: монография / под ред. К. К. Горяинова. М.: Норма, 2017. 272 с.
9. Клейменов М. П. Нераскрытая преступность: монография / М. П. Клейменов, И. М. Клейменов. М.: ИНФРА – М, 2015. 208 с.
10. Статистические данные о зарегистрированной преступности из формы 1-ЕГС (за 2008, 2013, 2018 годы) // Борьба с организованными проявлениями преступности и обеспечение национальной безопасности: материалы Всероссийской научно-практической конференции (22–23 января 2019 г.). М., 2019. 448 с.
11. Сборник избранных лекций по криминологии / под ред. Т. В. Пинкевича. М.: Юрлитинформ, 2020. 392 с.
12. Состояние преступности в России – январь – декабрь 2019 г. (Архивные данные, актуальные данные). Статистика и аналитика. URL: // <http://mvd.ru/> (дата обращения: 03.03.2020).

The essence and typology of defects in legal regulation of relations

A. S. Klimova¹

¹P. G. Demidov Yaroslavl State University, 14 Sovetskaya str., Yaroslavl 150003, Russian Federation

Research article
Full text in Russian

The article is devoted to the study of defects in the legal regulation of relations. It is established that they represent any shortcomings reflected in a particular element of the legal system that prevent the satisfaction of the interests of individuals, their collectives and organizations. In order to improve the processes of implementation and performance of subjective rights and legal obligations by participants in legal relations, and, consequently, to increase the effectiveness of legal practices, minimize manifestations of anti-culture in the legal system of society, the most important classifications of the studied phenomena are considered.

Keywords: defects, legal anticulture, legal regulation, rights and obligations

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Klimova Anna S. | E-mail: a.klimova@uniyar.ac.ru
Senior lecturer

Funding: RFBR, Project No 18-011-01095.

Сущность и типология дефектов правового регулирования общественных отношений

А. С. Климова¹

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, ул. Советская, 14, Ярославль, 150003, Российская Федерация

УДК 340.1

Научная статья

Статья посвящена исследованию дефектов правового регулирования общественных отношений. Установлено, что они представляют собой любые недостатки, отраженные в конкретном элементе правовой системы, препятствующие удовлетворению интересов индивидов, их коллективов и организаций. В целях совершенствования процессов реализации и исполнения участниками правоотношений субъективных прав и юридических обязанностей, а следовательно, повышения эффективности юридических практик, минимизации проявлений антикультуры в правовой системе общества рассмотрены наиболее важные классификации исследуемых явлений.

Ключевые слова: дефекты; юридическая антикультура; правовое регулирование; права и обязанности

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Климова Анна Сергеевна | E-mail: a.klimova@uniyar.ac.ru
| Старший преподаватель

Финансирование: РФФИ, проект № 18-011-01095.

Введение

Правовая система тогда является эффективной, когда нормативно-правовые предписания, законодательство, правоприменение и иные ее элементы характеризуются высоким качеством. При этом она подвержена влиянию различных факторов, не только позитивных, но и негативных, разрушающих ее, что приводит к определенным кризисным тенденциям, связанным с появлением в механизме правового регулирования общественных отношений различных дефектов и погрешностей. Для более обстоятельного

выяснения условий, детерминирующих появление данных деструктивных аномалий, выявления мер, направленных на их минимизацию, необходимым является исследование сущности, особенностей и конкретных видов дефектов, отраженных в праве и иных компонентах правовой системы.

Основная часть

Довольно обстоятельно кризисные тенденции развития российской правовой системы исследованы в работах Н. А. Власенко, который отмечает, что «эффективность

правового регулирования падает, роль законодательства и закона снижается. ... Кризисные тенденции в праве приобретают системный характер, охватывают все новые моменты и грозят стать серьезной девальвацией данного института, без которого цивилизованное общество существовать не может» [1, с. 175]. Отмеченный автором системный характер наметившегося кризиса в правовой системе свидетельствует об актуальности исследования дефектов правового регулирования, которые, с одной стороны, опосредованы политическими, социальными, экономическими, правовыми и иными факторами, а с другой – являются предпосылкой возникновения и проявления новых погрешностей в правовой системе общества. При этом, как верно отмечает И. П. Кожокар, «дефекты присутствуют во всех структурных элементах механизма правового регулирования, начиная от норм права и процесса их документального оформления и заканчивая актами реализации прав и обязанностей участниками правоотношений. Однако, в отличие от правонарушений, дефекты не получили по настоящий момент надлежащей и всесторонней теоретико-юридической оценки» [2, с. 75].

Изучив существующие мнения по поводу природы дефектов в правовой системе, стоит отметить, что большинство авторов рассматривают их как несовершенства объективного права: недостатки нормативно-правовых предписаний (норм, принципов, дефиниций) [3, с. 610–622; 4, с. 8], деформации логико-структурного построения и развития системы права и ее элементов, в том числе нормативных актов [5, с. 21]. Иные авторы рассматривают дефекты правового регулирования в широком смысле, определяя их как состояние правовых норм, при котором регулирование общественных отношений нарушает оптимальный баланс интересов общества и государства, и в узком смысле, определяя их как низкое качество правового регулирования, в силу которого затрудняется применение соответствующих норм, порожд-

даются негативные политические и социально-экономические явления, необоснованно ущемляются личные и общественные интересы [6, с. 1238]. Некоторые авторы выделяют дефекты не только в праве, но и в процессе его реализации [7, с. 10–11].

Проанализировав указанные и иные точки зрения по поводу природы дефектов правового регулирования, можно сделать следующие выводы.

Дефекты – это *недостатки, несовершенства* правового регулирования, представляющие собой *юридическую антиценность*, наличие которых влечет дисгармонию в функционировании правовых отношений, недостижение их главной цели – удовлетворения личных и коллективных интересов, уменьшает качество и эффективность любой юридической практики, ведет к снижению уровня правовой культуры и правосознания индивидов. К дефектам, на наш взгляд, относятся не только погрешности, влекущие существенное снижение эффективности правового регулирования (пробелы, коллизии и пр.), а любые недостатки (например, грамматические ошибки и опiski в правоприменительных актах), способные оказать влияние на удовлетворение интересов субъектов правоотношений.

Дефекты правового регулирования представляют собой несовершенства не только содержательных элементов права либо его реализации. Различные недостатки характерны для всех элементов правовой системы общества: объективного права в единстве его содержания и форм, юридических практик (правотворческой, правореализующей и др.), правоотношений, правосознания и всего психологического механизма юридической деятельности человека.

На основании указанных особенностей под *дефектами в правовом регулировании общественных отношений* необходимо понимать недостатки, несовершенства права, юридической практики, правосознания, наличие которых препятствует эффектив-

ной реализации прав и обязанностей людей и мешает удовлетворению интересов субъектов правоотношений.

В юридической литературе существует множество различных классификаций дефектов правового регулирования, но исходя из научных и практических целей целесообразно выделить следующие типы дефектов правового регулирования общественных отношений.

В зависимости от элемента правовой системы общества, в котором проявляется дефект, выделяют: дефекты права, дефекты юридической практики и правовых отношений, дефекты правовой психологии, идеологии, психологического механизма правового поведения личности. *Дефекты, отраженные в объективном праве*, необходимо рассматривать во взаимодействии его содержания и формы. Тем самым можно выделить две большие группы дефектов в праве: погрешности в содержании и недостатки в формах права.

По типу и подвиду юридической практики следует разграничивать *дефекты, проявляемые в правотворческой, интерпретационной, правоприменительной, правореализующей, следственной и судебной практиках*. В указанных типах отражается специфика конкретного вида юридической практики, а также особый порядок контроля за качеством юридической деятельности и процедура устранения обнаруженных дефектов. В правоприменительной и интерпретационной юридической деятельности основной проблемой, например, является наличие противоречий между толкованиями норм Европейским судом по правам человека и Конституционным Судом РФ, в результате чего возникают трудности в определении применяемого правила.

Все *погрешности, отражаемые в правосознании*, а точнее, в психологическом механизме юридического поведения личности можно рассмотреть в зависимости от блока, в котором отражаются дефекты.

В процессе восприятий (блок сбора и обработки фактической и юридической информации), например, могут иметь место расхождения получаемой информации с реальной действительностью. Дефекты в мотивационном блоке выражаются в виде ложно понятых интересов, неверных установок, неадекватной мотивации. Одной из распространенных погрешностей в данном блоке будет являться несвоевременность отражения в правосознании правоприменителя назревших объективных потребностей, что приведет к неэффективному индивидуально-правовому регулированию, не отражающему частные и публичные интересы. Погрешности в программно-целевом блоке связаны с постановкой неверных, недостижимых целей, отсутствием либо недостаточным планированием и прогнозированием деятельности. Дефекты в блоке личного опыта связаны с недостаточностью знаний, умений, навыков, способностей, мастерства.

В зависимости от того, обнаружены погрешности в правовой системе или еще подлежат обнаружению, можно говорить о *латентных и установленных* дефектах. Первые из них представляют наибольшую опасность, поскольку остаются невыявленными и в дальнейшем являются предпосылкой для возникновения новых недостатков в регулировании общественных отношений.

В юридической литературе некоторыми авторами (Н. А. Власенко) дефекты определяются как любые недостатки и погрешности независимо от наличия/отсутствия негативных юридических последствий. Другие же авторы (И. П. Кожокар) предлагают рассматривать в качестве дефектов правового регулирования лишь недостатки, влекущие определенные выраженные последствия в функционировании механизма правового регулирования. На наш взгляд, любой недостаток правового регулирования представляет собой определённую разновидность дефектов. При этом в зависимости от степени опасности для личности, общества и госу-

дарства все дефекты можно разграничивать на *существенные* и *незначительные*.

В зависимости от причины возникновения дефектов в правовом регулировании можно говорить о *погрешностях, обусловленных субъективными и объективными факторами*. При этом стоит отметить, что разграничение субъективных (зависящих от воли и сознания конкретных людей) и объективных (обстоятельств, происходящих независимо от воли лица) причин возникновения дефектов весьма условно, поскольку большинство явлений носит объективно-субъективный характер, однако данная классификация позволяет в конкретном случае выявить преобладание тех или иных факторов в возникновении дефектов.

Дефекты возникают в правовой системе общества как относительно самостоятельном образовании либо за ее пределами (в рамках политической, экономической систем). Здесь можно говорить о *погрешностях, обусловленных внутренними и внешними причинами*. К внешним факторам можно отнести недостатки социально-политического характера, например, политический популизм, социальную необоснованность принимаемых решений, низкий уровень политической и экономической образованности властвующих элит, диспропорции в ходе реформации различных уровней властных структур. К внутренним же относятся несовершенство юридической технологии (техники, тактики, стратегии), противоречивость нормативных правовых актов, пробельность правового регулирования и пр.

В зависимости от возможности и необходимости ликвидации существующих дефек-

тов их можно подразделить на *устраняемые* и *неустраняемые*. При этом, как верно отмечает В. Н. Карташов, дефекты могут быть неустраняемы в том плане, что исчезли конкретные субъекты, участники, фактические данные, нормы права или появились новые обстоятельства, которые препятствуют ликвидации допущенных изъянов [8, с. 188]. С другой стороны, при обнаружении дефекта в правовом регулировании субъект не всегда обладает полномочием на устранение данной погрешности (так, в случае наличия вывода суда о несоответствии Конституции РФ применяемого в конкретном деле закона, суд должен обратиться с соответствующим запросом в Конституционный Суд РФ).

Выводы

Дефекты правового регулирования общественных отношений представляют собой любые недостатки, отраженные в конкретном элементе правовой системы, препятствующие удовлетворению интересов индивидов, их коллективов и организаций. Мы рассмотрели наиболее важные классификации исследуемых явлений, которые, однако, не исчерпывают всех типов погрешностей (подробнее о многообразии подходов к классификации дефектов правового регулирования см. [2, с. 81–95]. Дальнейшее изучение указанных и иных типов, видов и подвидов будет способствовать повышению качества реализации и исполнения участниками правоотношений субъективных прав и юридических обязанностей, а следовательно, повышению эффективности юридических практик, минимизации проявлений антикультуры в правовой системе общества.

Ссылки

1. Власенко Н. А. Кризисные тенденции в законотворчестве современной России // Юридическая техника. 2015. № 9. С. 175–182.
2. Кожокаръ И. П. Основы теории цивилистической дефектологии: монография. М.: Проспект, 2017. 392 с.

3. Кутафин О. Е. Пробелы, аналогия и дефекты в конституционном праве // *Lex Russica*. 2007. Т. LXVI, № 4. С. 610–622.

4. Хайретдинова М. Д. Типичные дефекты дефиниций современного российского законодательства и основные пути их преодоления // *Юрист-Правоведъ*. 2008. № 1. С. 8–13.

5. Власенко Н. А. Логико-структурные дефекты системы права советского права // *Правоведение*. 1991. № 3. С. 21–28.

6. Цыбуляк С. И. Понятие и виды дефектов правового регулирования // *Право и политика*. 2012. № 7 (151). С. 1237–1246.

7. Жильцов М. А. Дефекты трудового права и способы их преодоления: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2011. 55 с.

8. Карташов В. Н. Теория правовой системы общества: учебное пособие: в 2 т. Ярославль: ЯрГУ, 2006. Т. 2. 544 с.

Style features of the functional organization of metacognitive sphere of personality in management activity

A. A. Karpov¹

¹P. G. Demidov Yaroslavl State University, 14 Sovetskaya str., Yaroslavl 150003, Russian Federation

Research article
Full text in Russian

The article presents the results of a study of one of the aspects of the implementation of the functional plan for studying the metacognitive sphere of personality in management activity. This is the style aspect. The regularities of the influence of metacognitive factors on the main general management styles are established. It is shown that they are characterized by different values of the indices of integration and differentiation and the index of general organization of the metacognitive sphere. We formulate the provisions according to which the implementation of general management styles is based not on particular metacognitive parameters, but on certain organized structures of the main metacognitive subsystems. Thus, general management styles have a proper structural, rather than analytical, determination in relation to the metacognitive determinants on which they are formed.

Keywords: metacognitive sphere of personality; management activity; metasystemic approach; functional organization; management style; structural organization

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Karpov Alexander A. | E-mail: karpov.sander2016@yandex.ru
| Doctor of Sciences in Psychology, associate Professor

Funding: RFBR, Project No 19-013-0013.

Стилевые особенности функциональной организации метакогнитивной сферы личности в управленческой деятельности

А. А. Карпов¹

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, ул. Советская, 14, Ярославль, 150003, Российская Федерация

УДК 159.9

Научная статья

В статье представлены результаты исследования одного из аспектов реализации функционального плана изучения метакогнитивной сферы личности в управленческой деятельности – стилового. Установлены закономерности влияния факторов метакогнитивного плана на основные общеуправленческие стили. Показано, что они характеризуются различными значениями индексов интегрированности, дифференцированности и индекса общей организованности метакогнитивной сферы. Сформулированы положения, согласно которым в основе реализации общеуправленческих стилей лежат не только отдельные метакогнитивные параметры, но и целостные структуры основных метакогнитивных подсистем. Таким образом, общеуправленческие стили имеют собственно структурную, а не аналитическую детерминацию в отношении тех метакогнитивных факторов, на основе которых они формируются.

Ключевые слова: метакогнитивная сфера личности; управленческая деятельность; метасистемный подход; функциональная организация; стиль управления; структурная организация

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Карпов Александр Анатольевич | E-mail: karpov.sander2016@yandex.ru
Доктор психологических наук, доцент

Финансирование: РФФИ, проект № 19-013-0013.

Постановка проблемы

Как известно, в современной психологии к настоящему моменту сложился ряд основных крупных направлений. К ним в первую очередь относятся психологическая теория деятельности [1–5] и метакогнитивизм [4, 6–9]. Они, характеризуясь высоким уровнем и темпами развития, во многом олицетворяют и важнейшие тенденции развития психологического знания. Однако до сих пор они разрабатываются подчеркнуто автоном-

но друг от друга, что обуславливает множество принципиальных трудностей и проблем. В этой связи принципиально важно отметить, что практически все основные процессы и образования психики обладают очень общей и фактически фундаментальной особенностью – свойством *функциональной обратимости*. Они могут реализовывать свой функциональный потенциал в отношении самих же себя и тем самым подвергаться своеобразному «удвоению». Наиболее явно это представлено

опять-таки по отношению к «ранним» пред-метам исследования в метакогнитивизме – метамышлению и метапамяти. В результате этого возникает особая форма, точнее, новый уровень, на котором представлены фактически все основные «составляющие» психики, но в своей удвоенной – «вторичной» – форме. Причем они объединяются на нем по совершенно определенному и четкому критерию – критерию их функциональной направленности – направленности на самих же себя. Все они, с одной стороны, принадлежат к психике в целом как к определенной *метасистеме*, а с другой стороны, образуют в ней особую качественно очень специфическую часть, то есть одну из ее систем. Однако тем самым в ней оказывается функционально представленной – мультиплицированной – и сама метасистема. Таким образом, с очевидностью вскрывается обстоятельство наиболее принципиального плана: вся метакогнитивная сфера раскрывается как типичный представитель особого качественно специфического и в то же время уже достаточно хорошо известного класса систем со «встроенным» метасистемным уровнем. Она образована не какими-то «особыми и новыми» компонентами, а всеми уже существующими основными «составляющими» психики, но в их «удвоенной» форме и в специфической функции – в функции самопрезентации. Следовательно, общим методологическим подходом, который наиболее релевантен ее природе, должен выступить *метасистемный* подход.

Так, одним из основных этапов реализации общего цикла исследований, направленным на выявление и объяснение закономерностей функционального типа, имеющих местовзаимосвязи метакогнитивной сферы личности как регулятора управленческой деятельности и самой этой деятельности выступает изучение стилевых особенностей ее реализации, возникающих под детерминирующим воздействием факторов метакогнитивного плана. При этом следует учитывать, что само понятие индивидуально-стилевых различий имеет по отношению к управленческой дея-

тельности широко известную, прочную и общепринятую конкретизацию. Оно специфицируется до понятия общеуправленческих стилей (или стилей руководства), в результате чего обычно выделяются три «классических» стиля (авторитарный, демократический, или коллегияльный, и попустительский). Метасистемный подход имеет еще, как минимум, две важные теоретические предпосылки его постановки и актуальности при исследовании стилей управления. Во-первых, практически все процессы и образования, структуры и феномены метакогнитивного плана имеют итоговые результативные проявления и эффекты, а тем самым выступают как параметры функционирования субъекта, то есть как его качественные характеристики, как субъектные качества. Это в самом непосредственном смысле относится и к категории метакогнитивных качеств. В силу этого вся метакогнитивная сфера раскрывается и как система субъектных детерминант организации деятельности. Однако столь же известно, что именно категория субъектных детерминант является основной и ключевой в плане раскрытия особенностей и закономерностей формирования и функционирования стилей как таковых. Это и делает такую постановку данной проблемы максимально соответствующей и основным положениям современного метакогнитивизма, и общему смыслу стилевого направления в целом. Во-вторых, столь же известно, что сама суть факторов метакогнитивного плана сопряжена прежде всего именно с процессуальными – стратегическими, – а не с результативными проявлениями деятельности. Они значительно сильнее детерминируют именно ее процессуальную сторону, а в ее результативных показателях проявляются более опосредствованно и менее явно. Иными словами, это означает, что они также в наибольшей мере предстают как именно процессуальные, то есть собственно стилевые детерминанты (хотя, конечно, сохраняют и свою роль факторов собственно результативного плана). Однако, несмотря на все эти достаточно явные

и существенные предпосылки для постановки проблемы метакогнитивных детерминант общеуправленческих стилей, она не просто исследована недостаточно, но фактически даже не сформулирована как самостоятельная. Она выступает еще одной областью исследовательских «дефицитов», которыми характеризуется ситуация на стыке психологии управления и метакогнитивизма. Совершенно очевидно, однако, что эту проблему все же необходимо начинать разрабатывать: есть все основания полагать, что столь сильные и комплексные факторы, каковыми выступают факторы метакогнитивного плана, которые к тому же непосредственно локализованы на высшем осознаваемом уровне регуляции деятельности, могут оказывать существенное влияние на формирование и функционирование общеуправленческих стилей. В силу этого выполненное исследование и было направлено на попытку ее изучения.

Организация процедуры и методики исследования

Оно было организовано следующим образом. Вначале респонденты ($n = 110$, руководители среднего и низового звена ряда государственных и коммерческих предприятий и фирм) были продиагностированы на предмет стиливых различий их деятельности. В этих целях реализовывалась методика А. Л. Журавлева – А. П. Захарова [10]. В результате выборка была дифференцирована на три подгруппы в соответствии с тремя основными общеуправленческими стилями. При этом необходимо подчеркнуть, что «неопределенные» результаты испытуемых исключались из дальнейшей обработки. Далее по отношению ко всем испытуемым была реализована разработанная нами методика КОМП, позволяющая определить не только степень выраженности общего метакогнитивного потенциала в целом, но и меру выраженности всех восьми основных метакогнитивных подсистем, которые его и образуют и которые были выделены в наших предыдущих исследованиях [4, 5, 7]: метакогнитивная,

метарегулятивная, метакоммуникативная, метаэмоциональная, мониторинговая, ингибиторная, интеракционная и процедуральная. Наконец, все испытуемые были обследованы и на предмет выявления у них индивидуальной меры выраженности ряда основных метакогнитивных параметров. В этих целях были продиагностированы следующие параметры (с указанием использованных методик): методика «Метакогнитивной включенности в деятельность» (Metacognitive Awareness Inventory – MAI) [6]; методика диагностики рефлексивности (А. В. Карпов, В. В. Пономарева), включающая субшкалы определения ретроспективной рефлексивности, рефлексии настоящего, рефлексии будущего, а также интегральную оценку развития рефлексивности [6]; методика определения уровня выраженности и направленности рефлексии М. Гранта, включающая субшкалы диагностики ауторефлексии и социорефлексии (по [11]); методика «Самооценки метакогнитивного поведения» Д. ЛаКоста (по [6, 11]); разработанная нами методика определения уровня развития метамышления [113], а также методика диагностики уровня развития метапамяти (А. В. Карпов, И. М. Скитяева [11]); методика Д. Эверсон на диагностику меры и характера метакогнитивного мониторинга в части двух ее субшкал – «планирование действий» и «самопроверка» (в обозначениях шкал сохранена авторская терминология) (по [6]); методика Р. Фелдер и А. Саломон для диагностики рефлексивности как фактора обучаемости (субшкала «активность – рефлексивность»); методика MSLQ, направленная на диагностику уровня сформированности мотивационных метакогнитивных стратегий (по [6]).

Затем все полученные результаты были подвергнуты стандартной процедуре обработки и интерпретации, предусмотренной методологией структурно-психологического анализа. Это означает, что были рассчитаны матрицы интеркорреляций, причем на двух разных массивах данных: вначале – по отношению к отдельным параметрам метакогни-

тивной сферы, а затем – по отношению к ее основным подсистемам. Данное обстоятельство имеет принципиальное значение и объясняется следующим. Анализ отдельных параметров метакогнитивной сферы личности (то есть ее отдельных компонентов) означает ее исследование на том уровне общей организации, который был обозначен ранее в [4] как компонентный. В свою очередь, анализ основных подсистем, из которых в конечном итоге она и синтезируется, эквивалентен исследованию качественно иного уровня ее организации – субсистемного. За счет этого в исследовании было реализовано комплексное изучение данной проблемы одновременно на двух важнейших уровнях организации метакогнитивной сферы – компонентном и субсистемном. Очень показательно также, что выявленные особенности и закономерности оказались весьма сходными на обоих этих уровнях, причем не только по их принципиальному смыслу и общей направленности, но и в относительно частных аспектах. В силу этого в целях их характеристики остановимся только на одном из уровней, более обобщенном и, следовательно, более значимом, – на субсистемном. На основе полученных матриц строились структурограммы значимо коррелирующих отдельных метакогнитивных параметров, с одной стороны, и основных метакогнитивных подсистем – с другой. После этого матрицы и обрабатывались по системе основных структурных индексов, а также посредством критерия, служащего для определения степени их гомогенности-гетерогенности. В итоге реализации всех этих методов были получены следующие основные результаты.

Результаты и их обсуждение

Как отмечалось выше, определяющую роль в решении задач данной работы играет сравнительный анализ структурных индексов, характерных для каждого из стилей. Так, на рис. 1 представлено соотношение значений основных структурных индексов

для всех трех подгрупп, включавших представителей разных стилей.

Анализ этих результатов позволяет сделать следующие основные заключения. Во-первых, для разных стилей различны и значения структурных индексов (индексов интегрированности, дифференцированности и общей организованности). Однако сравнительная степень их изменений существенно различна: в значительно большей мере представлены изменения именно индекса интегрированности. И именно его изменениями в существенно большей степени детерминирована динамика наиболее общего и важного структурного индекса, показывающего общую организованность структуры основных метакогнитивных подсистем. Следовательно, в основе структурной детерминации стилевых различий метакогнитивными подсистемами лежат прежде всего интегративные средства и механизмы, а не средства дифференциального типа. Данное обстоятельство, в свою очередь, выявляет факт принципиального плана, одновременно служащий и его объяснительным средством.

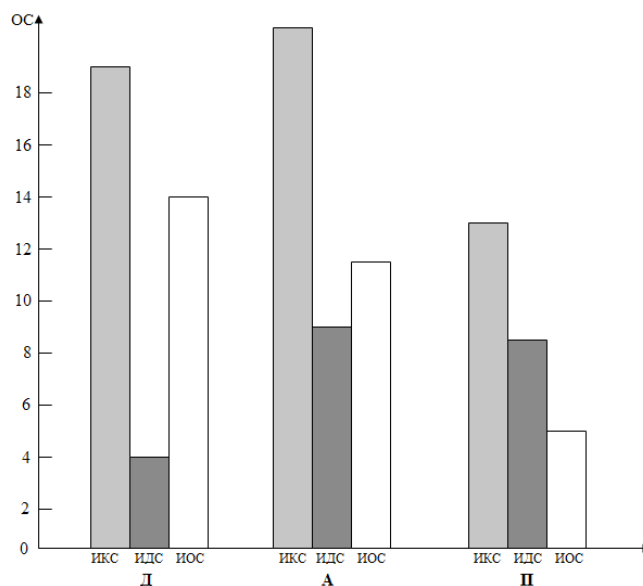

Рис. 1. Значения индексов структурной организации метакогнитивных параметров для демократического (Д), авторитарного (А) и попустительского (П) стилей. И – значения структурных индексов

Именно интеграция – комплексирование субъектных детерминант, в том числе и тех, которые рассмотрены выше, являются объективной предпосылкой и важнейшим условием для возможности установления между ними отношений компенсаторного типа, которые во многом лежат в основе формирования стилей. Во-вторых, в подгруппах, выделенных на основе стиливых различий, не только достаточно ощутимо меняется величина этих индексов и, еще раз отметим, прежде всего наиболее показательного из них – индекса организованности. Дело еще и в том, что эти различия закономерным образом связаны со сравнительной мерой эффективности самих стилей. Так, можно видеть, что подгруппа испытуемых, принадлежащих к демократическому стилю, рассматриваемому обычно как оптимальный, характеризуется одновременно и относительно наибольшим значением ИОС. Несколько меньше величина ИОС в подгруппе, характеризующейся авторитарным стилем. Третья подгруппа, включающая лиц с наименее эффективным стилем – попустительским, характеризуется существенно меньшим значением ИОС. Данный результат позволяет выявить важную, как мы полагаем, закономерность: эффективность управленческих стилей является функцией от степени интегрированности основных метакогнитивных подсистем, причем, скорее всего, «активным началом» в этой функциональной связи выступают не сами метакогнитивные подсистемы и средства их структурообразования, а именно стили. Дело в том, что они формируются под влиянием существенно более мощных детерминант собственно личностного плана. Тем не менее факт остается фактом: организованность метакогнитивной сферы существенно различна при различных общеуправленческих стилях. Чем они более эффективны, тем выше мера организованности основных метакогнитивных подсистем. В-третьих, определенный интерес представляет и еще один результат, который следует из так сказать «попарного сравнения»

найденных структур. Так, по отношению к структуре метакогнитивных подсистем, найденных для авторитарного стиля, весьма отчетливо выявляется факт важной функциональной роли в ней одной из подсистем, которая была обозначена понятием ингибиторной подсистемы. Как подчеркивалось нами в [4–5], она имеет целый ряд важных причин своего возникновения именно в управленческой деятельности, а также направлений влияния на нее, заключающихся в минимизации функциональной роли рефлексивных средств и механизмов организации деятельности, а зачастую и в их произвольной блокаде. Однако можно видеть, что именно этот характер и направленность данной подсистемы как нельзя более полно и точно соответствует сути авторитарного стиля как такового. Следует учитывать также, что высокая выраженность ингибиторной подсистемы отнюдь не всегда, а на деле достаточно редко выступает фактом отрицательного плана; как раз напротив: во многих случаях она играет позитивную роль. Она является нередко одним из факторов обеспечения эффективности управленческой деятельности, особенно в жестких и (или) экстремальных условиях ее реализации. В этой связи очень показательным, что степень организованности структуры метакогнитивных подсистем в группе лиц с авторитарным и демократическими стилями оказалась, как отмечалось, очень близкой. Это как раз и свидетельствует о сопоставимости или даже о сходстве этих стилей в плане их эффективности. При сравнении двух других «пар» обнаруживается существенно иная картина. Так, для структур метакогнитивных подсистем, соотносящихся с демократическим и попустительским стилями, не было выявлено ни одной подсистемы, отчетливо доминирующей над всеми остальными (как это характерно для авторитарного стиля), то есть являющейся базовой в них. Для этих структур, напротив, характерна относительная паритетность – равномерность их представленности и, соответственно, их функциональной роли

в обеспечении метакогнитивной регуляции в целом. Однако на фоне этой общей для них особенности они характеризуются иным, пожалуй, еще более существенным различием. Это – различия в степени организованности, проявляющиеся в существенно разных величинах ИОС. Причем этот индекс выше именно в той подгруппе, которая характеризуется принадлежностью к более эффективному стилю – демократическому. Данный результат вновь, но уже в ином плане выявляет все ту же наиболее принципиальную закономерность: эффективность стиля напрямую связана со степенью организованности основных метакогнитивных подсистем. Роль «активного начала» в этой функциональной связи опять-таки выполняет стиль как образование, формирующееся под влиянием относительно наиболее мощных собственно личностных детерминант. Вместе с тем, по-видимому, и факторы метакогнитивного плана могут оказывать значимое обратное влияние на реализацию стиля, прежде всего на его коррекцию и ситуационные трансформации. В-четвертых, сравнения найденных для каждого стиля матриц интеркорреляций основных метакогнитивных подсистем по критерию χ^2 на предмет их гомогенности-гетерогенности показало их статистически значимую разнородность. Данный результат, на наш взгляд, следует рассматривать вообще как наиболее принципиальный. Он с высокой степенью рельефности выявляет то, что в основе реализации общеуправленческих стилей лежат не отдельные, пусть важные, но все же частные, метакогнитивные параметры и даже не их совокупность, а определенным образом организованные структуры основных метакогнитивных подсистем. Они являются различными не только количественно, но и качественно. Это не «одна и та же» инвариантная структура, принимающая разные степени организованности в зависимости от доминирующего стиля, а разные структуры. Следовательно, управленческие стили имеют собственно структурную, а не аналитическую детерминацию в плане тех мета-

когнитивных факторов, на основе которых они реализуются. Основные общеуправленческие стили имеют свой специфичный каждому из них «паттерн» метакогнитивных факторов, их структуру. Эти структуры качественно различны, отражая в себе (а частично и объясняя) содержательные особенности общеуправленческого стиля. Вместе с тем, констатируя эти достаточно общие и значимые закономерности, недопустимо и схематизировать ситуацию, не допуская неоправданного преувеличения роли факторов метакогнитивного плана. Напротив, их оценка должна быть взвешенной и адекватной; она должна учитывать относительную подчиненность «силы» их влияния более мощным факторам собственно личностного плана, которые являются ведущими детерминантами существования стилевых различий. Причем истинное значение и действительный смысл влияния факторов метакогнитивного плана заключается не только и даже не столько в их прямом действии, сколько в том, что они опосредствуют действие многих иных, в том числе и личностных детерминант.

Выводы

1. Теоретический анализ по проблеме управленческой деятельности показал, что метакогнитивные детерминанты оказывают значимое влияние на ее результативные параметры. Вместе с тем их влияние на процессуальные (стилевые) характеристики этой деятельности остается практически неизученным.

2. По результатам исследования установлено, что общеуправленческие стили имеют структурную, а не аналитическую детерминацию в отношении тех метакогнитивных факторов, на основе которых они формируются.

3. Основные общеуправленческие стили значимо различаются по всем трем структурным индексам.

4. Существует закономерное соответствие структурной организованности метакогнитивных детерминант эффективности самих общеуправленческих стилей.

Ссылки

1. Карпов А. В., Карпов А. А., Маркова Е. В. Психология принятия решения в управленческой деятельности. Метасистемный подход. Ярославль; М.: РАО, 2016. 644 с.
2. Карпов А. В. Психология деятельности: в 5 т. М.: РАО, 2015.
3. Шадриков В. Д. Способности и деятельность. М.: 1995. 405 с.
4. Карпов А. А. Структура метакогнитивной регуляции управленческой деятельности. Ярославль, 2018. 784 с.
5. Карпов А. А. Особенности структурно-функциональной организации метакогнитивной сферы личности в управленческой деятельности // Ярославский психологический вестник. Вып. 2 (44). М.; Ярославль: Титул, 2019. С. 64–69.
6. Карпов А. А., Карпов А. В. Введение в метакогнитивную психологию: учебное пособие. М.: МПСУ, 2015. 512 с.
7. Карпов А. А. Новые методики исследования метакогнитивной регуляции управленческой деятельности: учебное пособие. М.: МПСУ, 2019. 115 с.
8. Metcalfe J. Evolution of metacognition // Handbook of Metamemory and Memory. New York: Psychology Press, 2008. P. 29–46.
9. Perfect T. J., Schwartz B. L. Applied Metacognition. Cambridge University Press, 2002. 220 p.
10. Журавлев А. Л. Психология управленческого взаимодействия. М.: Институт психологии РАН, 2004. 474 с.
11. Карпов А. В., Скитяева И. М. Психология метакогнитивных процессов личности. М.: ИП РАН, 2005. 325 с.

Ideas about the subject of medical psychology in the works of russian scientists of the second half of the twentieth century

N. A. Vlasov¹

¹Russian State Social University, 4 Wilhelm Pieck street, Moscow 129226, Russian Federation

Research article
Full text in Russian

This article considers the ideas about the subject of medical psychology in the works of Russian psychiatrists and psychologists of the second half of the twentieth century. At the beginning of the work has given a brief description of the state of psychological science in the specified time period. In the course of the study have discovered 19 works of such important scientists for this branch of psychology as V.N Myasishchev, M.S. Lebedinsky, K.K. Platonov and a number of others. It was found that in the studied works there are significant differences in the definition of the subject of medical psychology.

Keywords: subject of science; medical psychology; clinical psychology; history of psychology; psychology of health and disease

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Vlasov Nikita A. | E-mail: kaiser85@yandex.ru
| Candidate of Sciences in Psychology

Представления о предмете медицинской психологии в трудах отечественных ученых второй половины XX века

Н. А. Власов¹

¹Российский государственный социальный университет, ул. Вильгельма Пика, 4, Москва, 129226, Российская Федерация

УДК 159.9 (091)
Научная статья

В статье изложены представления о предмете медицинской психологии в трудах отечественных психиатров и психологов второй половины XX века. В начале работы дается краткая характеристика состояния психологической науки в указанный временной период. В ходе исследования было изучено 19 работ таких значимых для данной отрасли психологии ученых, как В. Н. Мясищев, М. С. Лебединский, К. К. Платонов и ряда других. Было установлено, что в изученных работах наблюдаются значительные разногласия в вопросе определения предмета медицинской психологии.

Ключевые слова: предмет науки; медицинская психология; клиническая психология; история психологии; психология здоровья и болезни

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Власов Никита Анатольевич | E-mail: kaiser85@yandex.ru
Кандидат психологических наук

Актуальность

Как и любая другая отрасль психологии, медицинский ее раздел имеет ряд методологических проблем. К таковым можно отнести: неопределенность объектно-предметной области и связанную с этим мультипарадигмальность медицинской психологии (как и психологии в целом); слабость законодательной базы, регламентирующей как подготовку медицинских психологов, так и их профессиональную деятельность; множественность критериев здоровья и болезни (нормы и патологии), отсутствие четкого выделения протективных факторов; нечеткость и изменчивость диагностических критериев психических, психосоматических заболеваний, вызывающие трудности моделирования и классификации расстройств; противоречивость границ видов оказания медико-психологической помощи (психологическое вмешательство, психологическая коррекция, психотерапия, психологическое консульти-

рование, психологическое сопровождение и т. д.); отсутствие разработанных и принятых профессиональным сообществом стандартов оказания медико-психологической помощи (как и отсутствие организованного сообщества медицинских психологов страны) [1–3]. При этом необходимо отметить, что проблема объектно-предметной области, видимо, «преследует» медицинскую психологию с момента самого ее зарождения [3–5].

Пограничный характер медицинской психологии, находящейся на стыке психологии и психиатрии, привел в итоге к «комплексу глубинных методологических рассогласований как с медициной, так и с психологией» [6]. Все это побуждает обратиться к проблеме предмета медицинской психологии.

Для того чтобы ответить на вопрос, что является предметом медицинской психологии, мы решили провести исследование его определений в работах отечественных психологов, написанных во второй половине XX века, так

как ученый, как указывает историк М. Блок, может «понять настоящее с помощью прошлого» [7]. Такая работа приобретает смысл в свете особой, по мнению Г. В. Залевского, ««аисторичности» клинических психологов» [4].

Краткая характеристика состояния психологической науки во второй половине XX века

Прежде чем непосредственно приступить к анализу представлений о предмете медицинской психологии во второй половине XX века, необходимо дать краткую характеристику указанного временного периода с исторической и психологической точек зрения. Вторая половина XX века для нашей страны не была однородной: ее социальные, политические и экономические составляющие изменялись со временем.

В начале 1950-х годов сильное давление на психологию оказывалось как в процессе космополитической кампании [8], так и после двух Павловских сессий (первая – совместная сессия Академии наук СССР и Академии медицинских наук СССР – проходила в Москве с 28 июня по 4 июля 1950 года; вторая – объединенное заседание расширенного президиума Академии медицинских наук СССР и Пленума правления Всесоюзного общества невропатологов и психиатров – проходила с 11 по 15 октября 1951 года), оказавших огромное влияние и воздействие на психологию [9]. Как известно, в результате происшедшей в то время перестройки психологии особое внимание было уделено двум принципиально важным методологическим положениям: 1) изучению психического на основе взаимосвязи психических явлений и внешних материальных условий и 2) признанию и доказательству того, что возможно объективное изучение субъективных по своей природе психических явлений [9]. Со смертью И. В. Сталина в марте 1953 года закончилась целая эпоха в жизни СССР, хотя она и продолжалась отчасти по инерции в течение нескольких лет. В феврале 1956 года состоялся XX съезд КПСС, в результате которого были предприняты меры по демократизации общества (т. н. «оттепель») [10]; идеологический пресс, оказавший особо сильное давление на психологию с начала десятилетия, несколько ослаб.

Со второй половины 1960-х годов до середины 1980-х в СССР наблюдался период т. н. «застоя», под которым обычно понимают политическую консервацию существующего строя при одновременном постепенном замедлении экономического роста [10]. Психология же, как указывают авторы труда «Психологическая наука в России XX столетия», переживала «относительно спокойный, с точки зрения политического и идеологического воздействия на психологию, период ее развития» [9]. В это время шла активная разработка теоретико-методологических основ психологических исследований; активизировались конкретно-научные исследования в области психологии, в т. ч. исследования природных основ психики и проблем познавательной деятельности человека; происходило формирование новых направлений и отраслей психологии; стали заметны тенденции к интеграции психологических исследований, получили развитие комплексный и системный подходы в психологии [9]. В это время активно развивается история психологии и, в особенности, ее методология [8].

Переломный момент в истории Советского государства наступил во второй половине 1980-х годов, когда руководство страны во главе с М. С. Горбачевым выбрало курс на «перестройку» [10]. В результате реформ произошло крушение социалистической социально-экономической системы в СССР и восточно-европейских странах [11]. Как известно, это привело к ломке привычного жизненного уклада миллионов людей, социально-экономической деградации государства и большинства его населения. Резко сократились инвестиции в науку, начал падать общественный престиж научной деятельности. Указанные процессы не могли не отразиться и на психологии. Произошел пересмотр методологических основ отечественной психологической науки, изменилось направление ее развития [8]. Исчезновение идеологического прессы и диктата марксистско-ленинской традиции в социальных и гуманитарных науках в сочетании с появившейся возможностью к широкому изучению психологических работ зарубежных авторов и с растущей потребностью общества в практической психологии привело к иному распределению приоритетности

фундаментальных и прикладных разработок в пользу последних [9].

Особенности исследования и база источников

В качестве материала для исследования были отобраны 19 источников, посвященных медицинской психологии, которые были написаны отечественными учеными во второй половине XX века. В данную совокупность не были включены работы, относящиеся к пато- и нейропсихологии, так как эти разделы психологии имеют свой предмет изучения [12–15]. Источники были отобраны по следующим критериями: 1) написаны между 1950-м

и 2000-м годами; 2) имеют прямое отношение к медицинской психологии, т. е. представляют собой монографии, главы в монографиях или статьи, в названии которых присутствует словосочетание «медицинская психология»; 3) написаны известными учеными в областях медицины и психологии, осуществившими заметный вклад в развитие науки. Полнота и адекватность источниковой базы цели исследования подтверждается ссылками на ее составляющие в современных работах по медицинской (клинической) психологии [2, 5, 7, 16–19].

Изучение источников позволило составить таблицу, представленную ниже (табл. 1).

Таблица 1

Предмет медицинской психологии

Авторы	Источник	Определение предмета медицинской психологии
А. А. Портнов, Д. Д. Федотов	«Психиатрия», 1960 г.	Различные стороны психической деятельности больного человека, имеющие отношение к возникновению, течению и предупреждению болезней; влияние различных болезней на психическую деятельность человека, на личность в целом.
М. С. Лебединский, В. Н. Мясищев	«Введение в медицинскую психологию», 1966 г.	Роль и место психических особенностей личности в предупреждении, возникновении, течении и лечении болезней, в деле укрепления и сохранения здоровья людей.
В. М. Банщиков, В. С. Гуськов, И. Ф. Мягков	«Медицинская психология», 1967 г.	Личность больного человека в широком смысле этого слова, медицинский работник, взаимоотношения больного и медицинского работника на разных этапах их общения.
В. Н. Мясищев, Б. Д. Карвасарский, С. С. Либих, И. М. Тонконогий	«Основы общей и медицинской психологии», 1968 г.	Психические проявления болезней, роль психики в их течении, возникновении, лечении и предупреждении, а также в укреплении здоровья.
Н. В. Канторович	«Медицинская психология», 1971 г.	Психология больного, соматопсихические и психосоматические взаимодействия, роль сознательного и бессознательного в происхождении и течении болезней.
А. Л. Зюбан	«Основы медицинской психологии», 1972 г.	Психология соматически больного.
Л. А. Стукалова	«К вопросу о преподавании медицинской психологии», 1974 г.	Взаимоотношения врача и больного.
К. К. Платонов	«Методологические проблемы медицинской психологии», 1977 г.	Патологические изменения психических процессов, состояний и свойств личности.
А. П. Слободяник	«Психотерапия, внушение, гипноз», 1977 г.	Роль психических факторов в возникновении, течении, лечении и предупреждении болезней, а также психические проявления болезней.

Авторы	Источник	Определение предмета медицинской психологии
В. М. Банщиков	«Дискуссионные вопросы медицинской психологии», 1978 г.	Психологические аспекты болезни, больного, врача, профилактики, реабилитации.
М. М. Кабанов, Б. Д. Карвасарский	«Актуальные задачи медицинской психологии», 1978 г.	Личность больного человека и ее отношения с социальной средой.
Н. Д. Лакосина, Г. К. Ушаков	«Медицинская психология», 1984 г.	Многообразные особенности психики больного и их влияние на здоровье и болезнь, а также обеспечение оптимальной системы психологических целебных влияний, в том числе всех обстоятельств, сопутствующих обслуживанию больного, которое правомерно объединить в систему врач-пациент.
Л. А. Карпенко, А. В. Петровский, М. Г. Ярошевский	«Краткий психологический словарь», 1985 г.	Деятельность врача, медицинского персонала, их отношение к больному, психология больных и их отношения между собой, роль психологических факторов в возникновении психосоматических заболеваний, ятрогении, психологический климат медицинских учреждений.
В. М. Блейхер, И. В. Крук	«Толковый словарь психиатрических терминов», 1995 г.	Особенности психики больного человека, а также психологические особенности профессиональной деятельности медицинских работников, взаимоотношения между ними и больными.
Л. Д. Столяренко	«Основы психологии», 1996 г.	Психологические особенности деятельности врача и поведения больного, психологические методы лечения и психотерапии.
А. Л. Гройсман	«Медицинская психология», 1997 г.	Психологические закономерности больного человека, психология медработников (врачей, среднего и младшего медперсонала), психология повседневного общения «врач-больной», особенности психологической атмосферы лечебно-профилактических учреждений.
С. Ю. Головин	«Словарь практического психолога», 1998 г.	Психологические аспекты гигиены, профилактики, диагностики, лечения, экспертизы и реабилитации больных.
В. Д. Менделевич	«Клиническая и медицинская психология», 1998 г.	Психологические особенности людей, страдающих различными заболеваниями, методы и способы диагностики психических отклонений, дифференциации психологических феноменов и психопатологических симптомов и синдромов, психология взаимоотношений пациента и медицинского работника, психопрофилактические, психокоррекционные и психотерапевтические способы помощи пациентам, а также теоретические аспекты психосоматических и соматопсихических взаимовлияний.
П. И. Сидоров, А. В. Парняков	«Введение в клиническую психологию», 2000 г.	Основные закономерности психологии больного человека, проблемы психологии врача (медицинского работника) и психологии лечебного процесса; взаимоотношения психического и соматического в человеке, медицинские аспекты учения об индивидуальности и этапах постнатального онтогенеза ее, а также психологические проблемы психогигиены, психопрофилактики и медицинской деонтологии.

Анализ указанных определений позволил выявить основное содержание предмета медицинской психологии. Всего нами было выделено 16 вариантов: личность и болезнь; психологическая составляющая возникновения, течения, лечения и предупреждения болезней; отношения в диаде «больной-медработник»; психосоматические и соматопсихические взаимовлияния; психологический климат в медицинских учреждениях; психология медицинского работника; диагностика психических отклонений; психические проявления болезней; психология соматически больного; патологические изменения психических процессов и состояний; отношения больного с социальной средой; особенности психики больного; ятрогении; реабилитация больных; индивидуальность и ее постантальный онтогенез; медицинская деонтология. Некоторые из указанных вариантов можно было бы объединить в одну группу и уменьшить их общее количество, например соединив такие, как «особенности психики больного» и «патологические изменения психических процессов и состояний», однако из-за того, что авторы не всегда приводили однозначные трактовки используемых понятий, было решено этого не делать.

Указанные содержательные варианты были проранжированы в зависимости от частоты их упоминания в анализируемых определениях предмета медицинской психологии. В результате был получен следующий рейтинг (от наиболее часто упоминаемых к наименее):

1. Психологическая составляющая возникновения, течения, лечения и предупреждения болезней (упоминается в 12 источниках, что составляет 63,15 % от их общего числа);

2. Особенности психики больного (упоминается в 9 источниках – 47,36 % от их общего числа);

3. Отношения в диаде «больной-медработник» (упоминается в 7 источниках – 36,84 %);

4. Личность и болезнь (упоминается в 6 источниках – 31,57 %);

5. Психология медицинского работника (упоминается в 5 источниках – 26,31 %);

6. Психосоматические и соматопсихические взаимовлияния (упоминается в 4 источниках – 21,05 %);

7. Диагностика психических отклонений (упоминается в 3 источниках – 15,78 %);

8. Психологический климат в медицинских учреждениях, психические проявления болезней (упоминаются в 2 источниках – 10,52 %);

9. Психология соматически больного, патологические изменения психических процессов и состояний, отношения больного с социальной средой, особенности психики больного, ятрогении, реабилитация больных, индивидуальность и ее постантальный онтогенез, медицинская деонтология (упоминаются в 1 источнике – 5,26 %).

Как было показано выше, наиболее часто в анализируемых источниках упоминался такой предмет, как возникновение, течение, лечение и предупреждение болезней. Это не удивительно, так как психологический фактор играет одну из ведущих ролей в этиологии психических и психосоматических расстройств; он же оказывает влияние на их течение. Психологическая составляющая лечения заболеваний может быть связана и с психотерапией (психокоррекцией), и с отношением пациента к своей болезни, и, следовательно, с его активностью в борьбе с ней. Не менее важную роль играет профилактика (первичная, вторичная и третичная) заболеваний.

Второй по частоте упоминания вариант – это «Особенности психики больного». Это довольно широкая трактовка предмета медицинской психологии, причем настолько широкая, что может включить в себя практически все остальные (за исключением тех, которые имеют отношение к медицинскому персоналу и лечебным учреждениям). Любопытно, что эта проблема значительно чаще стала упоминаться в работах, опубликованных после 1985 года.

Третья версия предмета медицинской психологии содержит указание на взаимодействие пациента с медицинскими работниками, в первую очередь с врачами и средним медицинским персоналом. В этом нет ничего удивительного, так как один из основных практических запросов медицины в адрес психологии связан с трудностями мотивирования больных на лечение при анозогнозическом типе отношения к болезни; здесь же еще одна известная «болячка» медицины – нетактичное и даже неэтичное общение врача с больным, в резуль-

тате которого может возникать ятрогения (как правило, информационная ее разновидность, хотя бывают и другие варианты).

Четвертая по частоте упоминания трактовка в анализируемых источниках связана с личностью больного человека. Феномен «болезненной» личности был в центре внимания исследователей из ленинградской школы медицинской психологии (В. М. Бехтерев, В. Н. Мясищев, М. С. Лебединский, Б. Д. Карвасарский и др).

Психология медицинского работника упоминается в качестве предмета медицинской психологии в 5 источниках, что составляет 26,31 % от их общего числа. Такой взгляд на содержание данного раздела психологии подтверждает важность научных исследований в области психологии профессиональной деятельности медиков.

Шестая выявленная трактовка, посвященная психосоматическим и соматопсихическим взаимодействиям, содержит указание на необходимость исследования соотношения духовного и плотского, их взаимного влияния. Интересно, что этот подход упоминается в четырех источниках, три из которых вышли после 1985 года (Карпенко, Петровский, Ярошевский, 1985; Менделевич, 1998; Сидоров, Парняков, 2000), что может говорить 1) о постепенном изменении взглядов ученых на модель психических расстройств, о движении от органическо-биологической концепции в сторону биопсихосоциальной и 2) о признании значимости психологической составляющей соматических состояний.

Седьмой по частоте упоминаний вариант в анализируемых источниках связана с диагностикой психических отклонений. То, что это содержание упоминается всего лишь в трех определениях предмета медицинской психологии из девятнадцати, связано с тем, что диагностика, особенно дифференциальная, является первой практической задачей патопсихологии [12–13]. Из вышеописанного следует, что решение этой задачи было «оттянуто» патопсихологией у медицинской психологии, хотя и понятно, что патологическая психология является ее разделом.

Трактовками, упоминаемыми в двух источниках, являются «Психологический климат в медицинских учреждениях» и «Психи-

ческие проявления болезней». Первая из них представлена в работах 1985 (Карпенко, Петровский, Ярошевский) и 1997 годов (Гройсман). Мы это связываем с тем, что к указанному временному периоду данная тематика, существовавшая и ранее, начала становиться менее табуированной. Второй вариант довольно «размыт» и может быть объединен с рядом других, например с «Психологической составляющей возникновения, течения, лечения и предупреждения болезней» или «Патологическими изменениями психических процессов и состояний».

Наконец, наименее часто в рассматриваемых источниках упоминаются самые разнообразные версии, относимые различными авторами к предмету медицинской психологии и характеризующиеся зачастую содержательной неоднозначностью. Так, вариант «Психология соматически больного» сужает предмет рассматриваемой отрасли, исключая из него психологию психически больного; «Отношения больного с социальной средой» включает в себя не только взаимодействие в диаде «больной-медработник», но и коммуникацию с иными представителями социума, в первую очередь с членами семьи и коллегами по работе; проблемы «Ятрогении» и «Медицинской деонтологии» отражают психологические и профессиональные аспекты лечебной деятельности. Почти все указанные трактовки могут быть объединены с другими версиями в более крупные группы. Их значимость, определяемая частотой упоминания в анализируемых источниках (5,26 %), является довольно невысокой.

На основании проведенного исследования можно сделать следующие **выводы**:

1. В работах психологов и психиатров второй половины XX века наблюдаются значительные разногласия в вопросе определения предмета медицинской психологии;

2. Единственной трактовкой предмета этой отрасли психологии, упомянутой более чем в половине анализируемых источников (63,15 %), является «Психологическая составляющая возникновения, течения, лечения и предупреждения болезней»;

3. Каждая из остальных 15 вариантов упоминается менее чем в половине рассмотренных источников (5,26–47,36 %).

Ссылки

1. Василенко Т. Д. Методологические проблемы медицинской психологии // Медицинская психология в России: электрон. науч. журн. 2017. Т. 9, № 6(47). URL: <http://mprj.ru> (дата обращения: 12.04.2020).
2. Клиническая психология: в 4 т. Т. 1: Общая патопсихология / под ред. А. Б. Холмогоровой. М.: Академия, 2013. 464 с.
3. Платонов К. К. Методологические проблемы медицинской психологии. М.: Медицина, 1977. 96 с.
4. Залевский Г. В. История клинической психологии. М.: Юрайт, 2019. 180 с.
5. Золотова Н. В., Мазиллов В. А., Базиков М. В. Отечественная медицинская (клиническая) психология: проблемы истории становления и развития // Медицинская психология в России: электрон. науч. журн. 2014. № 6(29). URL: <http://mprj.ru> (дата обращения: 11.04.2020).
6. Пережигина Н. В. Становление клинической психологии и формирование объективного клинико-психологического метода в России // Развитие психологии в системе комплексного человекознания. М.: Институт психологии РАН, 2012. Ч. 2. С. 111–113.
7. Блок М. Апология истории, или Ремесло историка. М.: Наука, 1986. 254 с.
8. Кольцова В. А. История психологии. Проблемы методологии. М.: Институт психологии РАН, 2008. 512 с.
9. Психологическая наука в России XX столетия: проблемы теории и истории / под ред. А. В. Брушлинского. М.: Институт психологии РАН, 1997. 576 с.
10. Мунчаев Ш. М., Устинов В. М. История Советского государства. М.: Норма, 2008. 720 с.
11. Понтинг К. Всемирная история. Новый взгляд. М.: АСТ, 2010. 958 с.
12. Зейгарник Б. В. Введение в патопсихологию. М.: Издательство Московского университета, 1969. 172 с.
13. Зейгарник Б. В. Патопсихология. М.: Издательство Московского университета, 1986. 287 с.
14. Лурия А. Р. Лекции по общей психологии. СПб.: Питер, 2006. 320 с.
15. Хомская Е. Д. Нейропсихология. СПб.: Питер, 2018. 496 с.
16. Блейхер В. М., Крук И. В. Толковый словарь психиатрических терминов. Воронеж: МОДЭК, 1995. 640 с.
17. Деларю В. В. Клиническая психология и медицинская психология: соотношение понятий // Бюллетень Волгоградского научного центра РАМН и АВО. 2005. № 3–4. С. 45–47.
18. Залевский Г. В. Почему «путь развития клинической психологии имеет извилистый характер», а «клинические психологи удивительно аисторичны»? // Медицинская психология в России: электрон. науч. журн. 2016. № 4(39). URL: <http://mprj.ru> (дата обращения: 10.04.2020).
19. Менделевич В. Д. Медицинская психология. Ростов-на-Дону: Феникс, 2018. 460 с.

Research of socio-psychological properties of the personality of persons engaged in meditative practices

A. V. Narkevich¹, V. V. Kozlov¹

¹P. G. Demidov Yaroslavl State University, 14 Sovetskaya str., Yaroslavl 150003, Russian Federation

Research article
Full text in Russian

This article discusses the concept of meditative practices as psychotechnics, describes the socio-psychological properties of the individual, the object, subject, and research methods, and presents the results of the first stage of the study of the influence of meditative practices on the socio-psychological properties of the individual.

Keywords: meditative practices; socio-psychological properties of the individual; self-actualization

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Narkevich Alexander V. | E-mail: alnar@mail.ru
Candidate of Sciences degree seeking applicant

Kozlov Vladimir V. | E-mail: kartazov@uniar.ac.ru
Doctor of Sciences in Psychology, Professor

Исследование социально-психологических свойств личности лиц, занимающихся медитативными практиками

А. В. Наркевич¹, В. В. Козлов¹

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, ул. Советская, 14, Ярославль, 150003, Российская Федерация

УДК 159.9
Научная статья

В статье рассмотрено понятие медитативных практик как психотехник, описаны социально-психологические свойства личности, объект, предмет и методы исследования, а также представлены результаты первого этапа исследования влияния медитативных практик на социально-психологические свойства личности.

Ключевые слова: медитативные практики; социально-психологические свойства личности; самоактуализация

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Наркевич Александр Владимирович | E-mail: alnar@mail.ru
Соискатель

Козлов Владимир Васильевич | E-mail: kozlov@zi-kozlov.ru
Доктор психологических наук, профессор

Медитативные практики из древности пришли в западную культуру с Востока и в наше время приобрели большую популярность в связи с их развивающими, мобилизующими возможностями и способностью воздействовать на духовный и психический потенциал личности. Освобожденная от религиозных концепций прошлого, медитация с точки зрения психологии представляет собой особый процесс обучения человека психическому самовоздействию и духовному самосовершенствованию.

Широкое развитие и конкретную тематическую направленность медитация получила

в различных религиозных традициях и його-ческих практиках.

Понятие «медитация» в рамках психологии появилось относительно недавно. В современных психологических словарях определения медитации описывают ее чаще всего как «размышление, самоуглубление, самонаблюдение, созерцание» [1].

На сегодняшний день благоприятное влияние медитативных практик на психологическое и физическое состояние людей не вызывает сомнения. Психофизиологи и психологи связывают положительный эффект от медитации со свойствами нервной системы чело-

века и рассматривают ее как эффективную аутопсихотехнику.

Выявлено, что занятия медитативными практиками снижают уровень агрессии, улучшают концентрацию внимания, помогают избавиться от навязчивых состояний и депрессии [2–3]. Во многих странах мира медитацию успешно используют для решения различных проблем, преодоления кризисов, обретения уверенности в себе, повышения энергетических ресурсов, развития и совершенствования личности.

В настоящее время медитативные практики широко применяются для повышения стрессоустойчивости и успеваемости в государственных и частных школах США, многих стран Латинской Америки, Индии, а также в отдельных организациях, оказывающих психологическую помощь в Европе, Азии и Африке [4].

В России наибольшее распространение и популярность приобрели медитации как психотехники с применением произвольной концентрации внимания (концентративные медитации).

Анализ отечественной и зарубежной литературы показал, что интерес к медитации со стороны научной общественности растет. За три последних десятилетия было опубликовано несколько тысяч научных исследований различных методов медитативных практик, оказывающих позитивное влияние на психофизиологическое состояние, физическое и психическое здоровье человека [5–7, 13–15]. Однако проблема влияния данных практик на социально-психологические свойства личности занимающихся слабо изучена и остается актуальной.

Цель данного исследования – показать влияние занятий медитативными практиками на социально-психологические свойства личности.

Объект исследования – социально-психологические свойства личности.

Предметом исследования является феноменология влияния занятий медитативными

практиками на социально-психологические свойства личности.

К социально-психологическим свойствам личности относятся особенности ее контакта с социальной средой. Основой для выделения социально-психологических свойств служат отношения личности с социальной действительностью.

В. Н. Мясищев предложил рассматривать социально-психологические качества личности в соответствии с отношением личности к себе, к другим людям, к вещам, к природе и окружающему миру в целом.

Гипотеза исследования – занятия медитативными практиками усиливают такие свойства личности, как волевая саморегуляция, способность к самоконтролю, увеличивают уровень осознанности, ответственности и ведут к росту общей удовлетворенности жизнью.

В соответствии с заданной целью и выдвинутой гипотезой необходимо решить следующие задачи:

- 1) провести теоретический анализ состояния проблемы влияния медитативных практик на социально-психологические свойства личности;
- 2) выявить влияние занятий медитативными практиками на волевою сферу и способность к самоконтролю;
- 3) раскрыть зависимости смысложизненных ориентаций от занятий медитативными практиками;
- 4) исследовать влияния применяемых медитативных практик на осознанность эмоций;
- 5) описать зависимости между феноменом самоактуализации личности и занятиями медитативными практиками.

Для проверки гипотезы были выбраны такие методы психодиагностики, как наблюдение, интервьюирование и тесты. В исследовании были использованы пять следующих тестов:

1. Тест-опросник А. В. Зверькова и Е. В. Эйдмана «Исследование волевой саморегуляции». Тест позволяет оценить общий

уровень волевой саморегуляции участников, способность владеть собственным поведением в различных ситуациях и сознательно управлять своими действиями, состояниями и побуждениями [7];

2. Для исследования выраженности самоконтроля в эмоциональной сфере, деятельности, поведении (социальный самоконтроль) использован тест-вопросник Г. С. Никифорова, В. К. Васильева, С. В. Фирсова [8];

3. Эмпирическое исследование ценностно-мотивационной сферы проводилось с использованием «Теста смысложизненных ориентаций» («СЖО») в редакции Д. А. Леонтьева (Леонтьев, 2000) [8]. Тест «СЖО» является адаптированной версией теста «Цель в жизни» (Purpose-in-Life Test, PIL) Джеймса Крамбо и Леонарда Махолика. Методика была разработана авторами на основе теории стремления к смыслу и логотерапии В. Франкла и преследовала цель эмпирической валидации ряда представлений этой теории, в частности представлений об экзистенциальном вакууме и ноогенных неврозах;

4. Для оценки эмоциональной сферы применялся тест эмоционального интеллекта (EQ). В качестве базы при разработке теста использовалась методика М. Холла, которую представил Е. П. Ильин (Ильин, 2001) [10]. Методика предназначена для изучения способности личности понимать отношения, репрезентируемые в эмоциях, и управлять эмоциональной сферой на основе принятия решения. Эмоциональный интеллект, активно изучаемый в последние годы, является интегральной личностной характеристикой, обеспечивающей способность эффективно взаимодействовать с людьми, а также оказывать на них влияние на основе интуитивного понимания их чувств и потребностей;

5. Для оценки самоактуализации использован тест самоактуализации Э. Шострома (САТ) в адаптации Ю. Е. Алешинной, Л. Я. Гозман, М. В. Загика и М. В. Кроз (1987). САТ измеряет самоактуализацию по двум базовым

факторам («Ориентация во времени» и «Поддержки») и ряду дополнительных шкал.

Результаты по каждой методике подсчитывались с помощью ключей, прилагаемых авторами.

Для оценки статистических различий между группами по какому-либо признаку был применен непараметрический Н-критерий Краскела–Уоллиса. С помощью Н-критерия устанавливалось наличие изменения уровня признака от группы к группе без указаний направления этих изменений. Данный критерий использовался как непараметрический аналог метода дисперсионного однофакторного анализа для несвязанных трех и более выборок.

Изменения различий между группами по какому-либо признаку определялось с помощью непараметрического U-критерия Манна–Уитни, который позволил достаточно четко определить направленность различий между выборками. По окончании первого этапа исследования все полученные первичные данные были сведены в исходную таблицу – матрицу сырых данных. В результате статистической обработки данных были построены таблицы сопряженности [11].

Первый этап исследования проводился в г. Москве в 2018–2019 годы, второй этап планируется провести в 2020 году.

В исследовании на первом этапе приняли участие 67 человек. Участники исследования были поделены на три группы.

Группу 1 – контрольную – составили 36 человек, никогда не занимавшихся медитативными практиками: 23 женщины в возрасте от 28 до 52 лет и 13 мужчин в возрасте от 26 до 55 лет.

Группу 2 – начинающих – составили 12 человек, которые находились на начальном этапе освоения медитативных практик. Их стаж занятий составил от нескольких месяцев до 3 лет, среди них 11 женщин в возрасте от 24 до 50 лет и 1 мужчина в возрасте 53 года.

Группу 3 – основную – составили 19 человек со стажем постоянных практик от 3 до 22 лет, среди них 12 женщин в возрасте от 26 до 55 лет и 7 мужчин в возрасте от 38 до 52 лет.

В результате первого этапа исследования влияния медитативных практик на личностные особенности участников установлено следующее:

1. Участниками всех трех групп продемонстрирован высокий уровень волевой саморегуляции. При этом у занимающихся медитативными практиками более трех лет этот уровень в среднем на 9 % выше, чем у контрольной группы, что свидетельствует о позитивном влиянии медитативных практик на общую саморегуляцию, настойчивость и самообладание участников;

2. Высокие статистически значимые результаты самоконтроля в эмоциональной сфере, деятельности, предварительном и текущем контроле (Н, $p=0,000$) между группами 1 и 2 (U, $p=0,000$) и группами 1 и 3 (U, $p=0,000$), а также в социальном контроле (Н, $p=0,000$) между группами 1 и 2 (U, $p=0,009$) и между группами 1 и 3 (U, $p=0,015$) свидетельствуют о положительном влиянии медитативных практик на эмоциональную сферу, сферу деятельности и поведение участников;

3. Статистически доказано повышение, в среднем на 10,9 %, общего уровня осознанности жизни участников при стаже медитативных практик более трех лет по сравнению с контрольной группой. Это положение касается общего показателя осмысленности и наличия целей в жизни (U, $p=0,046$), показателей удовлетворенности и эмоциональной насыщенности своей жизнью (Н, $p=0,046$; U, $p=0,012$), результативности (Н, $p=0,046$; U, $p=0,012$) и самореализации, убежденности в том, что человек может контролировать свою жизнь, свободно принимать решения и воплощать их в жизнь (U, $p=0,015$), а также нести ответственность за себя и происходящее вокруг;

4. Показано статистически достоверное повышение, в среднем на 22 %, таких показате-

телей эмоциональной сферы, как эмоциональная осведомленность (Н, $p=0,002$; U, $p=0,001$), эмпатия (Н, $p=0,040$; U, $p=0,013$), управление своими эмоциями (Н, $p=0,028$; U, $p=0,011$), распознавание эмоций других людей (Н, $p=0,015$; U, $p=0,007$), самомотивация (U, $p=0,039$) при стаже занятий медитативными практиками более трех лет. Полученные результаты показывают, что с увеличением стажа занятий медитацией проявляется явная тенденция к росту общей осмысленности жизни;

5. С увеличением стажа занятий медитативными практиками показана явная тенденция к росту показателей правильной ориентации по времени (U, $p=0,021$), ценностной ориентации (U, $p=0,021$), спонтанности, самопринятия и самоуважения (Н, $p=0,005$; U, $p=0,001$), контактности, познавательных процессов (U, $p=0,023$) и креативности (Н, $p=0,001$; между группами 1 и 2 (U, $p=0,020$) и группами 1 и 3 (U, $p=0,001$).

Таким образом, полученные результаты первого этапа исследования показывают положительное влияние занятий медитативными практиками на самоактуализацию участников: на осмысленность жизни; на отношение к личностному развитию; на позитивное восприятие себя и других, выбранной профессии, рассмотрение её как возможности реализовать в социуме собственные интересы и задатки; креативность; открытость к жизни, готовность учиться и самосовершенствоваться.

Выводы

1. Анализ теоретических положений по проблеме исследования показывает, что занятия медитативными практиками активно исследуются с точки зрения нормализации многих психофизиологических процессов в организме и психоэмоционального воздействия на личность.

2. На первом этапе исследования эмпирически получила подтверждение гипотеза о наличии влияния занятий медитативными практиками на личностные особенности участников. Статистически доказано положительное влияние медитации на волевую сфе-

ру и способность к самоконтролю, на смыс- сферу, а также на самоактуализацию лично-
ложизненные ориентации и эмоциональную сти и общую удовлетворенность жизнью.

Ссылки

1. Наркевич А. В. Медитативные практики: истоки и современные исследования // Вестник интегративной психологии: Журнал для психологов / гл. ред. В. В. Козлов. Ярославль, 2018. Вып. 17. С. 117–120.
2. Бойко В. С. Йога. Скрытые аспекты практики. Минск: Вида-Н, 2001. 400 с.
3. Гоулман Д. Деструктивные эмоции. Как с ними справляться? / пер. с англ. О. Г. Белошеев. Минск: Попурри, 2009. 576 с.
4. Гроф С. За пределами мозга. М.: АСТ, 2004. 504 с.
5. Ринпоче Й. М. Будда, мозг и нейрофизиология счастья. М.: МД Медиа, 2012. 368 с.
6. Россохин А. В. Рефлексия и внутренний диалог в изменённых состояниях сознания: Интросознание в психоанализе. М., 2010. 304 с.
7. Пашукова Т. И., Допира А. И., Дьяконов Г. В. Психологические исследования: Практикум по общей психологии для студентов педагогических вузов. Тест-опросник Зверькова А. В. Эйдмана Е. В. «Исследование волевой саморегуляции». М: Институт практической психологии, 2005. 180с.
8. Регуш Л. А. Практикум по наблюдению и наблюдательности. 2-е изд., перераб. и доп. СПб.: Питер, 2008. 208 с.
9. Леонтьев Д. А. Тест смысложизненных ориентации (СЖО). М : Смысл, 2000. 18 с.
10. Ильин Е. П. Психология воли. 2-е изд. СПб.: Питер, 2009. 368 с.
11. Сидоренко Е. В. Методы математической обработки в психологии. СПб.: Речь, 2003. 350 с.

Subjective criteria for the evaluation of logos: the psychology of branding

T. B. Kolyshkina¹, E. V. Markova²

¹K. D. Ushinsky Yaroslavl State Pedagogical University, 108/1 Republican str., Yaroslavl 150000, Russian Federation

²P. G. Demidov Yaroslavl State University, 14 Sovetskaya str., Yaroslavl 150003, Russian Federation

Research article
Full text in Russian

An example of using psychological methods of data collection and processing for solving practical problems of marketing communication-identifying criteria for effective logos. It is proved that a communicatively effective logo (brand) is authentic to the advertised product. Subjectively significant criteria for evaluating logos (brands) of companies that produce dairy products are presented.

Keywords: brand; logo; semantic differential; factor analysis; marketing communication; marketing psychology

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Kolyshkina Tatyana B. | E-mail: ktb10@mail.ru
Candidate of Sciences in Philology, associate Professor

Markova Elena V. | E-mail: mark_ev@mail.ru
Candidate of Sciences in Psychology, associate Professor

Субъективные критерии оценки логотипов: психология брендинга

Т. Б. Колышкина¹, Е. В. Маркова²

¹Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского, ул. Республиканская, 108/1, Ярославль, 150000, Российская Федерация

²Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, ул. Советская, 14, Ярославль, 150003, Российская Федерация

УДК 159.9.07
Научная статья

Приводится пример использования психологических методов сбора данных и их обработки для решения практических задач маркетинговой коммуникации – выявления критериев эффективных логотипов. Доказано, что коммуникативно эффективный логотип (бренд) аутентичен рекламируемому продукту. Представлены субъективно-значимые критерии оценки логотипов (брендов) компаний, производящих молочную продукцию.

Ключевые слова: бренд; логотип; семантический дифференциал; факторный анализ; маркетинговая коммуникация; психология маркетинга

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Колышкина Татьяна Борисовна | E-mail: ktb10@mail.ru
Кандидат филологических наук, доцент

Маркова Елена Владимировна | E-mail: mark_ev@mail.ru
Кандидат психологических наук, доцент

Проблема разработки айдентики занимает важное место при создании бренда, поскольку не только является одним из средств коммуникации, но и наделяет продукт дополнительными преимуществами. Важную роль здесь играет логотип, который будет запоминаться, вызывать доверие и необходимые ассоциации. Особенно сложно разработать эффективный логотип для компаний, чья продукция характеризуется низкой дифференциацией, количество конкурентов на рынке очень большое [1].

Цель – исследование коммуникативной эффективности логотипов молочных компаний. Задачи:

1. Выявить субъективные предпочтения респондентов в оценке логотипов молочных компаний;

2. Провести оценку коммуникативной эффективности логотипов молочных компаний.

Гипотеза

Гипотеза 1: логотипы молочных компаний с максимальным использованием насыщенных цветов в оформлении будут получать более высокие оценки респондентов, чем логотипы с использованием тусклых или мрачных оттенков.

Гипотеза 2: Логотипы молочных компаний с использованием аутентичной символики в дизайне будут получать более высокие оценки, чем логотипы, не имеющие такого элемента.

Продукция молочных компаний была выбрана, потому что молоко относится к категории товаров повседневного спроса, для которых характерна низкая степень дифференциации. Кроме того, этот продукт относится к товарам низкоимпульсного спроса, решение о покупке которых принимается до посещения торговой точки, однако выбор марки или произво-

дителя может происходить непосредственно на месте продаж.

Особенности выборки: в исследовании было задействовано 60 респондентов различного пола и возраста от 20 до 45 лет (жители г. Ярославля и Ярославской области).

Характеристика стимульного материала: для исследования было отобрано 14 логотипов молочных компаний России и стран СНГ, продукция которых не продается на территории Ярославской области. Поскольку у респондентов не сформирована потребительская лояльность к тестируемой продукции, можно говорить о чистоте эксперимента.

Методы исследования. Для выявления субъективных критериев оценки логотипов был использован метод Семантического дифференциала Ч. Осгуда, адаптированный и модифицированный при помощи техники репертуарных решёток Дж. Келли [2–5]. Для выявления латентных субъективных критериев оценки логотипов был применен метод факторного анализа. Оценка коммуникативной эффективности логотипов осуществлялась методом кластерного анализа.

Описание процедуры исследования.

На первом этапе с помощью техники репертуарных решёток Дж. Келли были разработаны оценочные шкалы: *хороший – плохой, яркий – тусклый, весёлый – грустный, добрый – злой, тупой – умный, смешной – несмешной, сладкий – кислый, мягкий – жесткий, содержательный – бессодержательный, положительный – отрицательный, открытый – закрытый, вызывает доверие – не вызывает доверие, эмоциональный – неэмоциональный, красивый – отталкивающий, тяжёлый – лёгкий, активный – пассивный, женственный – мужественный.*

Затем респондентам было предложено оценить отобранные логотипы по перечисленным выше критериям. На основании этого отдельно для каждого логотипа были составлены сводные таблицы результатов.

Далее результаты были обработаны методами факторного и кластерного анализа. В результате кластерного анализа было установлено, что все логотипы объединились в три кластера.

В первый кластер вошли восемь логотипов, получивших положительную оценку

у потребителей. Эту группу логотипов объединяет то, что практически на всех есть изображение аутентичной символики, типичной для молочного продукта. Кроме того, их объединяет цветовое решение: во всех логотипах присутствуют сине-белые или зелено-белые оттенки, что также характерно для оформления упаковки данной продукции. Можно предположить, что продукция данных компаний воспринимается как натуральный продукт, содержащий природные компоненты. Наличие этих двух компонентов положительно влияет на восприятие респондентами молочной продукции.

Приведем пример оценок логотипа, вошедшего в этот кластер. Данный логотип имеет в своём дизайне изображение аутентичной символики (изображение коровы), а также яркий, насыщенный цвет в оформлении. Анализ профиля показывает высокую оценку по показателям «хороший», «сладкий», «положительный». По результатам факторного анализа также можно заметить высокий числовой показатель по фактору эстетики: яркий, красивый, мягкий. Стабильность положительных оценок можно объяснить тем, что в дизайне логотипа использована аутентичная символика, сама картинка излучает положительные эмоции и присутствует слоган «Всё для вашего здоровья!», что может расположить респондента к положительным оценкам.

Результаты факторного анализа по этому логотипу представлены ниже (табл. 1).

Во второй кластер вошли три логотипа. Логотипы этой группы получили преимущественно средние оценки респондентов. Для логотипов данной группы характерно отсутствие аутентичной символики и наличие цветов, нетипичных для молочной продукции, например красного. Вероятно, нетипичность цветового решения и изображения, не связанные напрямую с товаром, вызвали сомнения в отношении продукции данных компаний. В табл. 2 представлены результаты факторного анализа логотипа данной группы. Наибольшие показатели получили факторы эстетики: яркость, эмоциональность, женственность, а также фактор оценки положительный/отрицательный.

Результаты факторного анализа логотипа первой группы

Шкалы оценки	Factor 1	Factor 2	Factor 3	Factor 4	Factor 5
хороший	0,869	-0,194	-0,034	0,027	-0,107
яркий	0,762	0,099	-0,098	-0,148	0,042
веселый	-0,161	0,118	0,033	-0,274	-0,517
добрый	0,003	0,797	-0,061	-0,108	0,002
умный	-0,126	0,624	0,058	-0,221	0,090
смешной	0,607	0,066	0,013	0,177	-0,294
сладкий	0,789	-0,206	-0,173	0,486	-0,009
мягкий	-0,163	0,069	0,118	0,610	-0,284
содержательный	0,128	0,744	0,340	-0,033	0,030
положительный	-0,017	0,643	0,341	0,531	0,084
открытый	0,625	0,411	-0,168	0,145	-0,126
вызывающий доверие	0,004	0,087	-0,210	-0,103	0,787
эмоциональный	0,088	0,004	0,753	0,276	0,012
красивый	0,008	0,019	0,743	-0,212	0,002
лёгкий	0,345	-0,089	0,134	0,349	0,307
активный	-0,175	-0,040	0,201	0,002	0,608
мужественный	0,040	-0,026	0,198	-0,635	-0,217

Результаты факторного анализа логотипа второй группы

Шкалы оценки	Factor 1	Factor 2	Factor 3	Factor 4	Factor 5
хороший	0,156	-0,296	0,101	-0,015	0,757
яркий	0,245	0,697	0,048	-0,017	0,041
веселый	-0,281	0,023	0,026	0,180	0,662
добрый	0,080	0,126	-0,632	0,205	0,084
умный	0,186	-0,532	0,035	-0,410	-0,089
смешной	0,320	0,532	0,218	0,299	-0,099
сладкий	0,817	-0,034	0,117	0,157	-0,099
мягкий	0,344	-0,622	0,104	0,354	0,153
содержательный	-0,053	0,122	-0,666	0,162	-0,029
положительный	-0,003	-0,068	-0,137	-0,742	-0,038
открытый	-0,033	-0,332	-0,638	0,026	-0,120
вызывающий доверие	0,065	0,110	-0,201	-0,099	0,400
эмоциональный	0,737	0,064	-0,164	-0,243	-0,019
красивый	0,044	0,379	0,096	-0,273	0,659
лёгкий	0,213	0,197	0,244	0,359	-0,169
активный	-0,092	-0,185	-0,602	0,150	0,017
мужественный	-0,326	0,119	-0,022	-0,079	0,654

Несмотря на присутствие достаточно большого количества значимых факторов, при анализе профиля отмечены и заниженные значения. В число этих параметров входят значения эстетического фактора и значения оценочного фактора. По фактору активности также можно отметить тенденцию к занижению оценок респондентами. Такие результаты вызваны тем, что данный логотип напрямую не ассоциируется с молочной продукцией, так как не имеет аутентичной символики и более характерен для других видов пищевой продукции (мука, хлеб и т. д.).

В третий кластер вошли три логотипа. Логотипы этой группы получили преимущественно отрицательные оценки респондентов. Вероятно, поэтому они оказались обособленными и удаленными от двух предыдущих групп. Подобная оценка, на наш взгляд, связана с тем, что логотипы состоят из одной надписи. Цветовое решение (использование темных тонов) также не соответствует традиционному оформлению молочной продукции.

Приведем пример факторного анализа для логотипа данной группы (табл. 3).

Таблица 3

Результаты факторного анализа логотипа третьей группы

Шкалы оценки	Factor 1	Factor 2	Factor 3	Factor 4	Factor 5
хороший	-0,516	-0,048	0,044	0,001	-0,027
яркий	-0,310	0,010	-0,203	0,670	0,297
веселый	-0,570	-0,026	-0,188	-0,247	0,283
добрый	0,010	-0,756	-0,007	-0,049	0,137
умный	-0,111	0,011	-0,747	-0,095	0,122
смешной	-0,186	-0,589	0,121	-0,142	-0,153
сладкий	-0,511	0,022	0,216	0,491	-0,364
мягкий	0,051	0,068	-0,019	0,285	-0,767
содержательный	0,791	-0,109	0,028	-0,021	0,022
положительный	0,073	-0,664	0,066	0,049	0,516
открытый	0,035	-0,072	-0,717	-0,014	-0,245
вызывающий доверие	-0,281	0,442	-0,223	0,086	-0,346
эмоциональный	-0,520	0,065	0,347	0,401	-0,274
красивый	0,082	0,067	0,011	-0,841	0,130
лёгкий	-0,724	0,004	-0,162	0,008	0,119
активный	-0,061	0,695	-0,126	0,302	-0,131
мужесвенный	0,022	0,005	0,874	0,031	0,027

По результатам факторного анализа мы можем отметить наиболее значимые коэффициенты по фактору эстетики – яркий, красивый; тактильному фактору – тупой, мягкий; фактору вкуса – кислый; гендерному фактору – мужественный; фактору оценки – положительный, хороший; фактору эмоционального отношения – добрый, смешной, эмоциональный, активный.

Оценки по данному логотипу также получились стабильно низкие. Никаких явно выделяющихся перепадов замечено не было. На оценки респондентов могло повлиять не-

сколько факторов. Это как чёрно-белое изображение самого логотипа, так и отсутствие аутентичной символики. Если бы не обозначенное название, респонденту было бы трудно понять, что это логотип именно молочной компании.

Обобщая содержание трех последних логотипов, отметим, что выбор темных тонов или черного цвета приводит к тому, что логотипы компаний, производящих молочную продукцию, получают преимущественно низкие оценки респондентов, не вызывают у них доверия и не располагают к приобретению товара.

Таким образом, мы можем заметить, что обе наши гипотезы нашли своё подтверждение в исследовании. Проанализировав литературу по обозначенной выше проблеме, мы можем сделать вывод, что психологическая эффективность рекламных логотипов – это во многом многомерный и глубоко проникающий в сферу восприятия человека. Подтвердились наши предположения о значимости цветовой гаммы и символики, используемой для создания логотипов. Над разработкой логотипа для компании работает большая команда специалистов, в том числе психологи, маркетологи. И каждый делает свой бесценный вклад в работу, привнося новейшие идеи и свой профессиональный опыт в разработку логотипа. Логотип – это лицо компании и продукции. Во многом от того, насколько успешным получится логотип, зависит уровень продаж компании.

Мы проанализировали логотипы четырнадцати молочных компаний с различным оформлением и использованием различных оттенков цветовой гаммы в дизайне. В ходе исследования результатов мы смогли сделать вывод, что логотипы молочных компаний с максимальным использованием ярких цветов в оформлении были оценены положительно, что подтверждает нашу первую гипотезу.

Мы провели качественный анализ символики, изображённой на каждом логотипе. Было отмечено наличие или отсутствие аутентичной символики в дизайне и влияние этих факторов на оценки логотипов респондентами. Таким образом, нами был сделан вывод, что логотипы молочных компаний с использованием аутентичной символики в дизайне были оценены положительно по сравнению с логотипами, не имеющими такого элемента, – нашла подтверждение наша вторая гипотеза.

Ссылки

1. Кольшклина Т. Б., Маркова Е. В., Шустина И. В. Рекламный образ: технологии воздействия на массовое сознание: монография. Ярославль: ЯГПУ, 2017. 224 с.
2. Артемьева Е. Ю. Основы психологии субъективной семантики. М.: Наука; Смысл, 1999. 349 с.
3. Петренко В. Ф. Основы психосемантики. СПб.: Питер, 2005. 480 с.
4. Серкин В. П. Алгоритм разработки и бланки специализированных семантических дифференциалов для оценки работы, профессии и профессионала // Психологическая диагностика. 2007. № 5. С. 11–29.
5. Новый метод исследования личности: Руководство по репертуарным личностным методикам. М.: Прогресс, 1987. 236 с.

В результате проведённого исследования были выделены важные факторы субъективной оценки, которые влияют на восприятие логотипа респондентом и, соответственно, в дальнейшем располагают или не располагают к себе потребителя. Подобное исследование можно провести и для других категорий товара с учетом характеристик конкретной продукции и рынка данной продукции. На основе результатов исследования могут быть сформулированы рекомендации по созданию рекламных логотипов различных категорий товаров народного потребления, что будет способствовать более успешной разработке логотипов и, как следствие, повышению спроса на продвигаемую продукцию.

Выводы

1. В результате проведения кластерного анализа мы получили график, по которому можно заметить, что все логотипы разделились на три характерные группы: 1. Логотипы, получившие преимущественно положительные оценки респондентов; 2. Логотипы, получившие усреднённые оценки респондентов; 3. Логотипы, которые были оценены отрицательно;

2. В ходе проведения качественного анализа результатов мы выделили фактор, влияющий на положительную оценку респондентов. Это фактор цвета – логотипы с использованием ярких цветов в оформлении оцениваются респондентами положительно;

3. На положительную оценку логотипов респондентами повлияло наличие аутентичной символики и типичных для оформления молочной продукции цветов в дизайне.

Value-reflexive determinants of self-regulation of cadets of the national guard of the Russian Federation

J. M. Perevozkina¹, A. V. Spirin², M. I. Fedorishin²

¹Novosibirsk state pedagogical University of the Main personnel Department of the Federal service of the national guard of the Russian Federation, 6/2 Klyuch-Kamyshenskoe Plato str., Novosibirsk 630114, Russian Federation

²Novosibirsk military Institute named after General of the army I. K. Yakovlev of the national guard of the Russian Federation, 6/2 Klyuch-Kamyshenskoe Plato str., Novosibirsk 630114, Russian Federation

Scientific article

The phenomenon of self-regulation in the context of its significance for the activities of military personnel is considered. It is shown that in the process of training, cadets undergo a transformation in the structure of self-regulation, as well as values from glory to service. The results of multiple regression analysis are presented, demonstrating that reflection is a stable determinant of self-regulation of cadets. It has been proved that the most significant values in the value-reflective structure of military personnel are service to the fatherland and reflection, which, by the third year of study, have an impact on cadets' self-regulation. The conclusions are formulated on the structural determination of self-regulation of cadets by value-reflective parameters.

Keywords: self-regulation; values; reflection individualization, motivational-value sphere of personality; cadets training

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Perevozkina Yulia M. | E-mail: per@bk.ru
Candidate of Sciences in Psychology, Associate Professor

Spirin Alexander V. | E-mail: spirin-77@inbox.ru
Candidate of Sciences in Psychology, Associate Professor

Fedorishin Mikhail I. | E-mail: maskarad14@mail.ru
Adyunt

Ценностно-рефлексивные детерминанты саморегуляции курсантов войск национальной гвардии Российской Федерации

Ю. М. Перевозкина¹, А. В. Спири², М. И. Федоришин²

¹Новосибирский государственный педагогический университет Главного управления кадров Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации, ул. Ключ-Камышенское плато, 6/2, Новосибирск, 630114, Российская Федерация

²Новосибирский военный институт имени генерал армии И. К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации, ул. Ключ-Камышенское плато, 6/2, Новосибирск, 630114, Российская Федерация

УДК 159.9

Научная статья

Рассмотрен феномен саморегуляции в контексте его значения для деятельности военнослужащих. Показано, что в процессе обучения структура саморегуляции курсантов претерпевает трансформацию. Представлены результаты множественного регрессионного анализа, демонстрирующего, что устойчивым детерминантом саморегуляции курсантов выступает рефлексия. Доказано, что наиболее значимыми ценностями в ценностно-рефлексивной структуре военнослужащих являются служение отечеству и рефлексия, которые к третьему курсу обучения оказывают влияние на саморегуляцию курсантов. Сформулированы выводы о структурной детерминации саморегуляции курсантов ценностно-смысловыми параметрами.

Ключевые слова: саморегуляция; ценности; рефлексия индивидуализация, мотивационно-ценностная сфера личности; обучение курсантов

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Перевозкина Юлия Михайловна | E-mail: per@bk.ru
Кандидат психологических наук, доцент.

Спири Александр Викторович | E-mail: spirin-77@inbox.ru
Кандидат психологических наук, доцент.

Федоришин Михаил Иванович | E-mail: maskarad14@mail.ru
Адъюнкт

Постановка проблемы исследования

В последние десятилетия в войсках национальной гвардии Российской Федерации (далее – ВНГ РФ) все большее внимание уделяется психолого-педагогическим исследованиям профессиональной деятельности и профессиональной подготовки. Вместе с усложнением деятельности военнослужащих в условиях изменившихся социокультурных условий, появления сложных технических устройств, информационной насыщенности

отношений между людьми и ослабления отношений близости и социальной чувствительности [1], аксиологической неопределенности в обществе возрастают требования к их психологическим, интеллектуальным и морально-волевым качествам. Одновременно предъявляются более высокие требования к обучению курсантов, что предполагает использование новых нетрадиционных средств обучения и методик, направленных на развитие личности, способной при необходимости

действовать самостоятельно в нестандартной ситуации, принимать ответственные и эффективные решения.

Одной из важных задач подготовки курсантов ВНГ РФ к профессиональной деятельности является развитие саморегуляции, которая служит основой адекватных и успешных действий военнослужащих в нестандартных ситуациях. Профессиональные требования к офицеру ВН – высокая организованность в служебно-боевой обстановке и постоянная готовность к соразмерным действиям в экстремальной ситуации, умение согласованно взаимодействовать друг с другом, успешно сотрудничать с населением, принимать эффективные решения в сложных ситуациях.

Однако реализация этой задачи представляет известные трудности, поскольку деятельность военнослужащих жестко детерминирована Уставом, для нее характерен высокий уровень субординации и дисциплины, что может сказываться на развитии самостоятельности и формировании индивидуального стиля саморегуляции. Указанное противоречие между объективной необходимостью строгой дисциплины и в то же время востребованностью способности к самостоятельному принятию решений обуславливает потребность в разработке специальных подходов к обучению курсантов [2–3].

Обучение в военном вузе специфично не только в отношении содержания образования. Оно характеризуется также особой социальной позицией обучающихся: курсант, в отличие от студента, уже включен в профессию: он является военнослужащим, выполняет обязанности, связанные со служебной деятельностью, его быт существенно отличается от гражданских условий (определенная изолированность от близких, гендерная однородность, нормативность жизнедеятельности). Такое обучение отличается также высокой формализацией процесса обучения. Указанные обстоятельства могут быть связаны с появлением психологических трудностей, внутриличностных конфликтов между мотивацией на освоение военной профессии

и ее реалиями, с которыми курсант сталкивается уже в вузе, что может обусловить либо отказ от профессии, либо формирование специфических личностных особенностей: низкого (либо чрезмерно высокий) уровня гибкости поведения, тенденции к делегированию ответственности за свои действия вышестоящим, сниженного уровня рефлексии и самопонимания, прагматизации профессионально значимых ценностей, отказа от саморазвития и пр. [2–4]. Напряженность многих из этих психологических проблем может быть снижена посредством развития способности к саморегуляции в ее индивидуальной специфике.

Саморегуляцию личности мы рассматриваем как процесс регуляции человеком своего поведения, психологических и психофизиологических состояний в изменяющихся обстоятельствах [5–10], что реализуется в умении субъекта самостоятельно ставить перед собой адекватные цели, планировать, моделировать и контролировать процесс их достижения, обеспечивая тем самым внутреннюю согласованность и стабильность психики и личности. Успешная саморегуляция отличается индивидуальным своеобразием [5–11], обусловленным индивидуальным процессом ее освоения, при котором осознанно или неосознанно субъект учитывает особенности своей личности (характер, способности, мотивацию, ценности и пр.), формирует индивидуальный стиль деятельности (и индивидуальный стиль саморегуляции). По данным S. Orbell & L. Alison Phillips [12] когнитивные стратегии и установки могут влиять на саморегулирование. Доказано, что рефлексивные процессы определяют качество саморегуляции [13]. Таким образом, теоретический анализ позволил определить цель исследования, заключающуюся в изучении ценностно-рефлексивных детерминантов саморегуляции курсантов в зависимости от курса обучения.

Методы

Для реализации поставленной цели проводилось исследование, предполагающее сравнение ценностей, рефлексии и саморегу-

ляции у курсантов первого и третьего курсов (критерий t-Стьюдента). Изучение ценностно-рефлексивных детерминант предусматривало проведение многомерного регрессионного анализа. Диагностика саморегуляции осуществлялось посредством опросника В. И. Моросановой «Стиль саморегуляции поведения» (планирование, моделирование, программирование, оценивание результатов, гибкость, самостоятельность, общий уровень саморегуляции). Исследование рефлексии производилось с помощью опросника А. В. Карпова «Методика диагностики рефлексии» (ситуативная (актуальная) рефлексия, ретроспективная и перспективная рефлексия). Ценности диагностированы посредством

опросника Г. Резапкина «Иерархия жизненных ценностей».

Выборка составила 150 респондентов – курсанты первого и третьего курсов Новосибирского военного института имени генерала армии И. К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации в возрасте от 18 до 23 лет.

Результаты и их обсуждение

В процессе применения t-критерия Стьюдента (нормальность всех признаков доказана по критерию d-Колмагорова–Смирнова) установлены статистически значимые различия между курсантами 1 и 3 курсов по шести признакам (табл. 1).

Таблица 1

Сравнение ценностно-рефлексивных компонентов и саморегуляции у курсантов первого и третьего курсов

Переменные	Среднее – первый курс	Среднее – третий курс	t-знач.	p
Планирование	7,08	7,15	-0,27	0,7883
Моделирование	2,00	7,25	-13,57	0,0000
Программирование	7,15	7,05	0,37	0,7138
Гибкость	6,69	7,90	-4,66	0,0000
Самостоятельность	3,03	6,05	-6,77	0,0000
Саморегуляция	34,69	36,11	-2,51	0,0363
Рефлексия	123,56	118,75	1,28	0,2028
Здоровье	1,49	1,43	0,14	0,8882
Материальная обеспеченность	0,44	0,55	-0,26	0,7923
Творчество	-1,46	-1,13	-0,54	0,5900
Семья	3,85	3,65	0,62	0,5397
Карьера	1,97	1,58	0,88	0,3813
Служение	1,64	3,22	-4,81	0,0021
Слава	2,44	-1,77	2,31	0,0238
Отдых	-0,28	-0,45	0,32	0,7478

При высоком уровне саморегуляции и относительно равномерном распределе-

нии ее составляющих у большинства курсантов наблюдается средний уровень реф-

лекции. Практически для всех курсантов не является значимой ценностью «служения», которая отражает профессиональную вовлеченность и может быть мерой, с которой соизмеряет свое профессиональное поведение военнослужащий.

В то же время исследование динамики развития саморегуляции при сравнении курсантов первого и третьего курсов свидетельствует, что к третьему курсу изменяется ее структура: на первом курсе значительно ниже, чем у третьекурсников, выражены такие показатели, как моделирование, гибкость, самостоятельность. Кроме того, в целом повысился уровень саморегуляции у курсантов на третьем году обучения. Полученные результаты демонстрируют, что обучение в специальном военном образовательном учреждении как самостоятельный фактор обуславливает формирование саморегуляции, способствует формированию у курсантов необходимых знаний, умений и навыков, позволяющих им более свободно ставить цели и принимать решения по их реализации.

Оценка ценностей в структуре личности отражает статистически значимые изменения по двум ценностям ($p < 0,03$). Ценность «служение» стала более значимой к третьему курсу. В то же время ценность «слава» в меньшей степени стала влиять на поведение курсантов третьего курса. Это может быть обусловлено процессами адаптации и особенностями обучения в военном образовательном учреждении. С точки зрения В. Ж. Кнох et al. [14], проведение бо-

евых операций ставит новые задачи для военной подготовки и образования курсантов, так как становится все более очевидным возросшее значение социально-психологических факторов, таких как метакогнитивные навыки и принятие перспективных решений у офицеров различного ранга. Особенности служебной деятельности, понимание своего воинского долга формируют у курсантов потребность жертвовать собой ради незнакомых людей, при этом без ожидания какой-либо награды. Развитие ценности служения характерно для духовно зрелых личностей. Интервью с курсантами показало, что к третьему году обучения героизм для них ассоциируется с самопожертвованием не только ради своих близких, но и ради всех людей.

Изучение детерминант саморегуляции курсантов продемонстрировало, что как на первом, так и на третьем курсах саморегуляция военнослужащих обусловлена ценностно-рефлексивными параметрами (табл. 1). В результате применения множественного регрессионного анализа (пошаговая исключаящая регрессия) получено две статистически значимых регрессионных модели ($p = 0,000$) (табл. 2).

Рассмотрим переменные в модели у курсантов первого года обучения. Полученные статистические данные свидетельствуют о тесной связи переменной – отклика саморегуляции ($R = 0,67$) с тремя переменными предикторами (табл. 3), – которая является статистически значимой ($p = 0,000$).

Таблица 2

Итоговые статистики в регрессионной модели

Статистики	Первый курс	Третий курс
Множест. R	0,670	0,709
Множест. R2	0,425	0,559
F(7,148)	10,168	16,976
p	0,000	0,000
Стд. Ош. Оценки	3,087	3,004

Итоги регрессии для зависимой переменной саморегуляция у курсантов первого курса

Переменные	БЕТА	Ст. Ош. – БЕТА	В	Ст. Ош. – В	t(148)	p-знач.
Св. член			32,35	2,096	15,43	0,000
Слава	0,349	0,079	0,45	0,101	4,44	0,000
Рефлексия	0,231	0,076	0,05	0,015	3,04	0,003
Семья	-0,299	0,076	-0,81	0,207	-3,91	0,000

Коэффициент множественной детерминации ($R^2=0,425$) по трем указанным в таблице предикторам объясняет более 40 % изменчивости саморегуляции первокурсников. Следовательно, все три переменные имеют прогностическое влияние на саморегуляцию. При этом важно отметить, что наибольшей объяснительной способностью обладает ценность слава (0,35). Второе место занимает рефлексия (0,23). Менее всего влияет на саморегуляцию курсантов такая ценность, как семья.

В то же время регрессионная модель у военнослужащих третьего курса включает значительно больший набор ценностно-рефлексивных компонентов (пять против трех) и обладает большей объяснительной способностью (более 50 %). В данной модели отрицательный вклад в структурную организацию вносят ценности карьера и семья (табл. 4), а наибольший положительный вносят рефлексия (0,44), служение (0,39).

Полученные результаты доказывают приоритет в деятельности военнослужащих таких ценностей, которые обуславливают внутреннюю профессиональную мотивацию и которые, как показывают наши исследования [3,-4], слабо представлены в структуре ценностей курсантов первого года обучения. Согласно данным J. Sánchez-Molina et al. [15], уверенность в себе, служение отечеству влияют на саморегуляцию военнослужащих в условиях получения военного опыта в международных вооруженных конфликтах.

Таким образом, можно констатировать, что весь образ жизни курсантов и характер их обучения способствуют развитию саморегуляции, что может оказать влияние на эффективность профессионального поведения военнослужащих в чрезвычайных обстоятельствах.

Итоги регрессии для зависимой переменной саморегуляция у курсантов третьего курса

Переменные	БЕТА	Ст. Ош. - БЕТА	В	Ст. Ош. - В	t(140)	p-знач.
Св. член			35,87	3,381	10,61	0,000
Карьера	-0,360	0,083	-0,84	0,193	-4,34	0,000
Семья	-0,289	0,080	-0,87	0,242	-3,59	0,000
Здоровье	0,167	0,081	0,39	0,188	2,07	0,040
Рефлексия	0,437	0,082	0,93	0,184	2,87	0,005
Служение	0,392	0,083	0,35	0,151	2,30	0,023

Кроме того, необходимо отметить, что множественный регрессионный анализ позволил определить не столько отдельное

влияние предикторов на саморегуляцию, сколько их взаимное воздействие. В этом случае был обнаружен значимый вклад цен-

ностно-рефлексивных детерминант в становление такого необходимого в военно-профессиональной деятельности качества курсантов, как саморегуляция. Саморегуляция курсантов и их ценностно-рефлексивные процессы супераддитивны и интегрированы. Такое взаимовлияние носит характер структурной детерминации, позволяющей зафиксировать, что именно комплексная организация ценностно-рефлексивных параметров формирует новые возможности, позволяющие выйти за пределы анализа отдельного влияния ценностей на развитие и становление саморегуляции курсантов и рассмотреть уже их совместную структурную детерминацию.

Выводы

Таким образом, наши исследования показывают, что одной из важнейших задач обучения курсантов как будущих офицеров является развитие способности к выработке и реализации саморегуляции посредством развития рефлексивно-ценностной сферы личности.

Наиболее значимыми ценностями в ценностно-рефлексивной структуре военнослужащих являются служение отечеству

и рефлексия, которые к третьему курсу обучения оказывают влияние на саморегуляцию курсантов; развитие ценностно-рефлексивной сферы личности, приобщение к смыслам профессии военнослужащего, внутренним смыслообразующим мотивом которой является служение (отечеству, своему народу). Такая мотивационная доминанта позволит формировать профессиональную субъектность будущих офицеров, определяя тем самым выбор целей саморазвития и саморегуляции.

Взаимодействие ценностей и рефлексии носит характер структурной детерминации, позволяющей зафиксировать, что именно комплексная организация ценностно-рефлексивных параметров у курсантов формирует новые возможности, позволяющие выйти за пределы анализа отдельного влияния ценностей на развитие и становление саморегуляции и рассмотреть уже их совместную структурную детерминацию. Следовательно, объединение ценностей и рефлексии представляет целостный синтез, который напрямую обеспечивает интеграцию саморегуляции в структуру личности курсанта.

Ссылки

1. Большунов А. Я., Тюриков А. Г. Синдром острого дефицита социальной чувствительности как следствие особенностей гомогенеза в эпоху постмодерна // Развитие человека в современном мире. 2017. № 2. С. 67–74.
2. Большунова Н. Я. Алещенко М. В. Дисциплинированность, ее структура и типология у военнослужащих (курсантов) войск национальной гвардии Российской Федерации // Сибирский педагогический журнал. 2018. № 5. С. 69–83.
3. Большунова Н. Я., Оспенников С. В. Значение ценностно-смысловой сферы личности в актуализации личностного роста офицера внутренних войск МВД России // Сибирский педагогический журнал. 2015. № 4. С. 136–142.
4. Большунова Н. Я., Федоришин М. И. Развитие способности к саморегуляции курсантов ВООВО как важнейшего качества будущего офицера // Направления и перспективы развития образования в военных институтах войск национальной гвардии Российской Федерации: X Межвузовская научно-практическая конференции с международным участием (Новосибирск, 27 декабря 2018 г.). Новосибирск: НВИ им. генерала армии И. К. Яковлева ВНГ РФ, 2019. С. 48–52.
5. Голубева Э. А. Способности, личность, индивидуальность. Дубна: Феникс+, 2005. 512 с.
6. Конопкин О. А. Психологические механизмы регуляции деятельности. М.: URSS. 2018. 320 с.

7. Конопкин О. А. Психическая саморегуляция произвольной активности человека (структурно-функциональный аспект) // Вопросы психологии. 1995. № 1. С. 5–12.
8. Маркевич А. О., Моросанова В. И. Личностные и когнитивные аспекты саморегуляции деятельности человека / под ред. В. И. Моросановой. М.: Психологический ин-т РАО, 2006. С. 114–133.
9. Моросанова В. И. Саморегуляция и индивидуальность человека: монография. М.: Наука, 2010. 519 с.
10. Осницкий А. К. Саморегуляции деятельности школьников и формирование активностей и личностей. М., 1986. 80 с.
11. Дифференциально-психологический и психофизиологический подход к организации обучения в современной школе / М. К. Кабардов [и др.] // Психологическая наука и образование. 2016. Т. 8, № 4. С. 71–78.
12. Orbel S., Philips L. A. Automatic processes and self-regulation of illness // Health Psychology Review. 2019. Vol. 13:4. P. 378–405.
13. Self-Regulation Across Different Contexts: Findings in Young Albanian Children / Suchodoletz A. [et all.] // Early Education and Development. 2015. Vol. 26:5–6. P. 829–846.
14. Socio-technical communication: The hybrid space and the OLB model for science-based cyber education / B. J. Knox [et all.] // Military Psychology. 2018. Vol. 30, Issue 4. P. 350–359.
15. Sánchez-Molina J., Robles-Pérez J. J. & Clemente-Suárez V. J. Psychophysiological and fine motor skill differences of elite and non-elite soldiers in an urban combat simulation // Military Psychology. 2019. Vol. 31, Issue 6. P. 425–432.

Bibliometric analysis of promising psychological researches areas

K. B. Zuev¹

¹Institute of psychology, Russian Academy of Sciences, 13 Yaroslavskaya Str., Moscow 129366, Russian Federation

Research article
Full text in Russian

The article presents a bibliometric analysis of promising interdisciplinary research areas with an emphasis on new technologies. 15 leading areas were analyzed among 63 promising areas evaluated by experts. Research in the following areas is developing most dynamically: Social media, Big Data, Artificial Intelligence, Internet of Things, Virtual Reality, Deep Learning, 5G, UAV. The contribution of psychologists to the development of these areas was also analyzed. It is shown that the overall contribution is insignificant, except for Software, Social network, and Social media. In conclusion, it is necessary to connect psychologists to promising research areas, such as Big Data, Internet of Things, Deep Learning, Virtual Reality, 5G.

Keywords: bibliometric analysis; scientometrics; perspectives of psychology

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Zuev Konstantin B. | E-mail: zuevkb@ipran.ru
Researcher

Funding: RFBR, Project No 17-06-00675A.

Библиометрический анализ перспективных направлений психологических исследований

К. Б. Зуев¹

¹Институт психологии РАН, ул. Ярославская, 13, Москва, 129366, Российская Федерация

УДК 159.9.07

Научная статья

В статье представлен библиометрический анализ перспективных направлений междисциплинарных исследований с акцентом на новые технологии. Всего после экспертной оценки и выделения 63 перспективных направлений были проанализированы 15 направлений-лидеров. Наиболее динамично развиваются исследования в следующих направлениях: Social media, Big Data, Artificial Intelligence, Internet of Things, Virtual Reality, Deep Learning, 5G, UAV. Был проанализирован вклад психологов в разработку этих направлений. Показано, что в целом вклад незначительный, за исключением Software, Social networks, Social media. В заключение делается вывод о необходимости подключения психологов к перспективным направлениям исследований, таких как Big Data, Internet of Things, Deep Learning, Virtual Reality, 5G.

Ключевые слова: библиометрический анализ; наукометрия; перспективы психологии

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Зуев Константин Борисович | E-mail: zuevkb@ipran.ru
| Научный сотрудник

Финансирование: РФФИ, проект № 17-06-00675А.

Введение

Технический прогресс последних десятилетий поставил перед человечеством новые вызовы, которые носят не только технический, но и психологический характер. Проблема эта не нова. Еще в середине прошлого века активно дискутировался вопрос о взаимодействии человека и техники, перспективах инженерной психологии и пр. В современном обществе актуальным становится рассмотрение влияния новых технологий на жизнь человека не только в контексте изменения его жизни в сторону упрощения и автоматизации, но и с точки зрения изменения структуры социально-психологических

отношений в обществе в целом [1]. В данной статье мы провели библиометрический анализ публикаций, представленных на платформе Web of Science с целью оценить вклад психологов в разработку проблем развития перспективных направлений науки и техники, с одной стороны, и оценить тенденции развития самих направлений – с другой.

Методика

Наукометрические и, в частности, библиометрические исследования становятся все более популярными в психологии и других науках. В нашей области наибольшее количество публикаций выполнено в рам-

ках истории психологии [2–3]. Наукометрические методы также можно использовать для анализа развития конкретного направления и его перспектив [4].

В данной работе мы использовали следующую методику. На основе экспертной оценки были выделены 63 англоязычных термина для анализа в библиографической базе данных Web of Science, отражающие преимущественно новые технологии и процессы, связанные с ними. Выбор базы для анализа обусловлен качеством публикаций в журналах, индексируемых в WoS.

Каждый термин вводился в строку поиска Web of Science core collection. Если термин состоял из нескольких слов, то они заключались в кавычки, таким образом поиск осуществлялся по словосочетанию. На первом этапе анализа было изучено, сколько публикаций соответствует тому или иному термину. Данные были занесены в таблицу и проранжированы. На втором этапе была изучена динамика публикаций по годам статей, в которых чаще всего встречался тот или иной термин. И на финальном этапе была изучена структура категорий WoS с изучением места психологии.

Результаты и их обсуждение

Наибольшее количество публикаций было выделено для следующих терминов (в скобках указано количество публикаций): Algorithms (739373), Software (682077), Automation (83407), Social networks (50723), Social media (49327), Robotics (48472), Big Data (45165), Artificial Intelligence (44291), Computer vision (39707). Как можно видеть, в данной десятке первые три позиции занимают термины высокой степени обобщения. В десятку лидеров также входят исследования глобальных баз данных (Big Data), что соотносится с тенденциями, выявленными нами ранее [5]. В связи с этим мы посчитали возможным добавить к рассмотрению еще 5 терминов-лидеров для более полной картины, особенно учитывая то, что они имеют большее отношение к новым технологи-

ям: Internet of Things (36856), Virtual Reality (36537), Deep Learning (35701), 5G (26874), Unmanned aerial vehicle (21109).

Обращает на себя внимание, что лидерами публикаций стали направления, возникшие относительно недавно. Однако представляется недостаточным просто оценить количество публикаций на данный момент. С целью изучения динамики интереса исследователей к той или иной тематике мы проанализировали количество публикаций по годам (за последние 10 лет). Рассматривая лидеров по количеству публикаций, мы можем видеть следующую картину. По ключевому слову «Algorithms» в 2010 году было опубликовано 79402 статей, в 2014 – 115290, в 2019 – 121927 статей, то есть наблюдается тенденция умеренного роста числа публикаций. Более интересной является картина количества публикаций по запросу «Software». В 2010 году было опубликовано 28134 статей. Значительный рост публикаций наблюдался до 2017 года, в котором число статей составило 55661, после чего в 2018 году наблюдался некоторый спад (53546) и решительный спад в 2019 году (45193). Связано ли это с падением значимости программного обеспечения и замены его какими-то другими продуктами или же со снижением интереса научного сообщества к данной тематике, будет понятно через какое-то время. Но на данный момент публикационный поток находится на уровне показателей 2014–2015 годов. Третий термин, выделенный экспертами и имеющий междисциплинарный статус «Automation», показывает следующую динамику. В 2010 году опубликовано 2982 статьи. Пик публикаций также приходится на 2017 год – 6238, несильно отстает и год 2018 – 6191. А вот в 2019 году опубликовано примерно на тысячу статей меньше – 5186. Возможно, данный термин заменяют более современные. Далее следуют два сходных по значению термина, близких к социальной психологии. Первый из них – «Social networks». По данному запросу в 2014 году было опубликовано 4033 статьи. Однако уже

в 2015 году опубликовано 5534 статьи. Количество статей остается примерно на одном уровне до 2018 года (5838), после чего в 2019 году падает до 4907. Поскольку данное направление исследований не столь представлено, как, скажем, алгоритмы, то можно предположить, что не все статьи еще погрузились в базу данных. Возможно, впоследствии ситуация изменится. При анализе «Social media» хочется обратить внимание на стабильный рост публикаций по этой теме. Немного отойдя от традиционного рассмотрения, отметим, что в 2008 году их было 45, в 2009 – 160, в 2014 – 3493, в 2017 – 8549, в 2019 – 9053. Можно отметить закономерный рост интереса исследователей к этой тематике.

В отличие от предыдущего термина, «Robotics» не является новым социальным явлением или научной проблемой. Однако же и данное направление показывает стабильный рост. От 2858 публикаций в 2014 году до 4032 в 2019. Новым и перспективным является направление исследований «Big Data». Первые публикации по нему относятся к 1994 году, однако же резкий рост публикаций фиксируется между 2012 и 2013 годами (с 290 до 1373 соответственно). К 2018 году ежегодное количество публикаций перевалило за девять тысяч и составило 9471 единицу. Несомненно, данное направление является одним из самых перспективных в плане междисциплинарных и психологических исследований.

Перспективными с психологической точки зрения также являются исследования искусственного интеллекта («Artificial Intelligence»). Количество исследований в этой области неуклонно растет. С 1646 публикаций в 2014 году до 7424 в 2019, причем разрыв между 2018 и 2019 годами составляет практически 2000 публикаций (5521 и 7424 соответственно). Следующее направление исследований – «Computer vision» – имеет давнюю историю. Интерес к этой тематике за последние 5 лет имеет более-менее стабильный характер (около 3,5 – 4,5 тысяч

публикаций в год) с пиками в 2017 и 2018 годах (4301 и 4343 публикации соответственно).

В противовес предыдущему термину «Internet of Things» относительно новый и показывает соответствующую динамику. Первые публикации относятся к началу 2000 годов. Впервые количество публикаций переваливает за 100 в 2010 году (166), больше тысячи статей опубликовано в 2014 году (1633) и стремительный рост продолжается до 2018 года, в котором опубликовано 9009 статей. В 2019 году подготовлено 7909 статей, что свидетельствует о некотором охлаждении исследователей к данной тематике. Относительно новым также является термин «Virtual Reality». Одна тысяча статей в год по данной проблематике была преодолена в 2006 году (1122), двухтысячный порог – в 2015 (2202). В 2018 году немного не хватило до четырех тысяч (3976). В целом можно фиксировать умеренный рост интереса со стороны исследователей к данной тематике.

Следующее направление исследований – «Deep Learning» – показывает взрывной рост количества исследований – от 429 публикаций в 2014 году до 13198 в 2019. Представляется, что это одно из самых быстрорастущих направлений, проанализированных нами.

Следующий термин напрямую связан с технологиями – «5G». Публикации на эту тематику начинают индексироваться в WoS относительно давно. На рубеже 1990–2000-х годов в среднем публикуется около ста статей в год. Резкий рост числа публикаций начинается в середине 2010-х годов. В 2014 году количество публикаций впервые переваливает за 1000 и достигает 1203 в год. К 2018 году наблюдается пик публикаций – 5616 единиц. В 2019 году выявляется некоторый спад – 4626 публикаций.

Последним проанализированным нами термином стал «Unmanned aerial vehicle (UAV)». Публикации в этой области также можно отнести к быстрорастущим. В 2013 году впервые было проиндексировано более 1000 публикаций (1143),

к 2018 году количество публикаций составило 3576 единиц.

Таким образом, подытоживая первую часть нашей работы, отметим, что наибольшее количество публикаций выполнено по относительно общим темам. Среди современных технологий (как технических, так и информационных) наибольший интерес исследователей вызывают такие направления, как Social media, Big Data, Artificial Intelligence, Internet of Things, Virtual Reality, Deep Learning, 5G, UAV.

Проведем анализ роли психологов в общем потоке публикаций. По запросу «Algorithms» к разным психологическим категориям относится порядка четырех с половиной тысяч статей. Относительно общего числа статей (739373) это очень небольшое число. Однако статьи присутствуют и в абсолютном измерении – их не так мало. При исследовании ключевого слова «Software» (всего 682077 публикаций) выявлено порядка 6500 публикаций по 12 различным психологическим категориям. Несмотря на разницу в абсолютных значениях с предыдущим ключевым словом, относительная разница невелика, если вообще присутствует. Еще меньше статей по психологии написано в рамках направления «Automation» – всего около двух тысяч.

В рамках направления «Social networks» (всего 50723 публикации) 5000 статей принадлежат к психологическим категориям. И несмотря на то что ни одна из них не вошла в десятку самых значимых, суммарно они дают результат в примерно десять процентов публикаций, что уже очень заметно на общем фоне.

По запросу «Social media» всего найдено 49327 публикаций. Категория «psychology multidisciplinary» занимает 15 строчку рейтинга с 1342 статьями. Всего же в различных психологических рубриках опубликовано порядка 3600 статей.

Наименьшее количество статей по психологии выявлено по запросу «Robotics» – порядка 650 из общего количества 48472.

Большим упущением со стороны нашей науки представляется ничтожная представленность публикаций по психологии в разделе «Big Data». Из 45165 публикаций в этом разделе к психологическим категориям относятся меньше 1000. Учитывая бурный рост публикационной активности в этом направлении, хотелось бы призвать психологов к более активному освоению Big Data. Аналогичная ситуация складывается и в исследованиях «Artificial Intelligence». Фактическое отсутствие работ по психологии в данных направлениях свидетельствует о недостаточной реакции психологов на актуальные проблемы современной науки.

Около 200 публикаций по психологии представлено в разделе «Computer vision». Данный результат также представляется удивительным, особенно с учетом богатой истории исследования перцептивных процессов. Возможно, данные области не пересеклись в рамках конкретных публикаций.

Столь же ничтожной представляется доля психологических исследований в области «Internet of Things». Из 36856 работ психологами выполнены только около 100.

Несколько лучше обстоят дела в области исследования «Virtual Reality». Из 36537 работ к различным психологическим рубрикам относятся 4500 публикаций, т. е. больше 10 процентов.

В исследованиях «Deep Learning» представлено всего около 200 публикаций по психологии.

Абсолютным антилидером по представленности публикаций по психологии являются исследования в области 5G – менее 100 исследований из 26874.

Подытоживая вторую часть наших исследований, можно сделать вывод о перспективных направлениях, исследованию которых психологам стоило бы уделять большее внимание. Это относительно разработанные в науке направления, такие как Computer vision и Artificial Intelligence, а также новые и перспективные – Big Data, Internet of Things, Deep Learning, Virtual Reality, 5G.

Ссылки

1. Журавлев А. Л., Нестик Т. А. Социально-психологические последствия внедрения новых технологий: перспективные направления исследований // Психологический журнал. 2019. Т. 40, № 5. С. 35–47.

2. Моргун А. Н. Наукометрическое пространство исследований по истории психологии: приросты и издержки // Знание. Понимание. Умение. 2019. № 2. С. 136–146. DOI: 10.17805/zpu.2019.2.12

3. Krampen G. Scientometric trend analyses of publications on the history of psychology: Is psychology becoming an unhistorical science? *Scientometrics*. 2016. Vol. 106 (3). P. 1217–1238.

4. Елисеева И. Н., Олейник Ю. Н. Наукометрический анализ как метод изучения состояния и динамики научного направления (на примере использования категории «индивидуальность» в названиях диссертационных исследований 1992–2018 гг.) // *Методология, теория, история психологии личности* / отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. А. Никитина, Н. Е. Харламенкова. М.: Институт психологии РАН, 2019. С. 218–233.

5. Зуев К. Б., Нестик Т. А. Библиометрический анализ развития основных направлений психологических исследований (по данным WoS и статистике поисковых запросов google) // *Психологическое знание: Современное состояние и перспективы развития* / под ред. А. Л. Журавлева, А. В. Юревича. М.: Институт психологии РАН, 2018. С. 671–697.

Possibilities of logotherapy to form a positive attitude to labor among convicts

B. V. Aleksandrov¹

¹Academy of the Federal penitentiary service of Russia, 1 Sennaya str., 390000, Ryazan, Russian Federation

Research article
Full text in Russian

The article is devoted to the techniques, forms and psychotechnics of logotherapy that can be used in work with persons serving criminal sentences and belonging to different categories of convicts in accordance with a type of employment in a correctional institution. The article describes the practice of using logotherapy in the process of providing psychological and pedagogical influence on convicts' personality and on their value-semantic sphere. The article reveals the peculiarities of forming and maintaining a positive attitude of persons serving criminal sentences to labour through the use of logotherapy techniques, taking into account the subtypes of convicts (identified by factor analysis) according to the criterion of their employment in places of detention. The results of the study showed that people who are not employed in correctional institutions, regardless of their desire to work, have a deformed semantic sphere.

Keywords: convicts; logotherapy; attitude to work; meaning of life; employment

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Aleksandrov Boris V. | E-mail: abv2712@rambler.ru
Lecturer

Возможности логотерапии в формировании положительного отношения к труду осужденных

Б. В. Александров¹

¹Академия ФСИН России, ул. Сенная, 1, Рязань, 390000, Российская Федерация

УДК 159.9:343.823

Научная статья

В статье рассматриваются приемы, формы и психотехники логотерапии, которые целесообразно применять и использовать в работе с лицами, отбывающими уголовное наказание и относящимися к различным по типу занятости в исправительном учреждении категориям осужденных. Описана практика применения логотерапии в процессе оказания психолого-педагогического воздействия на личность осужденного, на их ценностно-смысловую сферу. Раскрываются особенности формирования и поддержания положительного отношения лиц, отбывающих уголовное наказание, к труду, посредством использования логотерапевтических техник, с учетом выделенных путем факторного анализа подтипов осужденных по критерию их занятости в местах лишения свободы. Результаты проведенного исследования показали наличие у лиц, не трудоустроенных в исправительном учреждении, вне зависимости от их желания работать, деформированность смысловой сферы.

Ключевые слова: осужденные; логотерапия; отношение к труду; смысл жизни; трудоустройство и занятость

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Александров Борис Владимирович | E-mail: abv2712@rambler.ru
| Преподаватель

Введение

В настоящее время в учреждениях уголовно-исполнительной системы отбывают уголовные наказания более 500 тысяч человек. Около половины из них являются лицами, впервые осужденными. Практика показывает, что большому количеству осужденных свойственна установка на бездеятельное времяпрепровождение в условиях изоляции от общества. Наряду с этим, находясь в местах лишения свободы, человек начинает считать, что им утрачена надежда на лучшее будущее; как правило, он испытывает при этом такие чувства, как беспомощность, опустошенность, ненависть к окружающим, вину и др. Вместе с утратой надежды размытым становится и его смысл жизни. А ведь смысл является, как отмечал В. Франкл, двигателем развития личности и реализуется он посредством деятельностного существования человека [1].

Под деятельностным существованием понимаются все те формы и (или) способы, направленные на преобразование, какое-либо изменение. В этой связи человек является субъектом по отношению к деятельности.

В учреждениях уголовно-исполнительной системы предоставляется возможность каждому осужденному быть включенным в ту или иную деятельность (творческую, трудовую, образовательную, профессиональную, досуговую и пр.), что является важным условием удовлетворения потребностей более высокого уровня, в том числе и в самоактуализации. Однако многим лицам, преступившим закон и отбывающим уголовные наказания, свойственна апатия к жизни ввиду отсутствия у них стремления к поиску ее смысла. Посредством применения логотерапии сотрудниками учреждений уголовно-исполнительной системы может быть решена задача по формирова-

нию твердой жизненной позиции осужденных, позволяющая задействовать ресурсы, которые способны вернуть и привести человека к нормальной дальнейшей жизнедеятельности.

Материалы и методы исследования

Выборку, проводимую в трех исправительных учреждениях УФСИН России по Воронежской и Рязанской областям, составили 100 осужденных мужского пола в возрасте от 19 до 60 лет, отбывающих уголовное наказание в исправительных колониях общего и строгого режима. В зависимости от их занятости в исправительной колонии были выделены следующие типы осужденных: 1 – трудоустроенные в исправительной колонии (n=35 осужденных); 2 – не трудоустроенные в исправительной колонии, но желающие работать (n=33 осужденных); 3 – не трудоустроенные в исправительной колонии, не желающие работать (n=32 осужденных) [2]. Представленные типы осужденных, каждый из которых соответствует тому или иному типу трудовой занятости, были выделены при помощи методов анализа документов, опроса сотрудников и самих осужденных. Наряду с этим методом использовалась методика цветowych выборов, основывающаяся на психосемантической диагностики личности, позволившая отметить особенности отношения к труду лиц, отбывающих наказание, и сопоставить их со смысловыми конструктами, являющимися компонентами того или иного отношения, которые были изучены при помощи методики «Смысложизненные ориентации» Д. А. Леонтьева (далее СЖО) [3]. Для достижения цели исследования, заключающейся в описании возможностей

использования логотерапии в формировании положительного отношения к труду лиц, отбывающих уголовные наказания, к результатам обследования, полученным по каждому из указанных типов посредством приведенной методики, разработанной Д. А. Леонтьевым, применялся факторный анализ (использовалась программа IBM SPSS Statistics 22), позволивший выделить подтипы осужденных и установить направленность логотерапевтической работы с каждым из них.

Результаты и их обсуждение

Воспользовавшись факторным анализом результатов методики смысловых ориентаций обследуемых категорий осужденных, мы получили характеристику отдельных групп трудоустроенных осужденных, нетрудоустроенных лиц, но желающих работать и не желающих трудиться в исправительном учреждении осужденных.

По итогам факторного анализа с использованием метода *Varimax normalized* и применением критерия «каменистой осыпи» мы извлекли по два фактора в каждой из трех групп испытуемых [4]. Трудоустроенные осужденные в исправительной колонии (n=35) в основном убеждены в том, что человеку дана возможность контролировать свою жизнь, свободно принимать решения и воплощать их в жизнь; они полагают, что их прошлое позволяет им придать смысл дальнейшей жизни (табл. 1). С такими лицами работа должна заключаться в периодическом подкреплении личностных смыслов путем обращения к позитивному опыту и успехам в прошлом.

Таблица 1

Факторный анализ результатов обследования осужденных, трудоустроенных в исправительном учреждении (тест СЖО)

Смысловые ориентации	Фактор 1	Фактор 2
Цели в жизни		
Процесс жизни	,568	,707
Результат жизни	,766	,416
Локус контроля – Я	,173	,951
Локус контроля – жизнь	,898	,178
Общий показатель – осмысленность жизни	,689	,709

Другому типу категории трудоустроенных осужденных, выделенных по второму фактору, свойственно представление о себе как о сильной личности, обладающей достаточной свободой выбора, чтобы построить свою жизнь в соответствии со своими целями и представлениями о ее смысле. Работа психолога может заключаться с этими лицами в мотивации их к реализации задач на пути к достижению целей.

Далее были выделены особенности второй выборки – желающие работать осужденные, но нетрудоустроенные в колонии (табл. 2). Лица, отнесенные к первому подтипу, у которых в соответствии с фактор-

ными нагрузками выделены локус контроля – Я, цели в жизни и общий показатель – осмысленность жизни – не верят в собственные силы, которые им могут помочь контролировать события собственной жизни; они живут в основном вчерашним либо сегодняшним днем. С ними следует применять такую психотехнику, как «перемена отношений», суть которой заключается в модификации отношения к окружающей действительности, работе путем обмена мнениями, спора, доказательств, в процессе которых осужденный может поменять свою точку зрения и принять новую [5].

Таблица 2

Факторный анализ результатов обследования осужденных, нетрудоустроенных в исправительном учреждении, но желающих работать (тест СЖО)

Смысложизненные ориентации	Фактор 1	Фактор 2
Цели в жизни	,800	,400
Процесс жизни	,218	,918
Результат жизни	,514	,678
Локус контроля — Я	,873	,171
Локус контроля — жизнь	,672	,329
Общий показатель — осмысленность жизни	,766	,608

По второму фактору очевидно, что осужденные, желающие работать, не удовлетворены своей жизнью в настоящем. Несмотря на это, полноценный смысл жизни этим лицам могут придавать воспоминания о прошлом или нацеленность на будущее. Здесь важной логотерапевтической техникой является переключение или же дерефлексия, цель которой заключается в перефокусировки внимания, например, на прошлые достижения либо возможности изменения социального статуса, материального положения в будущем. Необходимо помочь осужденному думать о чем-то, но не о проблемах, которые и провоцируют неудовлетворенность.

Не желающие работать, осужденные по первому фактору, относятся к подтипу живущих сегодняшним или вчерашним днем; им свойственно неверие в собственные ресурсы, которые позволяли бы им контролировать события жизни; эти лица испытывают неудовлетворенность прошлым, однако в настоящем воспринимают сам процесс своей жизни как интересный и эмоционально насыщенный. В этой связи необходимым становится применение

логотерапии в индивидуальной форме. В качестве такого воздействия следует показывать нетрудоустроенному осужденному способ обрести внутреннюю свободу, несмотря на неблагоприятную ситуацию, и научить его осознанию ответственности, благодаря которой он сохранит возможность сделать свою трудную жизнь содержательной, извлечь из нее смысл.

Для другого подтипа осужденных по выделенному второму фактору характерным является фатализм. Эти граждане убеждены в том, что жизнь идет вне сознательного контроля, для них отсутствует смысл смотреть в будущее, все происходящее уже предопределено и неподвластно им. Особенностью работы с этой категорией может стать формирование положительного отношения к труду путем приведения их к осознанию важности трудовой деятельности для развития общества, семейного благополучия и т. п. Позитивное воздействие также окажут примеры из жизни людей, добившихся значительных результатов, особенно если они сами отбывали уголовные наказания (табл. 3).

Факторный анализ результатов обследования осужденных, не трудоустроенных в исправительном учреждении, не желающих работать (тест СЖО)

Смысложизненные ориентации	Фактор 1	Фактор 2
Цели в жизни	,913	,258
Процесс жизни	,829	,071
Результат жизни	,835	,274
Локус контроля – Я	,791	,226
Локус контроля – жизнь	,230	,966
Общий показатель – осмысленность жизни	,909	,354

Помимо вышеизложенного, важнейшим направлением логотерапевтической работы с осужденными, которое позволит сформировать положительное отношение к различным сторонам действительности, а также к труду является социально-психологический тренинг подготовки осужденных к жизни на свободе (в качестве примера одним из таких тренингов является «С гармонией в душе к будущей жизни») [6]. Он предполагает:

- развитие и коррекцию представлений осужденных о себе (Я–концепции);
- дестабилизацию стереотипных представлений о сотрудниках исправительного учреждения и представителях правоохранительных органов;
- расширение сферы осознаваемого в понимании мотивов противоправного поведения;
- развитие адекватной самооценки и уверенности в себе;
- коррекцию старых и формирование новых ценностных ориентаций осужденных;
- прояснение и корректировку жизненных планов осужденных;
- развитие эмоциональной устойчивости в сложных жизненных ситуациях;

Ссылки

1. Франкл В. Человек в поисках смысла. М.: Прогресс, 1990. 345 с.
2. Александров Б. В. Мотивация осужденных к труду как одно из условий их ресоциализации // Прикладная юридическая психология. 2019. № 1 (46). С. 77–83.
3. Леонтьев Д. А. Тест смысложизненных ориентаций (СЖО). 2-е изд. М.: Смысл, 2006. 18 с.
4. Леньков С. Л. Статистические методы в психологии: учебник и практикум для бакалавриата, специалитета и магистратуры / С. Л. Леньков, Н. Е. Рубцова. 3-е изд., испр. и доп. М.: Юрайт, 2019. 311 с.
5. Лэнгле С. Терапевтические возможности методов логотерапии и экзистенциального анализа // Национальный психологический журнал. 2018. № 2(30). С. 22–31.
6. Крючкова Л. В. Программа «С гармонией в душе к будущей жизни» // Методист. 2011. № 1. С. 53–57.